

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.К. АММОСОВА

№ 4 (12)
2023

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР

ISSUES OF NATIONAL LITERATURE

Научный журнал
Сетевое издание
Издается с 2021 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

4 (12) 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

П. В. Сивцева-Максимова, д. филол. н., профессор

Заместитель главного редактора

О. И. Иванова, к. филол. н., доцент

Выпускающий редактор

В. Е. Степанова, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии:

В. А. Бигуаа, д. филол. н., в. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. А. Бурцев, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Б. Т. Койчув, д. филол. н., профессор, Кыргызско-Российский Славянский университет, Кыргызстан

Р. Г. Кулиева, д. филол. н., профессор, Бакинский славянский университет, Азербайджан

Ю. Б. Орлицкий, д. филол. н., в. н. с., Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация

П. А. Слепцов, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

К. К. Султанов, д. филол. н., профессор, ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. Т. Хамраев, д. филол. н., профессор, Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова, Национальная Академия
наук Республики Казахстан

К. К. Бауаев, д. филол. н., доцент, Кабардино-балкарский государственный университет, Российская Федерация

Л. П. Григорьева, к. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. И. Данилова, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

У. А. Донгак, к. филол. н., с. н. с., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических
исследований, Российская Федерация

Л. С. Ефимова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

В. В. Илларионов, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

С. С. Имхелова, д. филол. н., профессор, Бурятский государственный университет, Российская Федерация

И. А. Керимов, д. филол. н., профессор, Институт крымско-татарской филологии, истории и культуры этносов Крыма,
Российская Федерация

Р. А. Кудрявцева, д. филол. н., профессор, Марийский государственный университет, Российская Федерация

Г. С. Кунафин, д. филол. н., профессор, Башкирский государственный университет, Российская Федерация

С. О. Курьянов, д. филол. н., доцент, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Российская Федерация

Н. С. Майнагашева, к. филол. н., в. н. с., Хакасский НИИ языка, литературы и истории, Российская Федерация

О. А. Мельничук, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., г. н. с., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН
Республики Татарстан, Российская Федерация

М. Х. Надергулов, д. филол. н., г. н. с., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Российская Федерация

В. Б. Окорокова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Ж. В. Охлопова, к. филол. н., с. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Н. В. Покатилова, д. филол. н., профессор, г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. Н. Романова, к. филол. н., в. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

В. Г. Семенова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Ю. Г. Хазанкович, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. А. Хубитдинова, д. филол. н., г. н. с., Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Российская Федерация

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 228

Тел./факс: +7 (4112) 49-67-54

Северо-Восточный федеральный университет

<http://www.litteraesvf.ru>

Academic periodical

Online edition

Published since 2021

The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "M. K. Ammosov North-Eastern Federal University"

4 (12) 2023

EDITORIAL BOARD

Head editor

P. V. Sivtseva-Maksimova, Doctor of Philological Sciences, Professor

Deputy chief editor

O. I. Ivanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Issuing editor

V. E. Stepanova, Candidate of Philological Sciences

Members of the editorial board:

V. A. Biguaa, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, IMLI RAS, Russian Federation

A. A. Burtsev, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russian Federation

B. T. Koichuev, Doctor of Philological Sciences, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan

B. G. Kuliyeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Baku Slavic University, Azerbaijan

Y. B. Orlitskiy, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Russian State University for the Humanities, Russian Federation

P. A. Sleptsov, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch RAS, Russian Federation

K. K. Sultanov, Doctor of Philological Sciences, Professor, IMLI RAS, Russian Federation

A. T. Khamraev, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. O. Auezov Institute of Literature and Art, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

K. K. Bauaev, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation

L. P. Grigoryeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. I. Danilova, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch RAS, Russian Federation

U. A. Dongak, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Tuva Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research, Russian Federation

L. S. Efimova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russian Federation

V. V. Illarionov, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russian Federation

S. S. Imikhelova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Buryat State University, Russian Federation

I. A. Kerimov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Institute of Crimean Tatar Philology of History and Culture of Crimean Ethnic Groups, Russian Federation

R. A. Kudryavtseva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Mari State University, Russian Federation

G. S. Kunafin, Doctor of Philological Sciences, Professor, Bashkir State University, Russian Federation

S. O. Kuryanov, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation

N. S. Mainagasheva, Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russian Federation

O. A. Melnichuk, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russian Federation

L. Kh. Mukhametzyanova, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, AS of the Republic of Tatarstan, Russian Federation

N. Kh. Nadergulov, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Ufa Federal Research Center of the RAS, Russian Federation

V. B. Okorokova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Zh. V. Okhlopova, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch RAS, Russian Federation

N. V. Pokatilova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch RAS, Russian Federation

L. N. Romanova, Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch RAS, Russian Federation

V. G. Semenova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Yu. G. Khazankovich, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. A. Khubbitdinova, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, M. Aknulla Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation.

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 42 Kulakovsky str., office 228, Yakutsk, Russia, 677000

Telephone/Fax: +7 (4112) 49-67-54

<http://www.litteraesvf.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Григорьева Л. П.</i> Е. П. Шестаков-Эрчимэн как литературный критик.....	5
<i>Ivanova O. I.</i> Organization of space and time in the story “Makar’s Dream” and the story “Without Language” by V. G. Korolenko.....	14
<i>Корнилова А. А., Иванова С. В.</i> Индивидуально-стилистическое осмысление образа родного языка в произведениях якутских поэтов.....	24
<i>Оценкова А. И., Монастырев Т. С.</i> Поэтика северного пространства в стихотворениях А. А. Бестужева-Марлинского.....	33
<i>Шагдарова Т. В., Хромых О. П.</i> Концепт <i>семья</i> как ключевой концепт художественного мира К. Г. Карнышева.....	42
<i>Шиишигина В. Р.</i> Жанровая уникальность документального романа (на примере произведения Харысхала “Дорогами минувших лет”).....	52

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА

<i>Илларионова Т. В., Киприянова Ю. Ю.</i> Сказительские традиции олонхосутов Хангаласского улуса.....	60
<i>Романова Л. Н.</i> Сюжеты и мотивы преданий о Таас Уллунгах в фольклоре и литературе: к вопросу о преемственности фольклорных традиций в литературе.....	72
<i>Сатанар М. Т.</i> Особенности олонхо «Дугуйа Бёгё» (к постановке комплексного изучения).....	83

РЕЦЕНЗИЯ

<i>Хазанкович Ю. Г.</i> Феномен хантыйского классика: к 75-летию Еремея Айпина.....	92
---	----

ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА

<i>Закирова Н. Н., Скопкарева. С. Л.</i> Международная юбилейная конференция в Короленковском университете.....	93
<i>Хазанкович Ю. Г.</i> Профессор В. М. Переверзин: творческая личность и научное наследие.....	95

CONTENT

HISTORY AND CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

<i>Grigoryeva L. P.</i> E. P. Shestakov-Erchimen as a literary critic.....	5
<i>Иванова О. И.</i> Организация пространства и времени в рассказе «Сон Макара» и повести «Без языка» В. Г. Короленко.....	14
<i>Kornilova A. A., Ivanova S. V.</i> Individual stylistic understanding of the native language's image in the works of Yakut poets.....	24
<i>Oshchepkova A. I., Monastirev T. S.</i> Poetics of the northern space in poems by A. A. Bestuzhev-Marlinsky. 33	
<i>Shagdarova T. V., Khromykh O. P.</i> The concept of <i>family</i> as a key concept of the artistic world of K. G. Karnyshev.....	42
<i>Shishigina V. R.</i> Genre uniqueness of the documentary novel: the case of Kharyskhal's "The Roads of Bygone Years".....	52

THE LITERARY LIFE OF FOLKLORE. POETICS

<i>Illarionova T. V., Kipriyanova Yu. Yu.</i> Storytelling traditions of olonkhosuts of Khangalassky district.....	60
<i>Romanova L. N.</i> Plots and motifs of legends about Taas Ullungakh in folklore and literature: on the question of continued folklore traditions in the literature.....	72
<i>Satanar M. T.</i> Features of the olonkho "Duguya Bege" (towards the formulation of a comprehensive study).....	83

REVIEW

<i>Khazankovich Yu. G.</i> The phenomenon of the Khanty classic: to the 75th anniversary of Yeremey Aipin.....	92
--	----

INFORMATION. CHRONICLE

<i>Zakirova N. N., Skopkareva S. L.</i> International Jubilee Conference at Korolenko University.....	93
<i>Khazankovich Yu. G.</i> Professor V. M. Pereverzin: creative personality and scientific heritage.....	95

– ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС –

УДК 821.512.157.09

DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-5-13

Е. П. Шестаков-Эрчимэн как литературный критик

Л. П. Григорьева

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ grigormila@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию литературно-критических работ Егора Петровича Шестакова-Эрчимэна (1927–1996), крупного и авторитетного критика в якутской литературе 60–90 гг. XX века; его слово имело большое значение в литературном процессе этого периода. Определяются проблематика, жанровое своеобразие работ, принципы, которых придерживался критик; выявляются методы и приемы критического анализа художественного произведения (инструментарий критика). В результате на основе проведенного анализа выявлено следующее: основными проблемными вопросами литературно-критических статей и работ исследовательского характера Эрчимэна выступают вопросы оценки литературного наследия классиков якутской литературы, спорные вопросы истории якутской литературы и критики; вопросы мастерства критика и качества критического анализа художественного произведения. В литературно-критических работах Эрчимэна представлены все основные жанры критики: рецензия, статья (обзорная, проблемная и полемическая), литературный портрет (юбилейная статья и собственно литературный портрет) и эссе; к методам критического анализа можно отнести: пересказ, цитирование, сравнение, аналогию, прямое выражение позиции.

Ключевые слова: якутская литература, литературная критика, Е. П. Шестаков-Эрчимэн, проблематика, жанры критики, рецензия, мастерство критика, инструментарий литературной критики.

Для цитирования: Григорьева Л. П. Е. П. Шестаков-Эрчимэн как литературный критик. Вопросы национальных литератур. 2023, № 4 (12). С. 5–13. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-4-5-13

E. P. Shestakov-Erchimen as a literary critic

L. P. Grigoryeva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ grigormila@mail.ru

Abstract. The article studies the literary and critical works by Egor Shestakov – Erchimen (1927–1996), a major and authoritative critic in the Yakut literature of the 1960s – 90s. His opinion was of great importance in the literary process of that period. The article reveals the problems, the genre originality of his works, the principles that the critic adhered to, as well as the methods and techniques of critical analysis of a work of art (the critic's tools). As a result, based on the analysis, the following was revealed: the main problematic issues of literary and critical articles and research works by Erchimen are the issues of evaluating the literary heritage of the classics of Yakut literature; controversial issues of the history of Yakut literature and criticism; issues of the critic's skill and the quality of critical analysis of a work of art. The Erchimen's literary and critical works represent the whole range of major genres of criticism: a review, article (review, problematic and polemical), literary portrait (anniversary article and a literary portrait per se and essay); his critical analysis methods include retelling, quoting, comparison, analogy, and a direct statement.

© Григорьева Л. П., 2023

Keywords: Yakut literature, literary criticism, E. P. Shestakov- Erchimén, problematics, genres of criticism, review, critic's skill, tools of literary criticism.

For citation: Grigoryeva L. P. E. P. Shestakov-Erchimén as a literary critic. Issues of National Literature. 2023. No. 4 (12). Pp. 5–13. DOI:10.25587/2782-6635-2023-4-5-13

Введение

Егор Петрович Шестаков–Эрчимэн в якутской литературе 1960–1990 -х гг. стал известен прежде всего как литературный критик. Не будет преувеличением, если отметим, что каждое новое произведение обязательно получало оценку критика Эрчимэна, и каждый автор трепетно ждал его слово на свое новое творение. В настоящее время его литературно-критическое наследие в полном объеме дошло до читателей в шести сборниках [1–6]. Круг проблем и вопросов, рассматриваемых в работах критика, обширный: начиная с определения понятия, цели и задачи литературной критики, завершая рецензиями и статьями, литературными портретами писателей, работами, касающимися спорных вопросов истории якутской литературной критики и творчества основоположников якутской литературы. Статьям Эрчимэна присущи широта привлекаемого материала, обстоятельность анализа и самобытность суждений, полемический задор. В разное время о творчестве Эрчимэна писали статьи-воспоминания писатели С. А. Попов–Тумат, Н. Е. Винокуров–Урсун, П. Н. Харитонов–Ойуку, исследователи Н. З. Копырин, В. Н. Протодяконов, Г. Г. Филиппов и др. Некоторые вопросы критики Эрчимэна затрагиваются в работах Г. С. Сыромятникова, А. А. Билукиной, Л. П. Григорьевой, посвященных истории якутской литературной критики [7–10]. Вместе с тем литературно-критическая деятельность Эрчимэна не в полной мере исследована: не определены эстетические категории, принципы критика, не выявлены методы и приемы критического анализа; отсутствуют монографические исследования, научные статьи. Таким образом, *актуальность темы исследования* определяется недостаточной изученностью литературно-критического наследия Эрчимэна.

Цель работы – исследование литературно-критических работ Эрчимэна. Для достижения поставленной цели следует решить следующие *задачи*: определение проблематики и жанрового своеобразия литературно-критических работ Эрчимэна; выявление основных принципов критики; определение методов и приемов критического анализа (инструментарий критика). В работе применяются такие методы литературоведческих исследований, как текстуальный анализ и историко-сравнительный анализ.

Теоретической базой исследования послужили труды литературоведов Л. П. Быкова [11], А. А. Виноградова [12], С. М. Казначеева [13], В. Н. Крылова [14], посвященные вопросам теории литературной критики; работы якутских исследователей А. А. Билукиной [9], Г. С. Сыромятникова [7], статьи Н. З. Копырина [15], С. А. Попова–Тумата [16] и др.

Практическая значимость работы: полученные результаты (выводы) могут быть использованы в дальнейшем изучении литературно-критического творчества Эрчимэна и в преподавании курса «История якутской литературной критики».

Литературно-критические работы Эрчимэна: проблематика и жанровое своеобразие

Литературно-критическое наследие Эрчимэна полностью представлено в его сборниках статей. Два последних сборника литературно-критических работ были изданы учеником критика С. А. Поповым–Туматом [5, 6]. Народный писатель Якутии С. А. Попов–Тумат

включил в эти сборники ранее неопубликованные работы Эрчимэна, написал несколько статей о творчестве своего учителя (сборники). Всего в этих сборниках представлены 44 работы Эрчимэна: критические статьи, рецензии, публицистические статьи и работы исследовательского характера.

С. А. Попов-Тумат все работы Эрчимэна по тематическому направлению условно разделил на 6 групп: 1) “саха уус-уран литературата үөскээһинин уонна сайдыытын боппуруостарын ингэн-тонгон үөрэппит ыстатыйалара” (работы, посвященные вопросам зарождения и развития якутской художественной литературы); 2) “саха уус-уран литературатын көмүскээһиннэ, киниэхэ саба түһүүлэр төрүүттэрин уонна олох албастарын дакаастааһынна туруммут ыстатыйалара” (работы, посвященные проблемным вопросам якутской литературы: отношения к литературному наследию классиков якутской литературы); 3) “литературнай полемика културатын сайыннарыыга кыымы биэрэр ыстатыйалара” (полемические статьи); 4) “бөдөн суруйааччылар, кинилэр айымньыларын туһунан ыстатыйалар” (статьи, посвященные творчеству крупных писателей и их произведениям); 5) “саҥа суруллубут айымньылары ырыппыт, суруйааччыларга сүбэ-ама биэрбит ыстатыйалара” (работы, посвященные анализу новых произведений); 6) “Эрчимэн тус бэйэтигэр сыһыаран, бэйэтин опытын, билбитин-көрбүтүн суруйбут ыстатыйалара” (статьи о творчестве, литературе и критике, основанные на собственном литературно-критическом опыте) [16, с. 13-14]. Мы, не повторяя С. А. Попова-Тумата, отметим основные проблемные вопросы, которые, на наш взгляд, нашли отражение в работах критика.

Литературно-критическая деятельность Эрчимэна началась в конце 1950-х гг. Как известно, в эти годы в литературе актуальным и спорным был вопрос литературного наследия основоположников якутской литературы А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова, Н. Д. Неустроева и монографии Г. П. Башарина “Три якутских реалиста-просветителя” (1944). Молодой критик Эрчимэн не мог обойти стороной этот вопрос. Он написал рецензию на третье издание произведений А. Е. Кулаковского 1957 г. (составитель и автор вступительной статьи Н. П. Канаев): отметил особенности издания, указал на изменения в текстах некоторых произведений; сделал некоторые замечания по выводам Н. П. Канаева. Эрчимэн высоко оценил творчество А. Е. Кулаковского, указав, что в его произведениях реалистично отражается дореволюционная жизнь народа саха [4, с. 54–55].

В том же 1957 г. Эрчимэн опубликовал большую статью, предметом анализа которого стал “Очерк истории якутской советской литературы” (1955 г.). Отметим, что эта большая работа была написана под влиянием постановления бюро Якутского обкома ВКП (б) “О буржуазно-националистических извращениях в освещении истории якутской литературы” от 6 февраля 1952 г., поэтому были допущены ошибки и искажения. В настоящее время эта книга оценивается как образец идеологизированного подхода к литературному творчеству (исправленный, дополненный очерк увидел свет лишь в 1970 г.). Критик уделил пристальное внимание анализу произведений писателей и указал на серьезные ошибки и недочеты в оценке тех или иных произведений. Указывая на сложность литературоведческой работы, Эрчимэн подчеркивает, что и критик, и литературовед должны хорошо знать анализируемый материал [5, с. 49]. Требований, которые он поставил перед исследователями литературы и критиками, Эрчимэн всегда придерживался сам. В 1965–1969 гг. он написал статью “Ойуун түүлүн проблематиката” (“Проблематика “Сна шамана”). Перед тем, как приступить к анализу проблематики поэмы, он освещает историю создания текста поэмы, историю издания и оценку в литературной критике, отмечает работы исследователей. В определении проблематики произведения, таким образом, имеют важное значение особенность эпохи, в которой жил поэт, историческая и политическая ситуация, общественная мысль и т. д. Все это Эрчимэн учитывает в своем анализе, именно поэтому его выводы интересны и убедительны [4, с. 123-152]. Проблемные вопросы истории якутской литературной критики 1920–1930 гг. нашли отражение в его эссе “Эллэй эркээйилэрэ” (“Пути Эллы”) [5, с. 144–189].

Таким образом, спорные вопросы, связанные с оценкой произведений классиков якутской литературы и истории якутской критики в целом, могут быть определены как основная проблема литературно-критических и исследовательских работ Эрчимэна.

Вторая основная проблема, на наш взгляд, связана с вопросами качества критического анализа художественного произведения. В своих статьях о творчестве, литературе и собственно критических работах он постоянно обращал внимание на вопросы, касающиеся мастерства критика. Между строк Эрчимэна мы читаем, что именно мастер-критик сможет сделать глубокий анализ и раскрыть достоинство художественного произведения и мастерство его автора. Эти вопросы более подробно мы рассматриваем в следующих частях настоящей статьи.

В литературно-критических работах Эрчимэна представлены все базовые жанры критики: рецензия, статья (обзорная, проблемная и полемическая), литературный портрет (юбилейная статья и собственно литературный портрет), эссе. Но основным жанром критики Эрчимэна можно назвать рецензию, т. к. предметом анализа выступали новые произведения якутских писателей. Критик четко придерживался требований рецензии как жанра критики и анализировал произведения по 4–6 литературоведческим параметрам, обязательно выявлял художественные достоинства, отмечал недостатки и определял место произведения в творчестве писателя и литературе в целом.

Основные принципы критика Эрчимэна

В современных исследованиях о понятии критики и критическом тексте существуют разные мнения. В отличие от художественного текста критический текст – текст вторичный, текст о тексте. Критика тесно связана с теорией и историей литературы; главной доминантой критики является оценочность, субъективное суждение о том или ином произведении; критика – это творчество [17]. Сами критики и писатели-критики нередко обращаются к вопросу “Что есть критика?”. Достаточно вспомнить статьи В. Г. Белинского “Речь о критике”, В. А. Жуковского “О критике”, А. С. Пушкина “Критика” и др. Эрчимэн в начале своей критической деятельности также выступил со статьей о критике, о ее целях и задачах, принципах критики в работе “Айар санаа аргыһа” (“Спутник творческой мысли”, 1967). Обратимся к этой статье, чтобы определить основные положения и принципы, которых впоследствии придерживался критик Эрчимэн.

Статья состоит из 7 частей; автор на основе анализа критических работ, напечатанных в периодической печати, выделяет сильные и слабые стороны критических замечаний и определяет текущее состояние литературной критики. Здесь же мы находим собственно авторские суждения о назначении и принципах критики. Во-первых, Эрчимэн подчеркивает, что литературная критика не развивается обособленно от истории литературы – критика и история литературы взаимодействуют, взаимно влияют друг на друга. Во-вторых, по мнению Эрчимэна, критика особенно трудна и ответственна, потому что она посвящается современному литературному процессу, сегодняшней литературе. Здесь критик отмечает несколько моментов, почему с этой точки зрения критика трудна. Мы не можем не согласиться с ним. В третьих, настоящая критика должна еще и волновать читателя, а не только побудить его к размышлению о том или ином произведении. В четвертых, “настоящей эстетической задачей критики является воспитание в читателе чувства прекрасного, обучение этическим нормам жизни” [перевод наш – Л. Г.] (“Кэрэни кэрэхсииргэ, үчүгэйи өйдүүргэ үөрэтии – бу буолар дыһыннээх кириитикэ эстетическэй сорууга” [5, с. 58]. Вот эти положения впоследствии стали принципами самого Эрчимэна. В своих критических выступлениях он всегда старался достичь этой главной эстетической задачи критики. По мнению критика, “критическая мысль – это постоянный спутник творчества, его верный друг, кровный родственник” (“Критическэй өй-санаа – айар санаа арахсыспат аргыһа, эрэллээх доборо, уунан да сууйуллубат хаан уруута” [5, с. 61]. В этой статье мы находим суждения Эрчимэна о настоящем критике: каким должен быть критик? “Настоящий критик, – пишет Эрчимэн, должен быть неплохим

теоретиком, должен хорошо разбираться в литературах других народов, а не только в истории своей литературы. Эти знания должны быть положены в основу анализа произведений” (“...дыннээх критик, өскөтүн баҕарар курдук этгэххэ, куһаҕана суох теоретик уонна бэйэтин литературатын историятын эрэ буолбакка, атын норуоттар литератураларын историяларын кытта эмиэ билсибит киһи буолуохтаах. Кини ол билиилэрин туһааннаах айымньылары ырытыларыгар туттуох кэриннээх”) [5, с. 52].

Как видно, еще в начале литературно-критической деятельности Эрчимэн размышлял о предмете, задаче, принципах критики. И те положения, которые он выдвинул в своей статье, потом стали в первую очередь для него самого принципом критики.

Инструментарий литературной критики Эрчимэна

Методы и приемы анализа и оценки художественного произведения основаны именно на положениях, которые критик выдвинул в вышеупомянутой статье. Как уже отметили, основным жанром критики Эрчимэна является рецензия. Более подробно остановимся на рецензии, посвященной роману-трилогии В. Соловьева-Болот Боотура “Уһуктуу” (“Пробуждение”). При анализе этой работы мы преследуем две задачи: во-первых, определяем особенности жанра рецензии; во-вторых, выявляем методы и приемы анализа художественного произведения критика Эрчимэна (инструментарий).

Рецензия “Киэн киэлилээх роман” (“Всеобъемлющий роман”) композиционно разбита на 5 частей. Первую часть можно определить как зачин (вводную часть) большой рецензии. Критик счастлив от того, что писатель Болот Боотур завершил работу над романом-эпопеей, длившуюся 13 лет, и, наконец, наступила возможность оценить роман. Далее критик акцентирует наше внимание на начало первой книги трилогии и постепенно оживляет все события романа. Критик часто приводит цитаты в качестве подтверждающего аргумента своих суждений; при анализе делает сравнения, сопоставления с другими произведениями писателей и фольклора; события романа часто противопоставляются современной действительности. Роман начинается с рождения нового человека и это Эрчимэн считает большой удачей автора.

Вторая часть рецензии посвящена анализу проблематики романа. Эрчимэн пишет: “Байы кыыбаҕатыгар ыллары бэйэтэ туспа социальной, психологической ыарыы быһылаах” (“Кажется, страсть к обогащению – это социальная и психологическая болезнь”) [5, с. 125]. Чтобы подтвердить свои слова он приводит примеры из произведений мировой литературы, напоминает нам образы Шейлока У. Шекспира, Гобсека, господина Гранде О. де Бальзака, купцов А. Островского, Фрэнка Каупервуда Т. Драйзера и др. Как отмечает критик, действия Сабардама, связанные с желанием заполучить дополнительные луга для сенокоса (спустить воду озера Халанаатта), становятся причиной большого конфликта, скандала, противостояния; с этого начинается раскрытие темы романа, отправной точкой сюжетного действия большого эпического повествования. Критик подчеркивает, что романисту удалось найти ту точку, с которой начинается раскрытие темы. И тут же Эрчимэн приводит фактические данные из работ Г. П. Башарина об истории земледелия в дореволюционной Якутии, и указывает произведения якутских писателей, где нашли отражение вопросы владения и распределения земельных угодий – “Исполнение завещания” Эрилик Эристина, “Весенняя пора” Амма Аччыгыя, “В давние времена” Кюннюк Урастырова, “Земля” Кюндя. Эти аналогии и сравнения служат аргументом для подтверждения суждений критика об основной проблематике романа. Далее критик свое внимание акцентирует на образах персонажей, которые имеют значение в разрешении этого вопроса (Сабардам, Босомо, Петр Толстый).

В третьей части рецензии критик анализирует образы бедняков, используя прием противопоставления. Центральной фигурой выступает образ Томороона, которого критик противопоставляет образу Сабардама. Другие образы представителей этой социальной среды анализируются в тесной связи с образом Томороона. Эрчимэн

восхищается мастерством писателя, подчеркивает, что он создал целую художественную галерею социальных типов, которые, несмотря на тяжелую участь, бедность, угнетение, не потеряли человечность, достоинство, любовь к жизни. Критик находит у каждого персонажа такое качество, которое присуще только ему. С характеристиками и выводами критика нельзя не согласиться.

В четвертой части рецензии Эрчимэн анализирует сюжет, особое внимание уделяет историческим событиям, которые нашли отражение в романе, образам исторических личностей и их функции в качестве художественного образа. Эрчимэн делает вывод, что читатели, которые специально не изучали историю “Романовки”, могут узнать многое из романа многое. Здесь критик отмечает мастерство Болот Боотура как романиста.

В пятой части рецензии мы находим суждения Эрчимэна о системе персонажей романа. Как отмечает критик, из романа невозможно удалить ни одного персонажа, каждый персонаж имеет свое место и выполняет определенную художественную функцию. Сюжетное действие романа на протяжении трех книг развивают действия, связанные с основными героями Баягантайа, Евдокии, Тумара Григория, Ньюргуна, Сабардама, Томороона.

В заключении Эрчимэн еще раз подчеркивает мастерство романиста: критик восхищается тем, что Болот Боотуру удалось очень тактично, этично, реалистично раскрыть жизнь каждого персонажа, независимо от участия в сюжете: быт, место работы, даже отношения между супругами, тайны персонажей: “Болот Боотур ити сүрүн, ойбоос да персонажтарын сылдыар, оморор сирдэрин, үлэлиир миэстэлэрин, сууттарын, мара, мааны дыялэрин истэри-тастары, бэл кэргэнни олохторун, сыһыаннарын “чып” кистэлэннэрин кытта аһары тактичнайдык, этичнэйдик көрдөрөн, аһан, аабааччы харабын далыгар, өйүн-сүрэбин дүүлүгэр тиздэн, эпопэтын реализмын силигин ситэрэн, эстетическэй кэриннэрин, кизбин бары өттүттэн толорон, тупсаран бизэрэр” [5, с. 136].

Как видно, анализ романа-эпопеи проведен по четырем литературоведческим параметрам (проблематика, сюжет, образы, система персонажей), что соответствует жанру рецензии.

Критиком сделан глубокий анализ, его выводы убедительны, подтверждаются аргументами. В качестве аргументов критик часто использует цитаты из текста романа, основывается на фактических и исторических данных, примерах из истории литератур других народов и мировой классики, сравнения. К методам критического анализа Эрчимэна можно отнести: пересказ, цитирование, сравнение, аналогию, прямое выражение позиции.

Критическое произведение всегда обращено к читателям, критику обязательно нужно определиться, какой читатель по ту сторону книги: он соглашается с его выводами, поддерживает, вступает в диалог или, наоборот, принимает позицию оппонента. Эрчимэн-критик не вступает с читателями в беседу, не обращается к читателям с вопросами; он воспринимает своих читателей как единомышленников, он анализирует произведение вместе с читателями. Об этом свидетельствуют риторические предложения, использование множественного числа. Например, “Биһиги, аабааччылар, роман сүрүн геройа буолар персонаж күн сириҥ көрдөбө диэн түргэнник сааһын ситэ охсорун страницаттан страница ахсын кэтэспиппит” (“Мы, читатели, думали, что родился главный герой романа и поэтому ждали в каждой новой странице, когда же он повзрослеет”) [5, с. 124]. Или об одном из главных героев читаем: “Оттон ойбоор, омороругар сымнабас сыһыанын, сайабаһын, бу оонньуута-күлүүтэ элбэбин, остуоруйата, ырыата дэлэгэин бэл биһиги – билинни дыоннор ордук саныах курдукпут” (“Даже мы – современные люди, можем позавидовать его добродушию, искреннему отношению к жене, детям, песням, сказкам и юмору”) [5, с. 130]. Или: “Омор истэригэр биһиги эмиэ кинилэри кытта арааһааһытын бабарбат буолбут персонажтарбыт: Дьэллэм Дьэбдьэ, Тумара Киргизэлэй, Ньюргун, Дьэкиим, о.д.а. бааллар” (“Среди них были и персонажи, с которыми мы уже не хотим расставаться: Евдокия, Тумара Григорий, Ньюргун, Дьэкиим и др.”) [5, с. 134]. Эрчимэн-критик глубоко убежден, что читатели согласятся с ним и примут его позицию.

Литературную критику можно определить также как произведение о произведении. Язык и стиль критической работы также имеют большое значение как для автора, так и для читателей. Исследование языка и стиля литературно-критических работ сегодня представляет особенный интерес и входит в поэтику критики. И. В. Фролова отмечает, что в критической работе, как и в литературном произведении, могут быть использованы тропы – эпитет, метафора, метонимия, ирония, гипербола, перифраз и др. Тропы указывают на индивидуальный стиль критика – у него, равно как и у писателя, должны быть свой почерк и хорошо сложенная речь. Также инверсия, антитеза, параллелизм и риторические вопросы (иногда восклицания, обращения) могут указывать на его индивидуальность [18, с. 6]. Критик Эрчимэн в этом отношении также имел свое мнение. В вышеуказанной статье он отмечал, что критик должен быть не только неплохим теоретиком, но и неплохим писателем. Все критические работы Эрчимэна написаны особым художественным языком, это, действительно, произведения о произведении. Эта рецензия тому подтверждение. Эмоциональный тон критика часто передают вопросительно-восклицательные предложения: “Ол кыракый кэпсээн комической героя ханан эрэ үс кинигэлээх эпопеяба дьохуннаахтык кириэ диэн ким күүппүтэ баарай?!” (“Кто знал и ждал, что этот комический герой маленького рассказа (“Тураах тууһута” П. А. Ойунского) найдет свое достойное место в романе-эпопее в трех книгах?!”) [5, с. 122]. Здесь критик выражает свое восхищение гениальной находкой писателя. Или: “Сахалар былыр кыракымчы олоххо оҕо төрөөһүнүн төһөлөөх үөрэн-көтөн, умнуллубаттык малааһыннаан көрсөр эбиттэрий?!” (“Какой незабываемой радостью оставалось раньше у якутов рождение ребенка, даже когда они жили в таких тяжелых условиях?!”) [5, с. 124]. Эти слова также показывают восхищение, удивление и волнение Эрчимэна: рождение нового человека – это самое радостное событие в жизни семьи, и его обязательно нужно было должным образом отметить, независимо от условий жизни. В характеристике персонажей часто находим отношение критика к ним: “Сабардам уола Суон Бүөтүр син ити манай аллаахтар курдук байар туһугар дууһатын абааһыга туттарбыт *киһийдэх*” (“Сын Сабардама Петр Толстый, как и те проходимцы, был человеком, продавшим душу дьяволу с целью обогащения”) [5, с. 128]. Слово “киһийдэх” (букв. человечиска, подлец) подчеркивает отношение критика к персонажу с одной стороны, а с другой – характеризует его как отрицательного героя. В характеристике образов главных героев Евдокии, Николая чувствуется очень трепетное искреннее отношение критика.

Теперь о заглавии рецензии – “Киэн киэлилээх роман” (“Всеобъемлющий роман”). В современных исследованиях отмечают такие виды заглавий критических работ, как нейтральные (заглавия, повторяющие или объясняющие суть статьи); заглавия, поясняющие тему и проблему статьи; заглавия, акцентирующие внимание на жанре статьи; заглавия-цитаты; заглавия с эмоциональным тоном; заглавия по имени писателя (нескольких писателей) [19, с. 86]. Заглавие “Киэн киэлилээх роман” (“Всеобъемлющий роман”), с одной стороны, подчеркивает широту темы, проблематики и охвата описываемых событий романа; а с другой стороны воспринимается как вывод на основе проделанного анализа, где выражается восхищение талантом, мастерством писателя, т. е. можно определить как заглавие с эмоциональным тоном.

Заключение

Таким образом, исследование литературно-критических работ Эрчимэна в рамках поставленных задач позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, основными проблемными вопросами в работах Эрчимэна выступают вопросы оценки литературного наследия классиков якутской литературы, спорные вопросы истории якутской литературы и критики; вопросы мастерства критика и качества критического анализа художественного произведения.

Во-вторых, в литературно-критических работах Эрчимэна представлены такие жанры критики, как рецензия, статья (обзорная, проблемная и полемическая), литературный

портрет (юбилейная статья и собственно литературный портрет) и эссе. Однако основным жанром критика Эрчимэна можно назвать рецензию; своими рецензиями на новые произведения, с одной стороны, он помогал читателям разобраться в потоке разнообразных произведений, стремился воспитывать в людях чувство литературного вкуса, а с другой – давал советы писателям, указывая на недостатки и недочеты, тем самым способствуя развитию писательского мастерства авторов.

В третьих, во всех критических статьях он уделял большое внимание художественной стороне произведений, ставя перед якутской литературой новые задачи; к методам критического анализа Эрчимэна можно отнести: пересказ, цитирование, сравнение, аналогию, прямое выражение позиции.

Вышеизложенное еще раз указывает на особенность и оригинальность Эрчимэна как литературного критика и подтверждает его важную роль в общем развитии якутского искусства слова.

Л и т е р а т у р а

1. Эрчимэн. Аһаҕас санаалар : Ыстатыйалар, рецензиялар / Эрчимэн. – Дьокуускай : Кинигэ издат-вота, 1968. – 155 с.
2. Эрчимэн. Өрүөл кэриэһэ : Ыстатыйалар / Эрчимэн. – Дьокуускай : Кинигэ издат-вота, 1977. – 142 с.
3. Эрчимэн. Арай мин умайбат буолуум / Эрчимэн. – Дьокуускай : Кинигэ издат-вота, 1973. – 224 с.
4. Эрчимэн. Өксөкүлээх өрүү тыыннаах : Ыстатыйалар / Эрчимэн. – Дьокуускай : Бичик, 1995. – 208 с.
5. Эрчимэн. Аһаҕас санаалар : Критическэй ыстатыйалар, очеркалар, кэпсээннэр, поэмалар / Эрчимэн. – Дьокуускай : Бичик, 1999. – 256 с.
6. Эрчимэн. Алгыс тылыннан саҕаламмыт литература : ыстатыйалар, бэлиэтээһиннэр, чинчийиилэр, этиилэр / хомуйан, түмэн онордо С. А. Попов–С. Тумат. – Дьокуускай : Бичик, 2007. – 160 с.
7. Сыромятников, Г. С. Литературно-художественная критика в Якутии (1939-1975 гг.) : Историко-литературный очерк / Г. С. Сыромятников. – Якутск, 1990. – 360 с.
8. Сыромятников, Г. С. Саха сириҥ суруйааччыларын 8 уонна 9 сыэстэрин икки ардыларынааҕы литературнай кириитикэ туһунан // Г. С. Сыромятников // Өй-сүрэх үрдүккэ дьулуһуута : Ыстатыйалар. – Дьокуускай : Кинигэ издат-вота, 1982. – С. 68–84.
9. Билюкина, А. А. Из истории литературно-художественной мысли Якутии XX века / А. А. Билюкина. – Якутск, 2002. – 96 с.
10. Григорьева, Л. П. Саха литературнай кириитикэтин историята : үөрэх кинигэтэ / Л. П. Григорьева. – Дьокуускай : СР НБ БК, 2021. – 100 с.
11. Быков, Л. П. Сквозь призму жанра : литературно-художественная критика. Изд-е 2-е, доп. / Л. П. Быков. – Екатеринбург : Флинта; Изд-во Уральского ун-та, 2019. – 268 с.
12. Виноградов, А. А. К вопросу о сюжете литературно-критической статьи // Духовно-нравственные основы русской литературы : сборник научных статей / науч. ред. Ю. В. Лебедев; отв. ред. А. К. Котлов. – Кострома : Костромский гос. ун-т, 2014. – С. 96–99.
13. Казначеев, С. М. Теория литературной критики : учебное пособие / С. М. Казначеев. – Москва : Рутения, 2018. – 624 с.
14. Крылов, В. Н. Поэтика литературно-критического текста как предмет научного изучения / В. Н. Крылов // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2007. – Т. 149. – Кн. 2. Гуманитарные науки. – С. 110–122.
15. Копырин, Н. З. Сытыы, уоттаах тыллаах критик // Эрчимэн : ыстатыйалар, ахтыылар / хомуйан онордо А. Н. Кардашевская–Харыстаана. – Дьокуускай : Сайдам, 2012. – С. 29–33.
16. Тумат, С. Эрчимэн // Эрчимэн : ыстатыйалар, ахтыылар / хомуйан онордо А. Н. Кардашевская–Харыстаана. – Дьокуускай : Сайдам, 2012. – С. 5-29.
17. Сухих, И. Н. Критика как литературоведение – критика как литература (апрельские тезисы) / И. Н. Сухих // Костромский гуманитарный вестник. – 2012. – № 2 (4). – С. 66–69.
18. Фролова, И. В. Мастерство литературного критика : учебное пособие И. В. Фролова. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2010. – 86 с.

19. Крылов, В. Н. Теория и история русской литературной критики / В. Н. Крылова. – Казань: Казанский ун-т, 2011. – 124 с.

References

1. Erchimen. Ahaḡas sanaalar : Ystatyjalar, recenziyalar / Erchimen. – D'okuuskaj : Kinige izdat-vota, 1968. – 155 s.
2. Erchimen. Өrүөл keriehe : Ystatyjalar / Erchimen. – D'okuuskaj : Kinige izdat-vota, 1977. – 142 s.
3. Erchimen. Araj min umajbat buoluum / Erchimen. – D'okuuskaj : Kinige izdat-vota, 1973. – 224 s.
4. Erchimen. Өksөkyleekh өрүү тыннааh : Ystatyjalar / Erchimen. – D'okuuskaj : Bichik, 1995. – 208 s.
5. Erchimen. Ahaḡas sanaalar : Kriticheskej ystatyjalar, ocherkalar, kepseenner, poemalar / Erchimen. – D'okuuskaj : Bichik, 1999. – 256 s.
6. Erchimen. Algys tylynan saḡalammyt literatura : ystatyjalar, belieteehinner, chinchijiiler, ettiiler / homujan, түмөн оңордо S. A. Popov–S. Tumat. – D'okuuskaj : Bichik, 2007. – 160 s.
7. Syromyatnikov, G. S. Literaturno-hudozhestvennaya kritika v Yakutii (1939-1975 gg.) : Istoriko-literaturnyj ocherk / G. S. Syromyatnikov. – Yakutsk, 1990. – 360 s.
8. Syromyatnikov, G. S. Saha sirin surujaachchylaryn 8 uonna 9 s"ezterin ikki ardylarynaaḡy literaturnaj kiriitike tuhunan // G. S. Syromyatnikov // Өj-syrekх ырдыккe d'uluуuuta : Ystatyjalar. – D'okuuskaj : Kinige izd-vota, 1982. – S. 68-84.
9. Bilyukina, A.A. Iz istorii literaturno-hudozhestvennoj mysli Yakutii XX veka / A. A. Bilyukina. – Yakutsk, 2002. – 96 s.
10. Grigor'eva, L. P. Saha literaturnaj kiriitiketin istoriyata : yorekh kinigete / L. P. Grigor'eva. – D'okuuskaj : SR NB BK, 2021. – 100 s.
11. Bykov, L. P. Skvoz' prizmu zhanra : literaturno-hudozhestvennaya kritika. Izd-e 2-e, dop. / L. P. Bykov. – Ekaterinburg : Flinta; Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2019. – 268 s.
12. Vinogradov, A. A. K voprosu o syuzhete literaturno-kriticheskoy stat'i // Duhovno-nravstvennye osnovy russkoj literatury : sbornik nauchnyh statej / nauch. red. Yu. V. Lebedev; otv. red. A. K. Kotlov. – Kostroma : Kostromskij gos. un-t, 2014. – S. 96–99.
13. Kaznacheev, S. M. Teoriya literaturnoj kritiki : uchebnoe posobie / S. M. Kaznacheev. – Moskva : Ruteniya, 2018. – 624 s.
14. Krylov, V. N. Poetika literaturno-kriticheskogo teksta kak predmet nauchnogo izucheniya / V. N. Krylov // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2007. – T. 149. – Kn. 2. Gumanitarnye nauki. – S. 110–122.
15. Kopyrin, N. Z. Sytyy, uottaah tyllaah kritik // Erchimen : ystatyjalar, ahtyyalar / homujan оңордо A. N. Kardashevskaya–Harystaana. – D'okuuskaj : Sajdam, 2012. – S. 29–33.
16. Tumat, S. Erchimen // Erchimen : ystatyjalar, ahtyyalar / homujan оңордо A. N. Kardashevskaya–Harystaana. – D'okuuskaj : Sajdam, 2012. – S. 5-29.
17. Suhij, I. N. Kritika kak literaturovedenie – kritika kak literatura (aprel'skie tezisы) / I. N. Suhij // Kostromskij humanitarnyj vestnik. – 2012. – № 2 (4). – S. 66–69.
18. Frolova, I. V. Masterstvo literaturnogo kritika : uchebnoe posobie I. V. Frolova. – Ulan-Ude : Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2010. – 86 s.
19. Krylov, V. N. Teoriya i istoriya russkoj literaturnoj kritiki / V. N. Krylova. – Kazan': Kazanskij un-t, 2011. – 124 s.

ГРИГОРЬЕВА Людмила Павловна – к. филол. н., доцент кафедры якутской литературы Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: grigormila@mail.ru

GRIGORYEVA Ludmila Pavlovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Yakut Literature, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 821.161.1.09 Короленко

DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-14-23

Organization of space and time in the story “Makar’s Dream” and the story “Without Language” by V. G. Korolenko

O. I. Ivanova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

oi.ivanova@s-vfu.ru

Abstract. The relevance of the article is determined by the fact that its topic is in line with the works of Russian researchers of Vladimir Korolenko’s legacy: N. N. Zakirova, S. L. Skopkareva, A. V. Trukhanenko, V. N. Krylov, E. G. Savelyeva, dedicated to the problem of organizing space and time in the writer’s works. The methodological basis for the study was the works of M. M. Bakhtin and Yu. M. Lotman. The purpose of the work was to identify the uniqueness of the chronotope in the story “Makar’s Dream” and the story “Without Language”. It is noted that in the both works the author refers to the chronotope of the road and road meetings. While in “Makar’s Dream” the chronotope of Amga is contrasted with the space and time of the afterlife, in “Without Language” the chronotope of New York is presented in opposition to the chronotope of the heroes’ native Lozishchi. In the both works, one can state the “liminal” state of the hero: Makar’s “fading away,” his “sleep,” and the state of Matvey Lozinsky on the verge of death in a New York park.

Keywords: Vladimir Korolenko, “Makar’s Dream”, “Without Language”, chronotope, road, Yakutia, taiga, America, New-York, the house, antihouse.

For citation: Ivanova O. I. Organization of space and time in the story “Makar’s Dream” and the story “Without Language” by V. G. Korolenko. Issues of National Literature. 2023. No. 4 (12). Pp. 14–23.

DOI: 10.25587/2782-6635-2023-4-14-23

Организация пространства и времени в рассказе «Сон Макара» и повести «Без языка» В. Г. Короленко

О. И. Иванова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

oi.ivanova@s-vfu.ru

Аннотация. Актуальность статьи определяется тем, что ее тема находится в русле работ отечественных исследователей творчества В. Г. Короленко Н. Н. Закировой, С. Л. Скопкаревой, А. В. Труханенко, В. Н. Крылова, Е. Г. Савельевой, посвященных проблеме организации пространства и времени в творчестве писателя. Методологической базой исследования послужили труды М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана. Целью работы является выявление своеобразия хронотопа в рассказе «Сон Макара» и повести «Без языка». Отмечается, что в обоих произведениях автор обращается к хронотопу дороги и дорожных встреч. Если в рассказе «Сон Макара» хронотопу Амги противопоставляется пространство и время загробного мира, то в повести «Без языка» хронотоп Нью-Йорка представлен в оппозиции к хронотопу родных героям Ложищ. В обоих произведениях можно констатировать «лиминальное» состояние героя – «обмирание» Макара, его «сон» и состояние Матвея Лозинского на пороге смерти в парке Нью-Йорка.

Ключевые слова: Короленко В. Г., «Сон Макара», «Без языка», хронотоп, дорога, Якутия, тайга, Америка, Нью-Йорк, дом, антидом.

Для цитирования: Иванова О. И. Организация пространства и времени в рассказе «Сон Макара» и повести «Без языка» В. Г. Короленко. Вопросы национальных литератур. 2023, № 4 (12). С. 14–23.

DOI: 10.25587/2782-6635-2023-4-14-23

Introduction

In his paper *Some Observations of Korolenko's Poetics*, scholar N. E. Bakirov comes to the conclusion that the main thing in the writer's poetics is the chronotope of the road, road meetings and adventures; time is unidirectional, the passage of time is marked in the text all the time; the reality depicted by Korolenko is always historically and geographically specific; nature plays an extremely important role in his works, personifying the cosmos in which the human race moves on; and all of his works are open-ended [1, pp. 57-58]. The chronotope ties and unties knots of narrative. We can clearly say that they have the main plot-forming meaning [2, p. 398].

Almost three years, from November 1881 until September 1884, Vladimir Korolenko lived in exile in Yakutia. The influence of this stay was manifested in the poetics of the writer's works. In his works of the 1880s, the inner narrative prevails over external stories, events developing slowly, as they are interrupted by the author's thoughts. The motifs of resistance and homelessness in his works are also associated with Yakutia. The attention to the figures of vagabonds renders Korolenko's poetics intellectual and philosophical. The stories of the Siberian cycle are characterized by the writer's use of the compositional technique known as "a story within a story" (*Makar's Dream*, *Sokolinets*, *At-Davan*, and *Frost*). The technique of illuminating life with "pure eyes" is also associated with Yakutia, because the pure children's eyes, free from the life's burden, are close to the minds of peoples who are uncorrupted by civilization, unsophisticated in science and culture and unclouded by new ideas. The opposition between light and dark is intensified, since Yakut realities are sharply different from what the writer is accustomed to while living in Ukraine or in central Russia. These are harsh climatic conditions, the discrepancy between people's dreams of the sun and happiness and the darkness, ignorance of the people who are invariably haunted by illness and sorrow. M. K. Azadovsky rightly notes that Korolenko often approaches life's phenomena and human beings through nature [3, p. 16]. This feature of poetics may have evolved under the influence of the Yakut mentality on the writer's worldview. Korolenko, as a "southern" person, finds himself for the first time in a place where everything seems to impede the well-being of the local residents.

Space and Time in *Makar's Dream*

The most famous work of the Amga period is the story *Makar's Dream* (1885), the first version of which was written directly in Amga no later than January–February 1883. Compositionally, the story falls into two large parts. The first part presents a picture of Makar's joyless existence filled with hard work, hunger, and humiliation. In this part, the third-person point of view prevails. The author shows his character to the reader, talks about his occupation, lifestyle and dream. He evokes the reader's sympathy for his character who is dragging out his hopeless existence. The second part embodies Makar's dream of a certain "mountain" where he could hide himself from his hopeless life. In the second part, Makar realizes how unfair fate is to him. The thought occurs to him that he is not to blame for the fact that his face is dark, his eyes are cloudy and his heart is "overgrown with weeds, and thorns, and bitter wormwood" [4, p. 67]. In this part, Korolenko employs the narrative technique of interior monologue. The reader is therefore able to see Makar "from the inside," to feel and perceive everything the way Makar perceives and feels life and himself in it. At first, Makar is dissatisfied that even after death he will not be allowed to lie in peace. He is trying to take away the once stolen horse from the Tatar and does not share his shag with the Tatar. But then he transforms in his defensive speech. To the reproaches of old Toyon, Makar, who has become eloquent in his dream, replies: "What righteous people is Toyon talking about? If about those who lived on earth at the same time as Makar in rich mansions, then Makar knows them... Their eyes are clear, because they did not shed as many tears as Makar shed, and their faces are bright, because they were washed with perfume, and their clean clothes are woven by the hands of someone else. <...> And meanwhile, doesn't he see that he was born like others – with clear, open eyes, which reflected the earth and the sky, and with a pure heart, which is ready to open

for everything beautiful in the world? And if now he wants to hide his gloomy and shameful figure underground, then this is not his fault... But whose? – He doesn't know this... But he knows one thing that patience has run out in his heart" [4, p. 67]. Of course, the real Makar could not talk about rich mansions and about his "gloomy and shameful figure" [4, p. 67]. It is Korolenko himself who speaks out in defense of his character. The composition of the story and the double point of view used to depict the character make it possible to highlight the problem of disposition and environment that is important to the writer.

From the very first words of the story, Korolenko introduces the reader to the exotic chronotope of the settlement lost in the distant Yakut taiga, where Russian peasants live, gone wild, having forgotten their native language and having adopted Yakut. The prototype for Makar was peasant Zakhar Tsykunov having become Yakutian, in whose hut Korolenko lived in Amga. The events of the story take place on Christmas Eve. The author deliberately encrypts the meaning of what is happening and it is unclear whether in a dream or in reality Makar goes to the taiga to inspect his break-back traps. This technique is intended to emphasize the hostility of nature to the man, the unsettled nature of his life, when life appears as a phantasmagoria, as a dream or a vision, so much that it impedes the fullness of being. Let us pay attention to the chronotope of taiga: at first it was "silent and full of mystery," then, when Makar lost in the competition of agility to the Chalgan resident Aleshka, "... the young trees directly, without any hesitation, hit him in the face, mocking his helpless position" [4, p. 51]. The winter forest gradually becomes more and more hostile towards the exhausted man, and "even distant trees extended long branches onto his path and grabbed him by the hair, hitting him in the eyes, in the face" [4, p. 51]. Not only trees, but also birds and animals mock poor Makar: "Cock-of-the-woods came out of their secret lairs and stared at him with curious round eyes, and black grouse were running among them, with their tails spread out and their wings outstretched angrily, and loudly telling the hens about him, Makar, and about his intrigues. Finally, thousands of fox faces flashed in the distant thickets. They sniffed the air and looked mockingly at Makar, moving their pointed ears. And hares stood in front of them on their hind legs and laughed, reporting that Makar had gotten lost and would not leave the taiga" [4, p. 51]. Only after the "death" of Makar the landscape changes dramatically: "Now the larches stood over him humble, quiet, as if ashamed of their previous pranks" [4, p. 52].

Makar dreams that he has died, but the transition from reality to sleep is very subtle and gradual. Sleep itself is associated here with death. Makar's body dies, while his soul, on the contrary, is resurrected, breaks free to freedom and vast space and manifests its eternal desire of ascending upwards. It remains unclear whether Makar actually dies or not. The writer deliberately obscured the real fact, since the character's life is sleep and death – the death of the body and the sleep of the soul. Makar's "dream" is, in essence, extinction (extinction is temporary death, a borderline state between sleep and reality). Let us have a look at the famous Manchurian folk story *The Book of the Shaman Nisan*. During the Ming Dynasty (1368–1644) in China, a young man from a wealthy family dies while hunting in the mountains. Shaman Nisan says she will bring him back to life and goes to the world of the dead in order to fetch his soul. She meets many souls, including the soul of her dead husband, and after countless trials and dangers in the darkness of the lower world, she finds the young man's soul and returns with it to earth; thus, he comes to life. This text is interesting not only for its description of the shaman's ecstatic experience, but also as evidence of the shamanic origins of the "Orpheus motif," which was very significant for the material religions in ancient times. It is quite obvious that here, like in other similar texts, shamanic psychotechnics are described in transpersonal terms [5, pp. 200–202]. In his paper *Siberian Intertext of Russian Literature*, V. I. Tyupa argues that Siberia in the Russian culture has got characteristics and properties of the mythological land of the dead [6, p. 254]. "The chronotopic image of Siberia in Russian classical literature represents it as a country of cold – winter – night (moon), meaning death in the mythological view of it" [6, p. 255].

Makar's Dream is based on "a story within a story," Makar's dream itself. Makar dreams that he has died, and priest Ivan leads him to Big Toyon for trial, that is, Makar even imagines the god as a Yakut, i.e., Big Toyon. However, in the opinion of L. N. Semenova, Toyon, who administers trial over Makar, is not the epic Yuryung Aar Toyon. In the tradition of the Sakha people, there is no clearly formed idea of the afterlife; in the epic, mere mortals are denied entry into the upper world, so there is no more or less detailed description of the supreme Yakut deity [5, p. 202]. Moreover, even after death, Makar is dissatisfied with the existing order, for example, that he is not given food, since he no longer needs food, and yet he has to travel far. It is noteworthy that in the chronotope of the afterlife, both time and space are relevant, since Makar and the priest walk for a long time, judging by the distance, a whole week, leaving behind creek valleys, bald peaks, rivers and lakes, forests and plains.

On the way, Makar meets the Tatar who once stole a horse from him, and the Tatar continues to cheat even after death. This is a fantastic chronotope of a dream, in which Makar on foot easily overtakes horsemen, and "each two travelers were separated as if by whole hundreds and thousands of miles" [4, p. 57]. Makar, among all the fellow travelers he meets, is distinguished by greater speed of movement and hastens to "attribute this to his virtue" [4, p. 59]. Makar's journey for the judgment begins not on the third day, but immediately. And his soul does not ascend through the air, but, in accordance with pagan traditions, travels across the earth to the east; this movement is not vertical, but horizontal, along the road [7, p. 79].

Interestingly, in the landscape sketch given before Makar and the priest enter the door of Big Toyon's hut, Korolenko uses assonance, or the repetition of a vowel at the beginning of each sentence, that is, anaphora, characteristic of tale manner, in particular, of oral folk art of the Yakuts: "And in one place, in the east, the fogs became lighter, like warriors dressed in gold. And then the fogs began to sway, the golden warriors bent down. And from behind them the sun came out and stood on their golden ridges and looked around the plain. And the whole plain shone with a wondrous, dazzling light. And the fogs solemnly rose in a huge round dance, broke in the west and, wavering, rushed upward. And Makar thought he heard a wonderful song. It was as if that same, long-familiar song with which the earth greets the sun every time" [4, p. 60].

Korolenko understood the Yakut language well, when listening to Yakut songs and olonkho. The sad tonality of the Yakut poetry also influenced the mood of Korolenko's works as the prevailing state of mind of his characters is quiet sadness. Interest in the Yakut epos contributes to some restructuring of Korolenko's mind in the Yakut manner. Exploring the Yakut epic poetry as a poetic expression of the worldview of the Yakut people, he assimilates those images and forms that manifested the national vision of the world. In the article *V. G. Korolenko and Yakut Folk Art*, K. F. Pasyutin notes that Korolenko, from the day he arrived in Yakut exile until the last days of his life, showed great interest in Yakut folk art, collected and studied it, revealed its richness and originality, creatively used it in his literature, highly valued it and experienced it beneficial influence himself [8, p. 230]. From work to work, the enrichment of Korolenko's artistic style with techniques suggested by his world outlook, supplemented and, in some aspects of this worldview, modified under the influence of the Yakut sources (i.e., nature, environment and arts) becomes more and more noticeable.

In his story, Korolenko, succumbing to the charm of Yakut legends, raises Makar to heights and gives him the opportunity to tell Almighty Toyon about his hard lot and prove that justice does not exist on earth. Makar, of course, is not like olonkho fairy-tale heroes, but at one moment, when, in response to all the reproaches of God, he plucked up courage and strength and told him about the injustice visible to him – at that time he heroically grows into a hero, capable of any feat for truth and the eradication of evil.

Finally, the fellow travelers entered a spacious hut, where they met old Toyon and his "angel" workers. Here Makar will have to pass a test for Toyon to check whether he has lived his life with dignity or not. As a result of the calculations, Makar's sins outweighed his good deeds. And then another miracle of this fantastic dream happened: Makar spoke – freely,

“smoothly and passionately” [4, p.65]. G. A. Byaly argues that in the works of Korolenko “of the Amga period the motif of ending patience begins to flicker” [9, p. 43]; this same motif can be called a motif of protest. It is from Makar’s speech that we understand that his patience has run out. Many literary scholars refer to the text of the notebooks, where Makar looks much more menacing than in the final version: “...then in the darkness his heart was filled with blind rage, and he began to roll up his sleeves, preparing to enter into a fight... he knew that he would be harmed terribly, but even in this he found some kind of cruel consolation: if so, let them beat him... let them beat him to death, because he will also beat them... to death, too” [10, p. 484]. The motif of protest or rebellion is expressed in the form corresponding to the Yakut mentality. This is primitive, folk consciousness, prone to hyperbolization, extremes, sharp contrasting colors, intense feelings, the highest degree of their expression and even to some ecstasy.

Korolenko himself defined the genre of the story as a Christmas tale, probably only by external features. The main message of this work, however, implies an internal hidden polemic with the artistic concept established in a Christmas tale. Here the author shifts the emphasis from the usually righteous picture of the character’s touching humility to showing his heroic resistance to the evils of life. This gives the main conflict of the story an unexpected new quality, which is directly opposite to the traditional moral meaning of the Christmas tale genre.

Chronotope of New York in *Without Language*

In 1893, by order of the Russkoe Bogatstvo (“Russian Wealth”) magazine, Korolenko visited the World’s Columbian Exposition, held in Chicago, USA. Upon his return, he created a number of works dedicated to his impressions of the trip. The novella *Without Language* (1895) is based on Korolenko’s direct observations during his trip as a reporter. The trip to the USA was taken not by chance, as it coincided with Korolenko’s work on the book of essays called *In the Hungry Year* (1893–1907), satisfying the writer’s creative intentions. It is a book about the plight of the Russian village, which was associated with the abolition of serfdom and the inability of both peasants and the ruling elite to adapt to new circumstances. At that time, the USA were a country of prosperous capitalism. During the journey, the writer was primarily concerned about whether new capitalist relations, which gradually began to enter Russian reality, were “suitable” for Russian peasants. In *Without Language*, the geography of opposition expands further, which entails a deeper and more intense contrast.

In America, Matvey is referred to as the Savage, which makes it possible to compare him with Voltaire’s *L’ingénu* or A. Huxley’s John the Savage, who saw the “brave new world” for the first time. *Without Language* deals with the same situation of a Russian common man abroad like in *Lefty* by N. S. Leskov. The end, when Matvey, on the New York pier is sadly peering into the foggy blue of the ocean that separates him from his homeland, echoes a scene in *Lefty*: Lefty is sitting on the deck of the ship, returning home, and “is looking towards his homeland...”. “It is bad for a Russian person in a foreign land and, perhaps, the worst thing is in America,” Korolenko wrote to E. L. Ulanovskaya, his longtime acquaintance he had known since his exile wanderings, as “... there a Russian person grieves more than anywhere else, in particular, such Russian person who has known the Yakut region” [11, p. 206]. Korolenko seemed to convey the motif of homesickness to his character (“... suddenly he remembered the plain covered with deep soft snow, ringing bells, the high forest on the sides of the road...”). Korolenko wrote to his wife on August 6 (August 18), 1893 from New York: “Forget Europe and the Americas! Let them prosper in good health, but our country is better. There is no one better than a Russian person in the world, by God.” [11, p.197].

The characters Matvey and Dyma Lozinskiys set off in search of happiness to faraway America. The title of the novella, *Without Language*, emphasizes the idea that Matvey’s entire mentality, the best aspects of his nature – innate honesty, hard work and love for people – turn out to be strange to the concepts and morals of the foreign country. He lives in the world that he does not understand. The characterological meaning of the title is manifested according to the principle

whether a person lives and feels through words and language or language is the consciousness of a person. On the other hand, Matvey does not know how to express himself well in his native Volyn dialect. Korolenko notes that he “spoke little...they never considered him smart in Lozischi” [12, p. 11]. Talking to his new acquaintance Nilov, already in America, “Matvey wrinkled his forehead and was surprised at how difficult it was for words and thoughts to come out of his head” [12, p. 140]. And further: “... And, remembering the recent conversation, he felt that he did not know himself well and that behind everything that he said to Nilov – behind the cow, and the hut, and the field, and even behind Anna’s features – he absolutely could neither say nor define in his own thoughts... But it was deep, like the sea, and tempting, like the distance of awakening life...” [12, p. 142]. Matvey does not know how to easily and simply express his thoughts and wishes.

In fact, Matvey Lozinskiy has a dream of an ideal village. Because of this dream, “Lozischi seemed to them <Matvey and Dyma – O.I.> poor and boring”, and because of it, “they traveled across seas and lands”. This village, in Matvey’s view, looks like a direct contrast to his home Lozischi: “The same like the old one, only much better... The same people, only kinder. The same men, in the same overcoats, only the men look like the old residents of Lozischi, who have not yet forgotten about their old rights, and the overcoats are thinner and cleaner, only children are healthier and all are educated at school, only there is more land, and the land produces crops in a different way; only horses are stronger and more well-fed, only plows take wider and deeper, only cows produce a bucket of milk each... And the same villages, only larger, and streets are wider and cleaner, and huts are more spacious and brighter and are roofed not with straw, but with planks... and maybe with straw, only new and fresh... And, probably, near every house there is a little garden, and on the edge of the village at the exit there is a tavern with a friendly American Jew, where in the evenings the bass hums, the violin sings subtly in tune, and in warm spring evenings you can hear clattering and singing until the early dawn – as it was once in the old days in Lozischi” [12, pp. 48-49]. But in the dream, Matvey sees someone without a face, a giant who shouts to him: “Stupid people, poor, ignorant people. There is no such village in the world, and there are no such men, and there are no such gentlemen, and there are no such clerks. And the field here is not the same, and the crops grown in the field are not the same and the people are different” [12, p. 50].

Korolenko’s time is unidirectional, but whereas the unidirectional time of folklore is closed, naturally cyclical, Korolenko’s time is open, saturated with social contradictions of reality and defined in the general flow of history. Like in folklore, which is characterized by the so-called “law of chronological incompatibility,” Korolenko never depicts simultaneous events occurring in different places. Expressions common among novelists, like: “in the meantime,” “while,” “at this time,” etc., are never found in the writer’s works [13, pp. 8-9]. The novella contains the following indications of time: after a year or two, or maybe more, a letter from Osip Lozinskiy arrived in Lozischi; on the twelfth day from the start of the sea journey, the characters sail to American land; for several days, newspapers of New York City, thanks to Matvey, a resident of Lozischi, worked very briskly; Matvey slept the whole day; a week later, Nilov told him that they would go together to Dabbletown.

The chronotope of New York is built by Korolenko on the opposition of the American city to Lozischi, the characters’ home village. First of all, Matvey, Dyma and Anna are surprised by the size of everything they see around, e.g., a gigantic figure of a woman (the Statue of Liberty), an enormous bridge, very tall buildings, and large steamships. All this causes a feeling of horror in Matvey Lozinskiy as he feels “like a needle in the grass”. Matvey is irritated by the sounds of New York: the noise of a car, rumbling and humming; the way the Americans shrieked loudly, whistled and shouted “hurrah”; the hum of the street; the clanking of iron against iron; and a terrible, heavy roar. Korolenko adds some mythological characteristics of hell to the city as, after the noise of the native pine forest and the whispering reeds over the quiet Lozovaya River, it seemed to the characters that they were in the very hell, and the

street boys are described as “little devils” [12, p. 30]. Trains here run by air, platforms are elevated up to the third floor level. The surroundings seem unreal to the characters and causes fear. The phrase reminiscent of a fairy tale is introduced into the narrative: the characters “stand neither on the ground nor on the mountain and are about to fly through the air in some kind of a machine”. After the trip, the characters feel “as if they are blind” [12, p. 34].

The elementary sequence of events in a myth can be described as the following chain: entry into a closed space – exit from it (this chain is open in both directions and can be multiplied infinitely). <...> the enclosed space can be interpreted as a “cave”, a “grave”, or a “house”... [14, p. 283]. The New York street seems to the characters to be some kind of a cave: “Buildings are dark, high, exits from them are narrow, and in half of the buildings on top of the street there is a pillared decking that blocks the sky...” [12, p. 30]. The chronotope of a house is of great importance in the novella. The guest house in Polesie seems to Matvey to be real “home”, while Mister Bork’s house, in which he rents out beds, can be thought as an “anti-home”. The Polesie house has white walls, and its wide gates are blackened in a friendly and pleasant manner. Its neat and tidy covered yard, thoroughly kept well and manger for horses, slight smell of tar and fragrant hay – everything breathes stability, tranquility and well-being. Mister Bork’s anti-house is dark and unpleasant, and one can see the airway line through the open window of the room. Clanging and rumbling can be heard from the street, clouds of steam and smoke from passing trains bursting right into the room. Matvey’s opinion of America is confirmed by the words of the lady who came to Bork in order to hire Anna: “The cursed country, the cursed city, the cursed people” [12, p. 39].

Whereas in Korolenko’s Yakut works the perspective of the narrative was unidirectional, that is the surrounding exotic reality was, as a rule, shown through the eyes of the autobiographical narrator, *Without Language* has a different perspective. On the one hand, the reader gets an evaluation of American reality through the eyes of Matvey Lozinskiy. Everything in America is unfamiliar to Matvey; he perceives American nature as strange as the sky, the sunset and the sea are alien to him. After his quarrel with Dyma, he got lost in the enormous city. Not knowing the way back to Mister Bork’s house, Matvey finds himself in the Central Park. Korolenko writes: “Matvey’s ears caught the sound of trees. The forest always attracts a homeless vagabond” [12, p. 89]. According to Yu. M. Lotman, moving “into the forest” and coming back is a common mythological formula of death and resurrection (likewise of a fairy-tale on a later stage) [14, p. 280]. Walking through the park, the character thinks that the torch in the hand of the Statue of Liberty illuminates the entrance to a vast tomb. We may say that Matvey is experiencing a “liminal” state on the verge of death. In the park, an incident happened to Matvey, which he remembered all his life. In fact, Matvey met a stranger who tried to talk to him, but since the Lozisch-born character answered him in a hostile tone, no conversation took place. In the morning, Matvey saw the stranger hanging. After this terrible night in the park, the character’s mind is changed.

Lozinskiy, who does not speak English, does not understand what is going on around him and cannot properly assess the various situations in which he finds himself. Finding himself at a rally by unemployed people, Matvey attacked a policeman who hit him with a baton. Newspaper articles describing this event show what the Americans think of Matvey. Learned gentlemen expressed different opinions about ethnicity of the Savage and, judging from the “destructive tendency of the stranger and his boundless hatred of civilization and culture”, regarded him as originating from a Slavic tribe [12, p. 107]. American reality is exotic for Matvey, and he himself is alien and strange to Americans, from his appearance, clothes, demeanor, habits to his worldview. Scholar E. G. Savelieva notes that whereas the plot of the story is fictional, all the realities of American life seen by the Volyn peasant are pictures that amazed the writer himself. In other words, Korolenko solved an incredible problem as he conveyed his own observations and impressions as if they were the impressions of the illiterate peasant. Because of this, they became even brighter and sounder [15, p. 85]. In the works devoted to Yakutia, in the perception

of the autobiographical narrator, the aboriginal population was represented as savages, while in the American story, on the contrary, it is Korolenko's compatriot who is referred to by locals as a savage. Each of Matvey's movements is decoded falsely; when he bows to kiss the hand of a policeman or other people, the Americans understand this movement as an intention to bite. Americans consider this gesture of the character as being an "ethnographic riddle". Notably, the character is hindered not only by his lack of knowledge of the language, but also because non-verbal communication in Lozinskiy's homeland is different from that they use in America. Subsequently, the narrator will evaluate the difference between Russians and Americans in a positive way, and the character will no longer bow and reach for the hand at the sight of a Russian lady who has settled in New York. Likewise, for Nilov, the American way of life seems more attractive in many respects for the reason that people here feel equal to each other, whereas in his homeland Matvey would be a common peasant and Nilov would be the son of a landlord.

Without Language stemmed from two sources – two lives that Korolenko had not known before, namely his experience of Yakut exile and his impressions of America. Moreover, the "American" experience was superimposed on the "Yakut" one, thus, setting in motion the work of his mind and soul. The writer took effort to change his worldview and revise some provisions of his ideological standing. His mind is "on the way", and to express the accelerated movement of thoughts and feelings, this mobile state of the creative process, he needed an adequate form, hence significant additions and changes in his poetics. The character's linguistic torment may be viewed as a hint to the difficult period of the author's creative search.

V. N. Krylov argues that the writer's attitude to America is ambivalent [16, p. 38]. It is especially vividly manifested in the letters written by V. G. Korolenko in 1919–1920. In 1919, he wrote the letter titled *To Honest People Abroad*, appealing mainly to Americans and asking them to help starving people in Russia. The humanist writer, as is well known, did not accept the October Revolution. In the second letter, which was written on June 29 (July 11), 1920 to A. V. Lunacharsky, comparing the situations in Russia and in America, Korolenko wrote that backward Russia had followed the socialist path while developed countries, such as the United States and Germany, refused to join the social revolution [17, p. 252]. In the fourth letter to the same addressee, the author notes that the Slavic culture is gentler than the Anglo-Saxon one: "Even the death penalty was introduced in our lands by the Greeks along with Christianity. But that does not stop me from admitting that America has a much more developed moral culture. <...> a young girl can travel safely throughout the country as she is guarded by the firmness of social mores. Can the same be said of our morals? In our country, a similar traveler can, at every step, fall into the net of our universal debauchery and moral turpitude" [17, p. 270].

Conclusion

Therefore, both Korolenko's forced trip to Yakutia and his journey to America broadened the writer's horizons and let him look at "home" and "native" through the eyes of a person of a different culture. All this enriched the writer's artistic style and was manifested in his work in new motifs, techniques, and narrative points of view. The writer was inspired by what he collected during his travels throughout his subsequent life. Both in *Makar's Dream* and *Without Language*, the chronotope of the road is of plot-forming significance; in both cases, the author refers to the spaces of Yakutia and America, which are exotic to both the writer and his readers. Yakut nature shocked the writer with its severity and hostility towards humans. The story *Makar's Dream*, which Korolenko himself considered to be a Christmas tale, essentially uses the folklore genre of extinction, that is, it describes the journey of the hero's soul through the afterlife, hence the fantastic nature of the chronotope as the character is galloping in space: in his dream, he easily overtakes the riders racing with all their might, although events are described as a chronological and logical sequence. According to M. M. Bakhtin, road in folklore is never just a road, but always either all or part of the life path; that is why the chronotope of the road is so specific, seamless and so deeply imbued with folklore motifs. In *Without Language*, time is

unidirectional, the space of New York is contrasted with that of Lozisch where Matvey was born, the city acquiring characteristics of hell and the children resembling “little devils”. This is an alien space for the character as both local nature and people are alien to him, while the scene when the character is walking through the park implies his state on the verge of death. Both in *Makar's Dream* and *Without Language*, which was written a decade later, we can find the use of a mythological storyline, i. e., Makar's “extinction” in the cold Amga and Matvey's “liminal” state in the “infernal” space of New York.

References

1. Bakirov, N. Eh. Iz nablyudenij nad poehtikoj Korolenko / N. Eh. Bakirov // Russkaya literatura i osvoboditel'noe dvizhenie : Sbornik/ Uchenye zapiski Kazanskogo ped. in-ta. – Vyp. 168. – Kazan', 1976. – S. 31 - 60.
2. Bakhtin, M. M. Voprosy literatury i ehstetiki. Issledovaniya raznykh let / M. M. Bakhtin. – Moskva : Khudozhestvennaya literatura, 1975. – 504 s.
3. Azadovskij, M. K. Yakutiya v tvorchestve V. G. Korolenko / M. K. Azadovskij // V. G. Korolenko v amginskoj ssylke (Materialy dlya biografii) – Yakutsk : Yakutskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1947. – S. 5 - 25.
4. Korolenko, V. G. Sobranie sochinenij: V 6 t. T.1. / V. G. Korolenko. – Moskva : Pravda, 1971. – 496 s.
5. Semenova, L. N. «Son Makara» V. G. Korolenko: k voprosu o tipologii fol'klorno-mifologicheskogo motiva / L. N. Semenova // Aktual'nye problemy funktsionirovaniya, prepodavaniya i izucheniya russkogo yazyka i literatury v sovremennykh usloviyakh: Sbornik materialov II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 19-21 noyabrya 2008 g. Chast' I. – Yakutsk : Izd-vo YaGU, 2009. – S. 199-202.
6. Tyupa, V. I. Analiz khudozhestvennogo teksta: ucheb. posobie dlya studentov filol. fak. vyssh. ucheb. Zavedenij / V. I. Tyupa. – Moskva: Izdatel'skij tsentr «Akademiya», 2009. – 336 s.
7. Telegin, S. M. Miforestavratsiya rasskaza V. G. Korolenko «Son Makara» / S. M. Telegin // Filologos. – 2009. – T. 3-4. – №6. – S. 75-88.
8. Pasyutin, K. F. V. G. Korolenko i yakutskoe narodnoe tvorchestvo / K. F. Pasyutin // Trudy istoriko-filologicheskogo fakul'teta. – Yakutsk, 1969. – S. 225-230.
9. Byalyj, G. A. V. G. Korolenko / G. A. Byalyj. – Leningrad : Khudozhestvennaya literatura, 1983. – 352 s.
10. Korolenko, V. G. Sibirskie ocherki i rasskazy: V 2 ch. Ch.1. / V. G. Korolenko. – Moskva : Goslitizdat, 1946.
11. Korolenko, V. G. Sobranie sochinenij: V 10 t. T.10. Pis'ma 1879-1921 / V. G. Korolenko. – Moskva : Goslitizdat, 1956. – S. 717.
12. Korolenko, V. G. Sobranie sochinenij: V 6 t. T.4 / V. G. Korolenko. – Moskva : Pravda, 1971. – 400 s.
13. Bakirov, N. Eh. Osnovnye printsipy poehtiki Korolenko: Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk / N. Eh. Bakirov. – Tomsk, 1979. – 18 s.
14. Lotman, Yu. M. Semiosfera / YU. M. Lotman. – Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPB, 2010. – 704 s.
15. Savel'eva, E. G. Amerikanskije vpechatleniya V. G. Korolenko i povest' «Bez Yazyka» / E. G. Savel'eva // Vestnik S.-Peterb. gos. un-ta. – Ser. 2. – 1998. – Vyp. 1. – № 2. – S. 85-90.
16. Krylov, V. N. Dialog «svoego» i «chuzhogo» v amerikanskikh vpechatleniyakh V. G. Korolenko / V. N. Krylov // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2015. – T.157. – №2. – S. 28 - 43.
17. Neizdannyy V. G. Korolenko. [V 3 t. T.3]: Publitsistika 1919-1921: [sb. st.] / sostaviteli T. M. Makagonova, I. T. Pyattoeva. – Moskva : Pashkov dom, 2013. – 464 s.

Литература

1. Бакиров, Н. Э. Из наблюдений над поэтикой Короленко / Н. Э. Бакиров // Русская литература и освободительное движение : Сборник / Ученые записки Казанского педагогического института. – Вып. 168. – Казань, 1976. – С. 31–60.

2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Азадовский, М. К. Якутия в творчестве В. Г. Короленко / М. К. Азадовский // В. Г. Короленко в амгинской ссылке (Материалы для биографии) – Якутск : Якутское государственное издательство, 1947. – С. 5 - 25.
4. Короленко, В. Г. Собрание сочинений : В 6 т. Т.1. / В. Г. Короленко. – Москва : Правда, 1971. – 496 с.
5. Семенова, Л. Н. «Сон Макара» В. Г. Короленко : к вопросу о типологии фольклорно-мифологического мотива / Л. Н. Семенова // Актуальные проблемы функционирования, преподавания и изучения русского языка и литературы в современных условиях : Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 19-21 ноября 2008 г. Часть I. – Якутск : Издательство ЯГУ, 2009. – С. 199–202.
6. Тюпа, В. И. Анализ художественного текста : учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений / В. И. Тюпа. – Москва : Академия, 2009. – 336 с.
7. Телегин, С. М. Мифореставрация рассказа В. Г. Короленко «Сон Макара» / С. М. Телегин // *Philologos*. – 2009. – Т. 3–4. – №6. – С. 75–88.
8. Пасютин, К. Ф. В. Г. Короленко и якутское народное творчество / К. Ф. Пасютин // Труды историко-филологического факультета. – Якутск, 1969. – С. 225–230.
9. Бялый, Г. А. В. Г. Короленко / Г. А. Бялый. – Ленинград : Художественная литература, 1983. – 352 с.
10. Короленко, В. Г. Сибирские очерки и рассказы : В 2 ч. Ч. 1. / В. Г. Короленко. – Москва : Гослитиздат, 1946.
11. Короленко, В. Г. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. Письма 1879–1921 / В. Г. Короленко. – Москва : Гослитиздат, 1956. – 717 с.
12. Короленко, В. Г. Собрание сочинений : В 6 т. Т. 4 / В. Г. Короленко. – Москва : Правда, 1971. – 400 с.
13. Бакиров, Н. Э. Основные принципы поэтики Короленко : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бакиров Наиль Энверович. – Томск, 1979. – 18 с.
14. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2010. – 704 с.
15. Савельева, Е. Г. Американские впечатления В. Г. Короленко и повесть «Без Языка» / Е. Г. Савельева // Вестник СПГУ. – Сер. 2. – 1998. – Вып. 1. – № 2. – С. 85–90.
16. Крылов, В. Н. Диалог «своего» и «чужого» в американских впечатлениях В. Г. Короленко / В. Н. Крылов // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157. – № 2. – С. 28 - 43.
17. Неизданный В. Г. Короленко. [В 3 т. Т.3] : Публицистика 1919–1921: [сб. ст.] / составители Т. М. Макагонова, И. Т. Пяттоева. – Москва : Пашков дом, 2013. – 464 с.

ИВАНОВА Оксана Иннокентьевна – к. филол. н., доцент, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: oi.ivanova@s-vfu.ru

IVANOVA Oksana Innokentievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 811.512.157'38

DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-24-32

Индивидуально-стилистическое осмысление образа родного языка в произведениях якутских поэтов

А. А. Корнилова, С. В. Иванова ✉

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

✉ svl.ivanova@s-vfu.ru

Аннотация. В современных условиях, когда общество вступило в эпоху глобализации, многие процессы, связанные с сохранением и развитием языков и культур народов, принимают новые формы. Глобализация может оказать отрицательное влияние на социальное функционирование языков, причем наибольший урон наносится национальным языкам. Поэтому актуализируется проблема сохранности, функциональности, развития родных языков и национально-культурной самобытности малочисленных народов. Имидж родного языка становится важнейшим фактором сохранения национальной идентичности молодежи, так как язык не только отражает культурные и национальные ценности, традиции, но и является ключевым элементом передачи национально-культурной информации. В связи с этим представляется целесообразным обратить внимание на эстетическое осмысление образа родного языка, при его включении в словесно-художественные структуры. В статье на материале поэтических произведений якутских поэтов А.А. Иванова – Күндэ «Төрөөбүт тыл» («Родной язык»), И.М. Гоголева – Кындыл «Төрөөбүт тыл» («Родной язык»), «Ийэ тылым» («Мой материнский язык»), С.П. Данилова «Төрөөбүт тыл» («Родной язык») анализируется своеобразие индивидуально-стилистического осмысления родного языка. Авторами статьи подчеркивается значимость привлечения словесно-художественных произведений для повышения престижа родного языка.

Ключевые слова: родной язык, имидж родного языка, сохранение и развитие родного языка, словесно-художественные произведения, индивидуально-стилистическое осмысление, образные средства.

Для цитирования: Корнилова А. А., Иванова С. В. Индивидуально-стилистическое осмысление образа родного языка в произведениях якутских поэтов. Вопросы национальных литератур. 2023, № 4 (12). С. 24–32. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-4-24-32

Individual stylistic understanding of the native language's image in the works of Yakut poets

A. A. Kornilova, S. V. Ivanova ✉

North-Eastern Federal University in Yakutsk, Russia

✉ svl.ivanova@s-vfu.ru

Abstract. In modern conditions, when human society has entered the era of globalization, many processes related to the preservation and development of languages and cultures of peoples are taking on new forms. Globalization has had a negative impact on the social functioning of languages, with native languages being the most affected. The problem of preservation, functionality, development of native languages and national and cultural identity of small peoples has become actualized. The image of the native language is becoming the most important factor in preserving the national identity of young people, since the language not only reflects cultural and national values and traditions, but is also a key element in the transmission of national and cultural information. In this regard, it seems expedient to pay attention to the figurative and aesthetic comprehension of the image of the native language, when it is included in verbal and artistic structures. In the article, based on the material of the poetic works of the Yakut poets A. A. Ivanov – Kunde "Törööbút tyl" ("Native language"), I. M. Gogolev – Kyndyl "Törööbút tyl"

© Корнилова А. А., Иванова С. В., 2023

("Native language"), "Iye tylym" ("My mother's language"), S. P. Danilov "Tóróóbút tyl" ("Native language"), S. P. Danilov "Tóróóbút tyl" ("Native language") analyzes the originality of the individual stylistic comprehension of the native language by the authors. The authors emphasize the importance of involving verbal and artistic works to increase the prestige of the native language.

Keywords: native language, image of the native language, preservation and development of the native language, verbal and artistic works, individual stylistic understanding, figurative means.

For citation: Kornilova A. A., Ivanova S. V. Individual stylistic understanding of the native language's image in the works of Yakut poets. *Issues of National Literature*. 2023. No. 4 (12). Pp. 24–32. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-4-24-32

Введение

В настоящее время многие представители различных гуманитарных наук отмечают существенную роль родного языка в гармоничном становлении личности и важность владения родным языком для формирования у человека полноценного духовного мира. Одной из основных ценностей любого народа является родной язык, который играет значительную роль в формировании этноса в целом. С его помощью каждое новое поколение осмысливает самих себя, приобщается к культуре, ценностям и традиции своего народа. Поэтому познание исторического и культурного прошлого, связь с ним позволяет молодежи ощутить принадлежность к собственному народу, его наследию и желание сохранить его для будущих поколений.

В современное время в условиях глобализации наблюдается разрыв культурной преемственности, отдаление от наследия предков, традиционных ценностей, духовной культуры, что обрекает молодежь на потерю социальной памяти. А необратимыми последствиями глобализации может стать полная утрата родного языка, а вместе с ним и традиционных культурных ценностей, исторической памяти и национальной идентичности. С этим актуализировалась проблема сохранности, функциональности, развития родных языков и национально-культурной самобытности народов. Как отмечает Н. И. Иванова, прежде всего «с точки зрения функционального подхода, сужение сфер применения родного (якутского) языка, сокращения числа его носителей и снижение интереса молодежи негативно сказались на престиже родного языка» [1, с. 105]. В основе указанных процессов лежат и объективные, и субъективные факторы, которые способствуют трансформации языковых установок, традиционных ценностей и языкового сознания носителей родного языка. Охватывая широкий круг проблем, связанных с сохранением и развитием родного языка, мы полагаем, что повышение его престижа возможно посредством создания привлекательного имиджа в сознании носителей языка. Это может поспособствовать изменению отношения к родному языку и пробудить интерес к «живому общению» на нем, вне зависимости от уровня владения, а значит и к его сохранению. В. Е. Беленко пишет, что следует понимать то, что «имиджевая коммуникация использует те семиотические коды, которыми располагает культура социума на том или ином историческом этапе своего развития. Культура, таким образом, предоставляет «резервуар смыслов», формирующих представление о хорошем, правильном, надежном, заслуживающем доверия» [2, с. 6], который даст возможность восстановить связь с родным языком и культурой народа, тем самым повысить его престиж.

Имидж же формируется на основе субъективных представлений о родном языке и может быть обусловлен отношением к языку, то есть «основной задачей видится передать, сделать доступной какую-то информацию об объекте имиджа и тем самым вызвать отклик, эмоциональное, мысленное или поведенческое соучастие» [2, с. 8].

«При разноаспектном постижении сути родного языка особую значимость в качестве исследовательского материала приобретают произведения (коммуникативно-речевые образования) различной жанрово-стилистической принадлежности, где этот феномен получает ценностное и / или образное (образно-ценностное) осмысление – прежде всего, это, конечно, словесно-художественные и художественно-публицистические произведения» [3, с. 586]. Прежде всего в этой связи следует, на наш взгляд, обратить внимание на словесно-художественные произведения, посвященные родному языку. Произведения якутской литературы о родном языке поражают не только глубиной смысла, но и вызывают сильный эмоциональный отклик читателей.

Образ родного языка в произведениях якутских поэтов

В якутской литературе многие поэты и писатели посвящали свои произведения родному языку. Их безграничная преданность и любовь к родному языку передавались читателям через своеобразие индивидуально-стилистического осмысления образа родного языка и возвышали его значение и ценность для каждого человека. Как справедливо отмечает И. П. Зайцева, произведения данной тематики «наделены как минимум двойной значимостью: они являются не только фактом эстетического осмысления действительности, призванным воздействовать на познавательную и экспрессивно-эмоциональную сферы читателя, но и стимулом для разного рода философских размышлений» [4, с. 107].

Одним из хрестоматийных произведений, посвященных родному языку является стихотворение А. А. Иванова-Күндэ «Родной язык» («Төрөөбүт тыл»). Заключенный в стихотворении глубокий философский смысл выражен индивидуально-авторскими особенностями, проявляющимися в использовании риторических приемов: повторов, анафоры, антитезы и т.д. Лексический состав произведения включает слова высокой лексики – поэтизмы: *иитиллибит ийэ тыл 'язык на котором воспитывался', сырдьыгыны көөннүбүт сылгы кымыһа 'душистый кумыс', тостор куйааска тобулу ханнарар 'утоляет жажду в знойную жару'*. Значение родного языка автор ассоциирует с главной жизненно важной потребностью человека, как утоление жажды в знойную жару, усиливая это значение языковыми компонентами этнического характера: *Сөрүүн сүөгэй курдук 'подобный прохладным сливкам' / Убаһас отон уутун курдук 'подобный соку ягод' / Сырдьыгыны көөннүбүт сылгы кымыһын курдук 'подобный душистому кумысу'*, которые действительно дороги и значимы для народа саха. Это определяет ценностную установку автора о родном языке, обусловленный национальным характером и идеей:

<i>Төрөөбүт</i>	<i>Родной</i>
<i>Төрүт тыл</i>	<i>Язык мой</i>
<i>Сөрүүн</i>	<i>Подобно</i>
<i>Сүөгэй курдук</i>	<i>Прохладным сливкам</i>
<i>Сүрэҕи-быары</i>	<i>Душу-сердце</i>
<i>Сөрүүргэтэр,</i>	<i>Умиротворяет,</i>
<i>Убаһас отон</i>	<i>Подобно</i>
<i>Уутун курдук</i>	<i>Соку ягод</i>
<i>Улахан куйааска</i>	<i>В палящий зной</i>
<i>Утаҕы аһарар,</i>	<i>Жажду утоляет,</i>
<i>Сырдьыгыны көөннүбүт</i>	<i>Подобно</i>
<i>Сылгы кымыһын курдук</i>	<i>Живительному кумысу</i>
<i>Тостор куйааска</i>	<i>В изнуряющую жару</i>
<i>Тобулу ханнарар...</i>	<i>Спасает'</i>
[5, с. 93]	[пер. авторов]

Родной язык для каждого человека является чем-то особенным, сила и влияние его на каждого человека безгранична, только знание родного языка может нам дать чувство уверенности и самоидентификации. Родной язык как предвестник судьбы способен

в трудные моменты предостеречь от беды и спасти от гибели. Это то богатство, данное нам при рождении, и которым мы должны дорожить и оберегать всю свою жизнь. Именно это, автор передает своим читателям, при этом демонстрирует свою безграничную любовь к родному языку:

*Иитиллибит
Ийэ тылбыт
Иинэбэс сири
Имэнгинэн-бийангынан
Ибиирэн биэрэр...
Саппа-
Садарах уотунан
Күтүр харананы
Күлүмнэтэ сырдатар...
Ийэ тыл
Быстар-ойдор күнгэ
Быһал-абырал буолар,
Өлөр-сүтэр күнгэ
Өрөһүлтэ буолар...
[5, с. 93]*

*Родной
Язык наш
Иссохшую землю
Влагой
Наполняет...
Мрак беспросветный
Светом
Ярким
Разгоняет...
Материнский язык
От бед и несчастий
Защищает,
В минуты опасности
Оберегает...
[пер. авторов]*

Система образных средств стихотворения многообразна, так автором использованы такие тропы как метафора, эпитет, сравнение, развернутые или с осложняющими элементами: *имэнгинэн-бийангынан ибиирэн биэрэр* 'влагой наполняет', *быстар-ойдор күнгэ, быһал-абырал буолар* 'от бед и несчастий защищает', *күтүр харананы күлүмнэтэ сырдатар* 'мрак беспросветный светом ярким разгоняет'. Стихотворение Күндэ «Родной язык» («Төрөөбүт тыл») написано в традициях фольклорной поэзии якутов, соблюдается звуковая организация текста – аллитерация, тем самым подчеркивается ритм и звуковое скрепление строки, особая композиция якутского стиха – синтаксический параллелизм.

Значительными произведениями якутской поэзии, посвященными теме родного языка по праву считаются стихотворение «Төрөөбүт тыл» («Родной язык», 1959 г.) и поэма «Ийэ тылым» («Материнский язык», 1989 г.) Ивана Михайловича Гоголева – Кындыл. Его произведения отличаются простотой и выразительностью языка, тонким лиризмом и философской глубиной, богатством и яркостью образов.

Поэма, посвященная родному языку, «Ийэ тылым» («Материнский язык», 1989) Ивана Гоголева является своего рода единственным произведением, которое посвящено только родному языку. П.В. Сивцева-Максимова относит поэму к «лирико-философским произведениям, основанным на социально-этнографические проблемы общества» [6]. Поэт создал миф о языке, который существовал на земле до появления человека:

*Түөрт атахтаах биһэ
Төрүү-ууһу илигинэ
Төлөннөөх тыл арай
Түөрт атахтаах биһэ
Төрүү-ууһу илигинэ
Төлөннөөх тыл арай
Төгүрүк күөх уот буолан
Төгүрүйэ сүүрэ сылдыбыт үһү.*

*В пору когда на земле
не было племени злого
четвероногих, – во мгле
луноподобное Слово.
Существовало одно.
Слово, и только оно,
Слово сияло приветно
тысячелетья подряд*

*Кыһыырап кынаттаах биһэ
Кылбанньы дайа илигинэ
Алыптаах тыл арай
Аарыма кустук буолан
Алаарыйа кыһа турбут үһү.
Икки атахтаах биһэ
Иэбэнни хаама илигинэ
Улуу тыл арай
Улабата көстүбэт байбал буолан
Уорастыйа дьалкыйа сыппыт үһү.
[7, с. 270]*

*радугой семицветной
выше небес, говорят.
Было оно горячо,
и меж дыханий немногих
Не появилось еще
странное племя двуногих,
коему было дано
Слово, и только оно...'*

[8, с. 3], [пер. Ильи Фаликова]

Сравнение образа языка с блуждающим огнем 'төгүүк күүх уот', огромной радугой 'аарыма кустук', безбрежным океаном 'улабата көстүбэт байбал' подчеркивает не только глубину мыслей и чувств, но и нестандартность мировосприятия, а также способность образно-эстетически воплотить тончайшие оттенки мироощущения и убеждения. Пожалев людей, которые не умели говорить, Язык вошел в их тело и душу, благодаря этому люди смогли мыслить и говорить, с этого дня человек приобрел необычную силу и стал настоящим человеком. Здесь мы видим элементы философского осмысления родного языка:

*Икки атахтаах харамай
Ийэ сиригэр үктэнээтин утаа
Иһиэрэн эрэ кэпсэтэр
Идэлээбэ эбитэ үһү.
Ону көрөн уйаҕас тыл
Олус уйулаҕа хамсаан,
Чабылҕан уота буолан
Чабаан тылыгар хатаммыта үһү.
Этинг сатата буолан
Этигэр-хааныгар иннитэ үһү.
Сүдү айыы сарыала буолан
Сүрүбэр күөдүйбүтэ үһү.
Ол алгыстаах күнтэн ыла
Ороһу икки атах
Дьикти дьыбилгэн күүстэммитэ,
Дьингээхтик дьэ киһи буолбута.
[7, с. 270]*

*Странные те существа
И появились на свете
В сумраке тысячелетий
Свистом владели сперва.
Только с пронзительным свистом,
Сведались в сумраке мгlistом.
Слово, и только оно
Стало немой благостыней –
Вспыхнуло молнией синей,
Было в уста внедрено
Вяло духом свободным,
Ясно сияло впотмах,
светом зажглось благородным
в полужвериных сердцах.
И человеком двуногий
стал, овладев языком.*

[8, с. 3], [пер. Ильи Фаликова]

Любого человека можно абсолютно точно судить по его отношению к родному языку, «не только о его культурном уровне, но и его гражданской ценности. Истинная любовь к своей стране, немыслима без любви к своему языку» [9]. Заложенное в поэме концептуально-эстетическое содержание реализуется благодаря индивидуальному авторскому стилю. Это его представление о родном языке как о даре божем, дающий безмерную силу, возможности и будущее, предполагает воспитание любви к родному языку, чувство ответственности за его прошлое, настоящее и будущее.

В поэме автор размышляет о судьбе родного языка, его ущемлении другими языками, о печальной судьбе людей, забывших свой родной язык, у которых неисправимая судьба умереть, не познав теплоту и любовь своего родного языка. Все это определяет позицию автора, уточнение ценностных ориентаций, формирование чувства обеспокоенности и страха за свой язык:

*Аан дойду ааттаахтара
Арыаллаһар түһүлгэлэригэр
Ахсарбакка, аахайбакка
Антах хайыстахтарына
Туох эрэ буруйдаах курдук
Туоххаһыйан тураахтыыгын
Аччыгыһи буолан айыллыбыт
Атаҕастабыллаабын саныырын дуу?*
[7, с. 273]

*'Если какой-нибудь форум
собрал – не вспомнят тебя (...)
Ты предпочел притулиться
в дальнем своем уголке
Вид твой незрячие речи
Не замечают при встрече
Опускаешь ты взгляд
Словно ты в чем виноват'*

[8, с. 3], [пер. Ильи Фаликова]

Для словесно-художественной передачи философского осмысления родного языка использована богатая эмоционально-экспрессивная лексика, выражающая этнически обусловленное сознание. Так, в большинстве текста произведения преобладает высокая, собственно поэтическая лексика: *Айыы танара дьүүлэ 'суд божий' / Айылба ыйааба 'закон природы' / аан ийэ тыл 'материнский язык' / Аан дойду ааттаахтара арыаллаһар түһүлгэлэрэ 'арена сильных мира' / Эт-хаан ийэ тылым 'близкий по крови и духу родной язык'* и др. Образные средства, в частности созданные поэтом метафоры, олицетворения придают неповторимость индивидуального авторского стиля, к которому он прибегает для характеристики родной речи: *Туох эрэ буруйдаах курдук / Туоххаһыйан тураахтыыгын 'А ты стоишь виновато В смятении' / Аччыгыһи буолан айыллыбыт / Атаҕастабыллаабын саныырын дуу? 'Трустишь, ли ты, родной мой язык / Тревожишься ли ты, о судьбе своей?' / Ыраас биһиктэргэ эйигин 'В светлую колыбель тебя' / Ымы оностон ууруом 'Положу тебя как оберег' / Толомон сэргэлэри эйигинэн / Тойон көтөр төбөлүөм 'Верхушку коновязи сэргэ' / Украшу тобой в виде головы орла'* и др.

Поэт заканчивает поэму благословением (алгыс), воспевая величие и силу родного языка и свой долг перед родным языком: *'Слово. Воистину так! / В слове – рассвет и закат, / Стороны света четыре, / чисто лучась не остыли / в Слове. Воистину так! / Не замерев ни на миг. / Слово и спящих пробудит. / О, материнский язык, / будь бесконечно! – Пробудет'* [перевод Ильи Фаликова].

Автор порицает равнодушие человека к родному языку, его умение ценить красоту родного языка, любовное и бережное отношение могут вызвать у читателей только восхищение. Именно забота о языке как духовной среде обитания человека вызывает особое чувство его сохранить и развить.

Приметами национального мироощущения, чувством гордости за родной язык, материнской любовью проникнуто стихотворение Ивана Гоголева «Төрөөбүт тыл» («Родной язык»), 1959 г.:

*Ийэн сылаас үүтүн кытта
Бу тылы ыймахтаабытын,
Эн билбитин бу тылтан
Саха буолан айыллыбыккын.
Баҕар, түһэн бизриэ добор,
Ийэн, баҕар, хоргутуоҕа,
Төрөөбүт тыл эн олоххор
Мэлдьи аргыс буолуоҕа ...*
[10, с. 20]

*'Вместе с молоком матери
Ты впитал этот язык,
Ты узнал на этом языке,
Что создан якутом.
Может друг предать,
Даже обидеться мать,
Но твой родной язык
Будет вечным спутником...'*
[пер. авторов]

Проблема, поднятая автором в этом лирическом произведении, входит в круг принципиально важных для самого человека: максимально бережно относиться к языку, прежде всего, к родному языку. Ведь язык является душой и разумом человека, делает человека человеком, наделив его всемогуществом ума и силой духа. Автор сравнивает силу

родного языка «с острым мечом, разящим своего врага», но, «если забудешь свой родной язык, то ты перестанешь быть человеком». В этих строках мы видим, какое высокое значение имеет родной язык для автора:

Өстөөххүн ох таптабына –
Баҕар, бааһа оһуоҕа,
Уот тылгынан хаарыйдаххына –
Өрүттүө эрэ суоҕа.
Баҕар, умнуон ырааттаххына –
Төрөөбүт сайылыккын,
Төрөөбүт тылгын умуннаххына –
Эн киһи буолбатаххын
[10, с. 20]

Если пронзит стрела врага твоего,
Может заживет рана,
Но если предать проклятию,
То, нет ему спасения.
Можешь и забыть в краю чужом
Родной сайылык,
Но если забудешь родной язык,
То ты больше не человек'
[пер. авторов].

С. П. Данилов известен читателю как поэт лирического склада. Благодаря философской глубине, особой лирической задушевности и доверительной интонации, его поэзия стала средоточием духовности и национальной ментальности якутского народа. Образная система, словесная фактура и поэтическая интонация представляет Семена Данилова как глубоко национального поэта, создавшего образы высокой лирики. В стихотворении «Төрөөбүт тыл» («Родной язык») он воспевает искреннюю и преданную любовь к родному языку словами: *ийэм биэрбит тыла 'язык, дарованный мне матерью', олобум тыла 'язык жизни', тапталым тыла 'язык любви', саргылаах сахам саната 'блаженная якутская речь'*:

Чыычаахха – чыычаах чуопчаарар тыла,
Сүүрүккэ – сүүрүк сипсийэр тыла,
Этингэ – этинг эрчимнээх тыла –
Илгэлээх истинг – ийэ тыл буолар
Оттон бу мизэхэ ийэм биэрбит тыла
Олобум тыла,
Тапталым тыла –
Мин төрүт тылым, мин ийэ тылым
Саргылаах сахам
Саната буолар ээ.
[11, с. 415]

Птичке – птичий звонкий язык.
Речке – реки нежный язык,
Грому – грома ясный язык,
Каждый звук из света возник.
Но с младенческой немотой, -
Научи говорить меня, мать
Коренной мой бесценный, святой
Я не знаю как величать'

[пер. В. Шаргунова]

Мысль о ценности и значимости родного языка для каждого человека автор выражает такими словами: *“дууһан түгэбэр, эн бар дьонун санаатын саталыыр, ийэ эрэ тылгынан этиллэр итии иэйишлэр сөҕөн сыталлар 'глубинные чувства и мысли, любовь и преданность можно передать лишь на родном языке'”*:

Оо, ол эрэри дууһан түгэбэр,
Эн бар дьонун санаатын саталыыр,
Ийэ эрэ
Тылгынан этиллэр
Итии иэйишлэр
Сөҕөн сыталлар.
Ол иһин Дьылба
Киһиэхэ анаан
Биэрбит эбит
Ийэ тыл алыбын.
Нууччаба – нуучча номобон тылын,

То, что выскажешь
На родном
И, забыв про тревоги случайные,
В роковые мгновенья твои
Не споешь
Свою самую тайную,
Задыхаясь от слез и любви...
Эта радость
Нам с жизнью подарена
Потому матерински велик
И татарский язык – татарину,
И якуту – якутский язык.

Сахаба – саха сайаҕас тылын
[11, с. 415]

[пер. В. Шаргунова]

Для образно-художественной передачи осмысления сути родного языка автором использованы образные средства, которые раскрывают и усиливают его смысл, и прежде всего придают своеобразие индивидуального авторского стиля, посредством которого слова оживают и наполняются выразительной силой: *Чыычаахха – чыычаах чуончаарар тыла 'Птичке – птичий звонкий язык/ Сүүрүккэ – сүүрүк сипсийэр тыла 'Речке – речки нежный язык' / Этингэ – этинг эрчимнээх тыла 'Грому – грома ясный язык' / Илгэлээх истинг – ийэ тыл буолар 'Являются родными языками'.*

Заключение

Анализ лирических произведений, в которых эстетически осмысливается образ родного языка, позволяет убедиться, что словесное мастерство якутских поэтов представляет безусловный интерес для получения имиджеформирующих представлений о родном языке. При осмыслении феномена родного языка в подобном ключе более наглядно выявляются те семантические и образные компоненты, которые при их установлении могут как существенно дополнить имиджеформирующее представление, так и способствовать более глубокой трактовке проблем языковой среды.

Словесно-художественные произведения такой тематики не только воздействуют на познавательную и экспрессивно-эмоциональную сферы читателя, но и являются стимулом для глубоких размышлений, приводящих постижению ключевых категорий не только литературоведения, лингвистики, но и культуры в целом.

Л и т е р а т у р а

1. Иванова, Н. И. Функциональный статус русского языка в Республике Саха (Якутия) // Сев.-вост. гум. вестн. – 2019. – № 4 (29). – С. 101 – 106.
2. Беленко, В. Е. Имиджелогия: стратегии и тактики имиджевой коммуникации: учеб. пособие / В. Е. Беленко, М. П. Беленко. – 2010. Новосибирск: Изд-во НГТУ. – 140 с.
3. Зайцева, И. П. Осмысление феномена родного языка в творчестве Константина Паустовского: лингвоэкологический и концептуально-эстетический аспекты // Говор: Альманах / под редакцией С. В. Лесникова. – 2023. - № 5. – С. 583 – 594.
4. Зайцева, И. П. Концептуально-эстетическое осмысление феномена родного языка в лирике Риммы Казаковой // Язык и актуальные проблемы образования: материалы V международной научно-практической конференции: г. Москва, 21 января 2020 года / под редакцией Е. И. Артамоновой, О. С. Ушаковой. – 2020. Москва : Диона. – С. 105 – 111.
5. Иванов, А. А.–Күндэ. Кыһар тунат: Кэпсээннэр, хоһооннор, пьесалар, ыстатыйалар, ахтылар. / В. С. Парников уруһуйа. –Якутский : Кинигэ изд-вота, 1979. – 296 с.
6. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020622741 Российская Федерация. Якутская поэма XX века (1900-1940-ые годы) : № 2020622646 : заявл. 12.12.2020 : опубл. 21.12.2020 / П. В. Сивцева-Максимова ; заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова". – EDN UGDDDO [Электронный ресурс]. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44758183> (дата обращения: 15.10.2023).
7. Гоголев, И. М. Айан аартыктара (поэмалар). – 1989. Якутский : Кинигэ изд-вота. – 278 с.
8. Гоголев, Иван. Материнский язык. Поэма. Перевод Ильи Фаликова. / Социалистическая Якутия, 1990, 18 мая, с. 3.
9. Паустовский, К. Г. Поэзия прозы // Знамя. – 1953. – № 9. [Электронный ресурс]. URL:<http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/public/poezy.htm>. (дата обращения: 15.10.2023).
10. Гоголев, И. М. Кынаттар: хоһооннор уонна поэмалар / Иван Гоголев; художник Е. М. Шапошников. –Якутский : Саха сиринээби кинигэ изд-вота, 1959. – 78 с.
11. Данилов, С. П. Талылыбыт айымньылар: хоһооннор, поэмалар: икки томнаах / Семен Данилов; [худож. В. Д. Иванов]. – Якутский: Саха сиринээби кинигэ изд- вота, 1977. 1 Т.: Хоһооннор, поэма. – 438 с.
12. Данилов, С. П. Счастье орла. Стихи и поэмы. – Москва : Современник, 1973. – 264 с.

References

1. Ivanova, N. I. Funktsional'nyi status russkogo yazyka v Respublike Sakha (Yakutiya) // Sev.-vost. gum. vestn. – 2019. – № 4 (29). – S. 101 – 106.
2. Belenko, V. E. Imidzhelogiya: strategii i taktiki imidzhevoi kommunikatsii: ucheb. posobie / V. E. Belenko, M. P. Belenko. – 2010. Novosibirsk: Izd-vo NGTU. – 140 s.
3. Zaitseva, I. P. Osmyslenie fenomena rodnogo yazyka v tvorchestve Konstantina Paustovskogo: lingvoehkologicheskii i kontseptual'no-ehsteticheskii aspekty // Govor: Al'manakh / pod redaktsiei S. V. Lesnikova. – 2023. – № 5. – S. 583 – 594.
4. Zaitseva, I. P. Kontseptual'no-ehsteticheskoe osmyslenie fenomena rodnogo yazyka v lirike Rimmy Kazakovoi // Yazyk i aktual'nye problemy obrazovaniya: materialy V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: g. Moskva, 21 yanvara 2020 goda / pod redaktsiei E. I. Artamonovoi, O. S. Ushakovoi. – 2020. Moskva: Diona. – S. 105 – 111.
5. Ivanov, A. A.–Kyndeh. Kyyhar turat: Khepsehehnnehr, khohoonnor, p'esalar, ystatyialar, akhtyyalar. / V. S. Parnikov uruhuia. –Yakutskai: Kinigh izd-vota, 1979. – 296 s.
6. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registratsii bazy dannyh № 2020622741 Rossiyskaya Federatsiya. Yakutskaya poema XX veka (1900-1940-ye gody) : № 2020622646 : zayavl. 12.12.2020 : opubl. 21.12.2020 / P. V. Sivceva-Maksimova ; zayavitel' Federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Severo-Vostochnyy federal'nyy universitet imeni M. K. Ammosova". – EDN UGDDDO [Elektronnyy resurs]. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44758183> (data obrashcheniya: 15.10.2023).
7. Gogolev, I. M. Aian aartyktara (poehmalar). – 1989. Yakutskai: Kinigh izd-vota. – 278 s.
8. Gogolev, Ivan. Materinskii yazyk. Poehma. Perevod Il'i Falikova. / Sotsialisticheskaya Yakutiya, 1990, 18 maya, s. 3.
9. Paustovskii, K. G. Poehziya prozy // Znamya. – 1953. – № 9. [Elektronnyy resurs]. URL:<http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/public/poezy.htm>. (data obrashcheniya: 15.10.2023)
10. Gogolev, I. M. Kynattar: khohoonnor uonna poehmalar / Ivan Gogolev; khudozhnik E. M. Shaposhnikov. –Yakutskai: Sakha sirinehehji kinigh izd-vota, 1959. – 78 s.
11. Danilov, S. P. Talylybyt aiymn'ylar: khohoonnor, poehmalar: ikki tomnaakh / Semen Danilov; [khudozh. V. D. Ivanov]. – Yakutskai: Sakha sirinehehji kinigh izd- vota, 1977. 1 T.: Khohoonnor, poehma. – 438 s.
12. Danilov, S. P. Schast'e orla. Stikhi i poehmy. – Moskva: Sovremennik, 1973. – 264 s.

КОРНИЛОВА Анна Алексеевна – магистр филологии.

E-mail: annakornilova888@mail.ru

KORNILOVA Anna Alekseevna – Master of Philology.

ИВАНОВА Саргылана Владимировна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

IVANOVA Sargylana Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Yakut language stylistics and Russian-Yakut translation, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 821.512.157-1Бестужев-Марлинский.09
DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-33-41

Поэтика северного пространства в стихотворениях А. А. Бестужева-Марлинского

А. И. Ощепкова, Т. С. Монастырев ✉

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ timtortless@gmail.com

Аннотация. Актуальность темы продиктована тем, что проблема северного пространства в стихотворениях А. А. Бестужева, написанных в период ссылки в Якутске, практически не рассматривалась. Предметом интереса исследователей, как якутских, так и российских, становились прозаические произведения и лиро-эпические поэмы писателя. Между тем именно малые формы лирики поэта-декабриста демонстрируют начало формирования сакрального образа Якутии в русской литературе. Целью статьи является рассмотрение поэтики северного пространства в стихотворениях А. А. Бестужева-Марлинского. Северный локус становится той пространственной точкой, в которой лирическому герою открывается перспектива мифологического инобытия. Текстуальный анализ с целью изучения поэтики лирики А. А. Бестужева-Марлинского позволяет выписать систему образов в художественной картине мира автора, которые определяются как мироощущением, так и мировоззрением поэта-романтика. В качестве инструментов создания системы образов поэт применяет разнообразные приемы: от троп до авторских слов. Немалое значение при этом также имеет специфическое сочетание категорий времени и пространства, подчиненное основным мотивам поэтических произведений автора. В данной работе рассматривается не только то, как средства художественной выразительности передают картину поэтического мира лирического героя, но и формируют атрибуцию северных пространств. Северные пространства через призму романтизма представляют собой идеальную ситуацию, в которой категория дома чаще всего передается через категории воспоминания или мечты. Именно через противопоставление топосов дома и Севера выстраивается итоговая картина окружающего мира, в рамках которого находит себя лирический герой. Также в художественном мире поэта можно проследить разницу между внешним (реальным) и внутренним (перцептуальным) пространством. Однако при этом пространство действительности зачастую сливается с картинами интроспекции, размывая границы между внешним и внутренним. Ассоциации, наделяющие идеальный внутренний мир лирического героя реальными картинами природы (пространство Севера), выполняют функцию достижения гармонии между внутренним и внешним пространствами.

Ключевые слова: северное пространство, лирика А. А. Бестужева-Марлинского, поэтика, хронотоп, метонимия, миф.

Для цитирования: Ощепкова А. И., Монастырев Т. С. Поэтика северного пространства в стихотворениях А. А. Бестужева-Марлинского. Вопросы национальных литератур. 2023, № 4 (12). С. 33–41. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-4-33-41

Poetics of the northern space in poems by A. A. Bestuzhev-Marlinsky

A. I. Oshchepkova, T. S. Monastirev ✉

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ timtortless@gmail.com

Abstract. The relevance of the topic is dictated by the fact that the problem of the northern space in the poems by A. A. Bestuzhev, written during the period of exile in Yakutsk, has almost not been considered. The subject of interest of researchers, both Yakut and Russian, has become the prose works and lyric-epic poems of the writer. Meanwhile, it is the small forms of the Decembrist poet's lyrics that demonstrate the beginning of the formation of the sacred image of Yakutia in Russian literature. The purpose of the article is to consider the poetics of the northern space in the poems by A. A. Bestuzhev-Marlinsky. The northern locus becomes the spatial point at which the lyrical hero opens up the prospect of mythological otherness. A textual analysis for the purpose of studying the poetics of lyrics by A. A. Bestuzhev-Marlinsky allows us to write out a system of images in the author's artistic picture of the world, which are determined both by the worldview and the worldview of the romantic poet. The poet uses a variety of techniques as tools for creating a system of images: from tropes to the author's words. The specific combination of the categories of time and space, subordinated to the main motives of the author's poetic works, is also of considerable importance. This work examines not only how the means of artistic expression convey a picture of the poetic world of the lyrical hero, but also form the attribution of northern spaces. Northern spaces, through the prism of romanticism, represent an ideal situation in which the category of home is most often conveyed through the categories of memories or dreams. It is through the contrast of the topoi of the house and the North that the final picture of the surrounding world is built, within which the lyrical hero finds himself. Also in the poet's artistic world, one can trace the difference between external (real) and internal (perceptual) space. However, in this case, the space of reality often merges with the pictures of introspection, blurring the boundaries between the external and the internal. Associations that endow the ideal inner world of the lyrical hero with real pictures of nature (the space of the North) perform the function of achieving harmony between the internal and external spaces.

Keywords: Siberian discourse, lyrics by A. A. Bestuzhev-Marlinsky, poetics of the North, lyrical hero, dedication poems, space, poetry of the Decembrists, chronotope, attribution, picture of the world.

For citation: Oshchepkova A. I., Monastirev T. S. Poetics of the northern space in poems by A. A. Bestuzhev-Marlinsky. *Issues of National Literature*. 2023. No. 4 (12). Pp. 33–41. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-4-33-41

Введение

Якутская тема в творчестве русских писателей давно привлекает внимание исследователей. М. К. Азадовский, сыгравший большую роль в изучении культуры Сибири, кратко охарактеризовал «сибирский текст» в русской литературе как «поэтику гиблого места». Восприятие Якутии через призму изгнанничества – вариации все той же «поэтики гиблого места» [1, с. 4–5]. Н. Н. Тобуроков в своей работе «История якутской литературы» отмечал, что в русской литературе XIX в. образ Якутии приобрел ставшую привычной внешнюю атрибуцию «обширной тюрьмы» и символа страданий именно из-за эстетического подкрепления образа "далекого" края с жестким природным климатом [2, с. 16]. Обращаясь к такой непростой проблеме, как взаимодействие и взаимовлияние литератур, нужно учитывать тот ключевой факт, что «писатели одной

литературы осваивают творческий опыт другой, исходя из внутренних потребностей развития своей национальной литературы» [1, с. 10]. Однако стоит заметить, что, по всей видимости, образ Якутии в лирике поэтов-романтиков носит более насыщенный и разнообразный характер. Так, М. К. Азадовский отмечал огромное значение Якутии в творчестве русских писателей. Исследователь отметил ряд выдающихся русских писателей так называемой «сибирской школы», чье литературное становление сложилось именно в условиях якутской ссылки. Среди них особое место отведено А. А. Бестужеву-Марлинскому.

Первыми описали жизнь народов Якутии ссыльные декабристы. Из тринадцати декабристов, отбывавших ссылку в Якутии, оставили произведения о ней Н. А. Чижов, М. Н. Муравьев-Апостол [1, с. 4]. Ссылку в Сибири не отбывал разве что К. Ф. Рылеев, однако первое упоминание Якутии принадлежало именно его перу: он был первым, кто в поэтической манере изобразил якутский край в поэме «Войнаровский» в 1825 г. [2, с. 16]. Якутский тоpos ярко описан в творчестве еще одного декабриста, А. А. Бестужева-Марлинского. Причем роль творчества этого поэта в формировании окончательного образа Сибири как «обширной тюрьмы» рядом исследователей определяется чуть ли не как основная (Н. Е. Меднис, Н. С. Сологуб, И. Г. Сацук). А. А. Бестужев-Марлинский отбывал ссылку в Якутске с декабря 1827 по июнь 1829 гг. за участие в заговоре декабристов. Время ссылки, об этом можно судить по его записям, отмечалось особой творческой атмосферой: «Покой обитает во всех климатах, и я не знаю того уголка земли, где бы человек мыслящий не мог найти приятных минут» [3, с. 244]. Сибирь для русского романтизма превратилась в топологический аналог романтического Кавказа, т. е. стала одним из эстетических «окон» в Европу. Очувтившись в сибирской ссылке, А. А. Бестужев-Марлинский старательно использовал свое положение для формирования европейского романтического канона, в основе которого лежало изображение «природы первобытной и дикой». Романтическое превращение коренных жителей в детей природы было связано с деконструкцией понятий природы и детства. «Настоящее» детство на лоне природы, в соответствии с философскими взглядами В. Татищева и Жан-Жака Руссо, стало представляться более авантжным, т. к. и молодость края стала интерпретироваться как одно из достоинств [4, с. 20]. Но на фоне классических «дикарей» – индейцев, албанцев и шотландских горцев – коренные северяне и жители Сибири являлись менее привлекательными для изображения. В байронический период «ужаса и блеска» тундра и лес все же не стали полноценными конкурентами массивных горных вершин, плодородных долин и бурных потоков (примером подобного тоposa может служить Кавказ). Бестужев-Марлинский, который одним из первых ввел жителей Арктики в высокую литературу, довольно быстро пресытился северным тоposом, считает исследователь А. П. Люсый [4, с. 20]. Между тем Н. Е. Меднис признает за восприятием Сибири ореол «страшного и вместе с тем таинственного, а стало быть, и притягательного». Исследователь находит устойчивым мотив вечности в описаниях Сибири, образ «полупробудившегося творения», созданный именно А. А. Бестужевым-Марлинским. Именно данный образ, широко распространившийся в 30-х гг. XIX в., содержал в себе зачатки того, из чего возникли специфическое восприятие и описание Сибири в творчестве писателей в частности и в литературе 80–90-х гг. XIX в. в целом, поэтически и функционально перекликающиеся с представлением северных областей Америки в литературе американского романтизма. В подобном ключе изучалась и якутская тема в русской литературе. При этом отмечалось, что творчество ссыльных писателей наряду с эстетическими задачами выполняло и функции народознания. Многие их произведения позволяли русскому читателю ознакомиться с незнакомой ему доселе жизнью [1].

Изучение творчества А. А. Бестужева-Марлинского со стороны современных исследователей в основном посвящено его прозаическим произведениям и кавказским

текстам (Н. Н. Алиев, Д. А. Молчанова, С. Рагасова, В. И. Симанков, В. Н. Смирнов, А. А. Хуснутдинов, В. А. Шкерин). Косвенное освещение творчества А. А. Бестужева-Марлинского через призму сибирского дискурса представлено в работах Н. Е. Меднис, посвященных творчеству В. Г. Короленко. Также сибирские тексты автора были затронуты в исследованиях А. П. Люсого и О. И. Ивановой, но они затрагивали лишь его этнографические очерки, при этом игнорируя лирические произведения автора. Поэтические тексты А. А. Бестужева-Марлинского о Якутии до сих пор не освещались в должном объеме. В этой связи представляется важным рассмотреть особенности поэтики северного пространства в его стихотворениях, написанных во время ссылки в Якутске.

Прежде чем обратиться непосредственно к анализу стихотворного текста, необходимо уточнить, что в качестве методологической базы будут использованы работы М. Л. Гаспарова, М. М. Бахтина, а также исследование В. И. Абрамовой и Ю. В. Архангельской.

Анализ лирики А. А. Бестужева-Марлинского

Наиболее репрезентативным с точки зрения рассмотрения якутского пространства является стихотворение «Шебутуй», написанное в 1829 г. в Якутске. Основной хронотоп в стихотворении не получает конкретизации: в произведении описан водопад Шебутуй, однако категория времени поэтом упускается. Между тем в работах М. М. Бахтина именно категории времени отведено ключевое место в понятии «хронотоп»: время сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство же интенсифицируется, вытягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется именно временем [5, с. 56]. Можно сказать, что время в данном стихотворении отведено на второй план, полностью подчинившись доминанте пространства (на это указывает и само название стихотворения). Пространственным отношениям подчинен также прием авторского словообразования:

Как *летопад* из вечной урны, || UU|U–|U–|U–
 Как неба *звездомлечный* путь, || U–|UU|U–|U–|U–
 Ты низвергаешь волны бурны || UU|U–|U–|UU|U–
 На халцедоновую грудь. || UU|U–|UU|U–|

Склоняет радужные своды, || U–|U–|UU|U–|U
 Полувоздушных перлов мост. || UU|U–|U–|U–|

Ямбическая метрика, несмотря на множество пиррихированных стоп, сохраняется на протяжении всего стихотворения, и поэт последовательно сочетает сложносоставные авторские конструкции с рядом длинных пиррихированных слов, продолжая выстраивать пространство: «летопад» – «низвергаешь», «звездомлечный» – «халцедоновая», «полувоздушные» – «радужные». Больше всего пиррихий (шесть) насчитывается в четвертой строфе, которая имеет больше всего авторских слов («летопад», «звездомлечный»).

Пространственная переменная в стихотворении характеризуется преимущественно пространством открытого типа, которое при этом сочетается с мотивами неволи: «В гранитной зыбля колыбели», «Но, пробужденный, ты, затворы // Ледяных пелен преодолев», «Дуга небесного прощенья // Не озарит лучом своим!». Однако стоит отметить, что глобально пространство стихотворения в виде скал и гор («Глядится в зеркальной скале», «От высоты родимых скал») не поддается однозначной типологизации: в силу относительной отгороженности оно приобретает амбивалентный характер. Подобным свойством также обладает, к примеру, лес, город. Можно сказать, что для лирического героя пространство обретает пограничные черты: последняя треть (последние четыре строфы) стихотворения посвящена интроспекции, когда граница между природой и внутренним миром лирического героя размывается:

Когда громам твоим внимаю
И в кудри льется брызгов пыль
Невольно я припоминаю
Свою таинственную быль...

Именно тогда прорывается «я» лирического героя: в первых двух третях стихотворения преобладали именно местоимения второго лица («Тебя перунами поят», «Ты низвергаешь волны бурны», «И над тобой краса природы», «А ты, клубя волною шибкой», «Твое роптанье — голос милой; // Твой ливень — братний поцелуй!)), пока лирический герой не начинает соотносить окружающие его пейзажи со своим внутренним миром. Именно поэтому данное стихотворение нельзя сравнить с привычными пейзажами, пасторальными картинами.

Таким образом, в стихотворении подана картина природы вперемешку с процессом интроспекции лирического героя: торжественный пейзаж сменяется минорным тоном стенаний. Сам же лирический герой называет себя «певцом», отмечая фаталистичность своей жизни:

Зачем же моего паденья,
Как твоего паденья дым,
Дуга небесного прощенья
Не озарит лучом своим!

Мотив гибели в творчестве Бестужева-Марлинского также можно найти в более раннем стихотворении «Надпись над могилой Михалевых в якутском монастыре» (1828 г.). Вообще для творчества поэта характерны именно стихи-посвящения: «Имениннику» (1828 г.), «Ей» (1828 г.), «Лиде» (1829 г.), «Тост» (1829 г.), «Эпиграммы» («Люблю я критика Василья...», 1830 г.). Причем можно сказать, что подобные посвящения составляют основу поэтического наследия А. А. Бестужева-Марлинского. Важно отметить, что стихи-посвящения зачастую размывают границу между лирическим героем и автором — можно утверждать, что лирический герой в подобных стихотворениях неотделим от автора:

Пришлось приняться за перо,
Хоть я забыл в угрюмой доле
Писать забавно и пестро.
Примите ж это благосклонно,
И в шуме праздничного дня
Не осудите вы меня («В день именин», 1829 г.).

Подобное было замечено М. Л. Гаспаровым (на примере лирики Б. Л. Пастернака): «Образ выводится не из состояния объекта, а из состояния субъекта, смежного с объектом: при желании в этом можно почувствовать метонимию» [6, с. 388].

В «Надписи» лирический герой растворен во времени: лаконичный хронотоп «здесь» дает максимально обобщенное представление о времени, концентрируясь на образе могилы:

Неумолимая, холодная могила
Здесь седины отца и сына цвет сокрыла

Лаконичность также проявляется в основных тропах, подобранных автором: метонимия («седины отца и сына цвет»), метафора («Один под вечер дней, другой в полудни лет», «горевшие сердца», «Покой вкусили», «незримый след»). Лирический герой также растворен в абстрактном образе коллективного («Мы плачем», «И все мы»). Множественное число перекликается с формой множественного числа фамилии «Михалевы», которым посвящено стихотворение. В образе расплывчатого «мы лирический герой изображает в том числе и себя, в нем также можно усмотреть еще один прием: синекдоху.

Пространство постоянно находится в динамике и претерпевает одну трансформацию за другой: от «холодной могилы» до «пределов вечности», от хронотопической категории «здесь» до категории «вдали». Причем перцептуальное пространство в стихотворении явно доминирует над пространством конкретным. Поэт на уровне подтекста противопоставляет конструкции «холодная могила» и «горевшие сердца». Таким образом, он последовательно выстраивает мотив ухода души после смерти, из пространства материального («...холодная могила // Здесь...») к пространству духовного («вдали утешный голос веет»).

Стихотворение «В день именин» (1829 г.) рисует уже более подробный пейзаж северного пространства:

Но, ах! – якутская весна
Не зелена и не красна!
И здешний май, холодный, дикой,
Одной подснежною брусничкой,
А не жасминами богат.

Здесь мы также можем видеть примеры метонимии, которые позволяют лаконично выстроить емкий образ. Отрицательная коннотация Севера ближе к середине сменяется автором на сдержанно-положительную:

В краю зимы и дружбы зимной,
Поверьте, только вы одне,
Ваш разговор гостеприимный
Напоминал друзьям и мне
О незабвенной стороне.

Обращает на себя внимание авторское слово «зимной». Очевидно нарушение морфологической нормы: видна намеренная ошибка в написании прилагательного «зимний» (обратим внимание на тот факт, что форма прилагательного «зимной» не является морфологической нормой тех времен. К примеру, стихотворение А. С. Пушкина озаглавлено именно как «Зимний вечер» (1825 г.)). Из-за подобной игры слов, образовавшаяся конструкция «зимной» созвучна с другими словами, вбирая в себя сразу два значения: «земной» и «зимний». Подобный прием также можно рассматривать как частный случай авторской синекдохи. Данное авторское слово можно назвать искусственно созданной квинтэссенцией категории «пространства-времени», внезапно проявившимся в тексте хронотопом, призванным, возможно, разрушить привычное представление о Севере как об inferнальном месте, о котором ссыльные говорили с ужасом [7, с. 293]. Поэт, возможно, как бы намекает на земную принадлежность данных территорий.

К концу стихотворения пространственные отношения приобретают контрастный характер: пространство Севера противопоставляется городу (Санкт-Петербургу).

Когда ж на берега великой,
На берега моей Невы,
Покинув край морозов дикой,
Стрелою полетите вы,
Да встретят путницу родные
Беспечной юности друзья,
И все по сердцу не чужие.

При противопоставлении выстраивается отрицательная коннотация образа Севера: на «берегах великой Невы» именинницу окружают люди «по сердцу не чужие», а Север,

следовательно, представлен людьми чуждыми, является «краем морозов дикой». При этом посвящение имениннице ближе к концу сильнее начинает приобретать ироничные черты:

Зачем же, искра упования –
 Дожить до сладкого свиданья, –
 В груди моей погасла ты!
 Но я ступил из-за черты
 Сорокаверстного посланья.
 И мне, и вам унять пора
 Болтливость моего пера,
 <...>
 Тут не сплетал из лести кружев
 Ваш всепокорнейший слуга
 (Пустынник Александр Бестужев).

Лирический герой в лице автора хоть и посвятил адресату полное похвальбы стихотворение, но при этом, похоже, относится не слишком серьезно к ней и к ее окружению. В таком случае хронотопическая категория «зимной» в авторском исполнении приобретает ироническую коннотацию.

Очередное пейзажное стихотворение поэта облачено в привычную для него форму посвящения: «К облаку» (1829 г.). Стихотворение уделяет внимание пространству воздушному, аморфному («Скиталец поднебесный? // Земли бездомное дитя, // Игналище погоды»), но оттого не менее несвободному: в стихотворении вновь проявляется мотив неволи как основной лейтмотив лирики поэта. Как и в «Шебуте», автор отмечает фаталистичность судьбы и неизменность всего сущего через призму природных явлений:

Завоет вихрь, взметая прах,
 И ты из лона звездна
 Дождем растаешь на степях
 Бесславно, бесполезно!..

Случаи аллитерации («Бесславно, бесполезно!.. // Блести, лети») предвещают трагическую развязку. В лингвистической поэтике однозначно подтверждается, что звуковые повторы в стихе создают не только драматическое психологическое напряжение, но и способствуют возникновению сценического напряжения [8, с. 248]. Что мы и наблюдаем в конце стихотворения:

Блести, лети на ветерке
 Подобно нашей доле –
 И я погибну вдалеке
 От родины и воли!

Основной хронотоп в стихотворении подается лишь под конец стихотворения. Причем сделано это автором в опосредованной манере – Север превращается в пространство чужеземья и неволи, поскольку противопоставляется концепту «родина и воля». Но если в стихотворении «В день именин» (1829 г.) подобного рода противопоставление демпингуется (нивелируется) общей ироничной тональностью, то в данном стихотворении противопоставление окрашено в трагичные оттенки – ведущий мотив неволи снова сочетается с пространством Севера.

Обращает на себя внимание и образ облака. В исследовании В. И. Абрамовой и Ю. В. Архангельской отмечено, что облако в одной из своих интерпретаций выступает как квазисимвол ирреального пространства [9, с. 4]. Так что, можно сказать, что поэт последовательно переносит из одного стихотворения в другое интерпретацию северного

пространства как места потустороннего. В подтверждение данного тезиса говорит и слабая позиция категории времени в стихотворениях поэта, поскольку пространство ирреальное предполагает отсутствие привычных нашему миру законов физики.

Заключение

Автор вырисовывает северный топос с помощью лаконичных метономичных штрихов, делая акцент на пространстве перцептуальном, которое формируется при слиянии пространства действительности с интроспекцией. Причем в лирике автора наблюдается развитие рассмотрения образа Якутии: к примеру, если в «Надписи над могилой Михалевых в якутском монастыре» (1828 г.) в основном доминируют метафорические и метонимические конструкции, то в «Шебутуе» (1829 г.), в одном из последних стихотворений якутской ссылки автора, уже появляются авторские слова. Часто пространство действительности в творчестве поэта имеет отрицательную коннотацию, выражающуюся в ограниченности и неволе. В совокупности с творчеством других ссыльных авторов А. А. Бестужев-Марлинский формирует атрибуцию Сибири как «инфернального места», которая долгое время будет доминировать внутри сибирского дискурса. Между тем А. А. Бестужева-Марлинского можно назвать одним из первых поэтов, который углубил мифологическую интерпретацию северного пространства: «чужие» пейзажи Якутии перекликаются с внутренними картинками лирических героев, чувствующих свою фактическую неволю на фоне бескрайних пространств сибирского края. Подобное отношение к топосу Сибири в общем и топосу Якутии в частности неразрывно связано с биографией самого поэта, для которого ссылка в далекий край стала фактически символом неволи (при всей парадоксальности отношений между колоссальными территориями Сибири и категорией «неволя»). Общее фаталистическое настроение передается от стихотворения к стихотворению: лирические герои ненароком превращаются в узников обширных пространств. Таким образом, можно сказать, что поэтика пространственного образа Севера в лирике А. А. Бестужева-Марлинского обнаруживает глубинную семантику «чужого места» и мыслится местом обретения духовного опыта.

Л и т е р а т у р а

1. Емельянов, И. С. Русско-якутские литературные связи в прозе (конец XIX – начало XX в.) / И. С. Емельянов. – Новосибирск : Наука, 2001. – 111 с.
2. История якутской литературы (середина XIX–начало XX века) / Н. Н. Тобуроков, Г. С. Сыромятников, Н. А. Габышев, М. Г. Михайлова. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1993. – 196 с.
3. Иванова, О. И. Концепт «Якутия» в произведениях А. А. Бестужева-Марлинского / О. И. Иванова // Образование и наука в современных условиях. – 2015. – № 1 (2). – С. 244–245.
4. Люсый, А. П. Локализация триалектики сибирская идея, сибирский прием, сибирский текст / А. П. Люсый // Идеи и идеалы. – 2011. – № 3 (9). – С. 17–26.
5. Политов, А. В. Онтологический смысл понятия хронотопа в философских идеях А. Ухтомского и М. Бахтина / А. В. Политов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 50–61.
6. Гаспаров, М. Л. Владимир Маяковский / М. Л. Гаспаров // Очерки истории языка русской поэзии XX века : Опыт описания идиостилей. – Москва : Наследие, 1995. – С. 363–395.
7. Данилова, Н. К. «Воображение Севера» в авторском ландшафте В. Л. Серошевского / Н. К. Данилова // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 6. – С. 288–301.
8. Сулейманов, Ю. А. Аллитерация в поэтической системе речи / Ю. А. Сулейманов // Вестник Нижегородского университета им. Н. А. Лобачевского. – 2019. – № 6. – С. 247–252.
9. Абрамова, В. И. Облако в символической культуре / В. И. Абрамова, Ю. В. Архангельская // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2020. – № 4 (29). – С. 1–6.

References

1. Emel'yanov, I. S. Russko-yakutskie literaturnye svyazi v proze (konec XIX – nachalo XX v.) / I. S. Emel'yanov. – Novosibirsk : Nauka, 2001. – 111 s.
2. Istoriya yakutskoj literatury (seredina XIX–nachalo XX veka) / N. N. Toburokov, G. S. Syromyatnikov, N. A. Gabyshev, M. G. Mihajlova. – Yakutsk : YANC SO RAN, 1993. – 196 s.
3. Ivanova, O. I. Koncept «Yakutiya» v proizvedeniyah A. A. Bestuzheva-Marlinskogo / O. I. Ivanova // Obrazovanie i nauka v sovremennyh usloviyah. – 2015. – № 1(2). – S. 244–245.
4. Lyusyj, A. P. Lokalizaciya trialektiki sibirskaya ideya, sibirskij priem, sibirskij tekst / A. P. Lyusyj // Idei i idealy. – 2011. – № 3(9). – S. 17–26.
5. Politov, A. V. Ontologicheskij smysl ponyatiya hronotopa v filosofskih ideyah A. Uhtomskogo i M. Bahtina / A. V. Politov // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. – 2014. – T. 14. – Vyp. 4. – S. 50–61.
6. Gasparov, M. L. Vladimir Mayakovskij / M. L. Gasparov // Oчерки istorii yazyka russkoj poezii XX veka : Opyty opisaniya idiosilej. – Moskva : Nasledie, 1995. – S. 363–395.
7. Danilova, N. K. «Voobrazhenie Severa» v avtorskom landshafte V. L. Seroshevskogo / N. K. Danilova // Nauchnyj dialog. – 2022. – T. 11. – № 6. – S. 288–301.
8. Sulejmanov, Yu. A. Alliteraciya v poeticheskoy sisteme rechi / Yu. A. Sulejmanov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. A. Lobachevskogo. – 2019. – № 6. – S. 247–252.
9. Abramova, V. I. Oblako v simbolarii russkoj kul'tury / V. I. Abramova, Yu. V. Arhangel'skaya // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo. – 2020. – № 4 (29). – S. 1–6.

ОЩЕПКОВА Анна Игоревна – к. филол. н., доцент зав. кафедрой русской литературы XX века и теории литературы филологического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

Email: oshchepkova.anna@mail.ru

OSHCHEPKOVA Anna Igorevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of 20th Century Russian Literature and Theory of Literature, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

МОНАСТЫРЕВ Тимур Степанович – магистрант филологического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

Email: timtortless@gmail.com

MONASTYREV Timur Stepanovich – Master's student, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 821.512.31-3Карнышев.09

DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-42-51

Концепт *семья* как ключевой концепт художественного мира К. Г. Карнышева

Т. В. Шагдарова¹ ✉, О. П. Хромых²

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, филиал в г. Мирном,
г. Мирный, Россия

²г. Улан-Удэ, Россия.

✉ tuyanash.21@mail.ru

Аннотация. Наибольший интерес для современных гуманитарных исследований представляют концепты, которые понимаются как структурные единицы человеческого сознания, хранящие совокупность знаний, прежде всего о явлениях окружающего мира, сопровождающих человека с глубокой древности и являющихся частью национальной культуры. То есть это многокомпонентная ментальная сущность, которая является результатом отражения реального мира в сознании человека в контексте этно- и социокультурной специфики. Целью работы является изучение особенностей художественного воплощения первичного концепта *семья* в прозе К. Г. Карнышева. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) рассмотрение понятия «концепт» в гуманитарных науках; 2) изучение реализации концепта *семья* в русской литературе XX века; 3) определение составляющих базового концепта *семья*; 4) исследование концептуализации семейных отношений в прозе К. Карнышева; 5) анализ центрального вторичного концепта *дом*; 6) выявление особенностей воплощения вторичного концепта *род*. Процедура и методы. В работе использованы проблемно-тематический (анализ тематики и проблематики произведений писателя с учетом особенностей их миропонимания), историко-литературный (исследование творчества писателя в контексте исторического процесса), концептуально-культурологический методы. Результаты. Проведенный анализ показал, что «*семья*» в прозе К. Г. Карнышева – это основа жизни человека, именно в семье определяется система ценностей и жизненных установок. Рассматривая межличностные отношения в семье, автор с горечью говорит об утрате родственной духовной связи между близкими людьми. Стираются рамки, уничтожаются стереотипы – разрушается традиционное понятие семьи. Но для К. Карнышева по-прежнему именно семья является необходимым условием формирования личности человека; в семье закладываются нравственные основы. Теоретическая и/или практическая значимость. Творчество К. Карнышева дает богатый материал для изучения истории, культуры и быта региона. Темы и проблемы, которые автор решает в своих произведениях, остаются актуальными и интересными, так как литература – это отражение жизни.

Ключевые слова: К. Г. Карнышев, культура, концепт, межличностные отношения, человек, семья, роль матери, основа жизни, ценности, установки.

Для цитирования: Шагдарова Т. В., Хромых О. П. Концепт *семья* как ключевой концепт художественного мира К. Г. Карнышева. Вопросы национальных литератур. 2023, № 4 (12). С. 42–51. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-4-42-51

The concept of *family* as a key concept of the artistic world of K. G. Karnyshev

T. V. Shagdarova¹ ✉, O. P. Khromykh²

¹M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Mirny branch, Mirny, Russia

²Ulan-Ude, Russia

✉ tuyanash.21@mail.ru

Abstract. The concepts that are understood as structural units of human consciousness that store a set of knowledge, primarily about the phenomena of the surrounding world that have accompanied a person since ancient times and are part of the national culture, are of the greatest interest for modern humanitarian research. That is, it is a multicomponent mental entity, which is the result of reflecting the real world in a person's consciousness in the context of ethno- and socio-cultural specifics. The aim of the work is to study the features of the artistic embodiment of the primary concept of family in the prose of K. G. Karnyshev. The aim of the work is to study the features of the artistic embodiment of the primary concept of family in the prose of K. G. Karnyshev. Achieving this goal involves solving the following tasks: 1) consideration of the concept of "concept" in the humanities; 2) study of the implementation of the concept of family in the Russian literature of the 20th century; 3) definition of the components of the basic concept of family; 4) study of the conceptualization of family relations in the prose of K. Karnyshev; 5) analysis of the central secondary concept of the house; 6) identification of the features of the embodiment of the secondary concept of the genus. Procedure and methods. The paper uses problem-thematic (analysis of the themes and issues of the writer's works, taking into account the peculiarities of their worldview), historical and literary (the study of the writer's creativity in the context of the historical process), conceptual and cultural methods. Results. The analysis showed that the "Family" in K. G. Karnyshev's prose is the basis of human life, it is in the family that the system of values and life attitudes is determined. Considering interpersonal relationships in the family, the author speaks bitterly about the loss of a kindred spiritual connection between close people. Frames are being erased, stereotypes are being destroyed – the traditional concept of family is being destroyed. But for K. Karnyshev, it is still the family that is a necessary condition for the formation of a person's personality; moral foundations are laid in the family. Research implications. The work of K. Karnyshev provides rich material for studying the history, culture and life of the region. The themes and problems that the author solves in his works remain relevant and interesting, since literature is a reflection of life.

Keywords: K. G. Karnyshev, culture, concept, interpersonal relations, person, family, mother's role, basis of life, values, attitudes.

For citation: Shagdarova T. V., Khromykh. O. P. The concept of *family* as a key concept of the artistic world of K. G. Karnyshev. Issues of National Literature. 2023. No. 4 (12). Pp.42–51. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-4-42-51

Введение

Наибольший интерес для современных гуманитарных исследований представляют концепты, которые понимаются как структурные единицы человеческого сознания, хранящие совокупность знаний, прежде всего о явлениях окружающего мира, сопровождающих человека с глубокой древности и являющихся частью национальной культуры. То есть это многокомпонентная ментальная сущность, которая является результатом отражения реального мира в сознании человека в контексте этно- и социокультурной специфики [1].

Понятие *концепт* активно используется в различных гуманитарных науках. Изучением концепта занимаются и лингвисты (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия и др.), и литературоведы (С. А. Аскольдов, Ю. М. Лотман, В. Г. Зусман, Д. С. Лихачев, Л. В. Миллер, О. В. Беспалова, В. В. Башкеева, С. С. Имихелова и др.).

Концепты в литературе (художественные концепты) отражают не только особенности менталитета нации или этноса, в них сочетаются особенности мировоззрения писателя, а также индивидуальные ассоциации каждого читателя, они диалогичны, поскольку связаны с множеством одновременно значимых точек зрения [2].

К базовым концептам русской культуры принято относить следующие: *время, пространство, родина, судьба, воля, доля, грех, закон, свобода, истина, ложь, добро, зло, любовь, семья и др.*

Одним из важнейших в национальной, языковой и художественной картинах мира многих народов является концепт *семья*. В семье усваиваются основные социальные знания, приобретаются нравственные умения и навыки, закладываются определенные ценности и идеалы, формируются обычаи и традиции – все, без чего невозможна жизнь человека [3].

Семья соотносится с важными сферами человеческой жизни: хозяйственной, экономической, культурно-духовной, воспитательной, психологической, эмоциональной.

Концепт *семья* находится в неразрывной связи с такими концептами, как *дом, род*, выступающими в качестве центральных вторичных концептов. В региональной литературе эти ассоциации сохраняются, дополняясь новыми смыслами.

Изучение концептов позволяет раскрыть национальную специфику их воплощения, познать творческий мир художника слова, поэтому особый интерес представляет изучение творчества писателей Бурятии.

Один из ярких представителей литературы Бурятии К. Г. Карнышев создал много интересных произведений: повести в рассказах «Сугробы» (1972), «Странствия Горбоносого» (1974), «На Бакланьем» (1976), «Картофельные лепешки» (1976), «Сокровенные желания» (1986), «Коромыслов» (1986), «Тонкий стебелек» (1986), «Злое время» (1991), «Долгие вьюги» (2002), повести «Кедрюля» (2002), «Чудодей» (2002), циклы рассказов «Осенняя погода» (1986), «Отчее заселье» (2002), «На скрещении дорог» (2002), цикл миниатюр «Россыпи» (1986; 2002) и др. [4].

Творчество К. Г. Карнышева отражает самобытный уклад жизни деревни, решает важнейшие вопросы нравственности. В его произведениях воплощены почти все базовые концепты русской культуры, но особое внимание уделяется концепту *семья*.

Творчество писателя в различных аспектах рассмотрено в «Истории бурятской литературы» (под ред. С. М. Тулохонова), работах А. Б. Соктоева, А. К. Паликовой, Г. Ц. Бадугеевой, М. Д. Данчиновой, Ю. Чойнжуровой и др. Большой вклад в изучение художественного мира К. Карнышева внесла А. К. Паликова. Исследователь рассмотрела основные темы, мотивы, концепты в прозе писателя, в том числе концепт *семья* (на примере повестей «Долгие вьюги», «Отчее заселье»). Несмотря на имеющиеся труды, освещающие творчество К. Карнышева с отдельных сторон, монографического исследования не существует.

Актуальность работы обусловлена тем, что 2022 год был объявлен Годом культурного наследия народов России, а также возросшим интересом к концептуальному подходу в интерпретации художественных произведений. Кроме того, тема семьи всегда была и остается актуальной.

Концептуализация семейных отношений в прозе К. Карнышева

Межличностные отношения являются важным аспектом для понимания первичного концепта *семья*. В окружении семьи происходят знакомство ребенка с миром и усвоение норм. Поэтому интересным представляется рассмотрение воплощения внутрисемейных отношений в произведениях К. Карнышева.

Муж и жена, не являясь кровными родственниками, образуют союз, который представлял и представляет собой основу семейно-брачных отношений, в структуру которых вплетаются хозяйственно-экономические связи: семья – это единое хозяйство [5]. В творчестве К. Карнышева семья объединяется условиями жизни и труда. Семья необходима в жизни каждого человека, это продиктовано неприятием одиночества, потребностью любви, заботы, пониманием того, что в семье всегда примут и простят, любят и ждут. С течением времени структура отношений между членами семьи подвергалась модификациям, что находит отражение в творчестве К. Карнышева.

В ранних произведениях писателя сохраняются установки традиционной патриархальной семьи. Менталитет русского народа предполагает склонность к большой семье, тесным родственным узам, общинности, соборности.

Деревенские жители знали, что такое соборность, общая помощь в беде и горе, в счастье и радости. Дух соборности проявлялся на рыбалке и на сенокосе, на уборке и обмолоте хлеба, в обычных будничных делах. Всем миром помогали друг другу, всем миром помогали сирым и убогим.

В повести в рассказах «Сугробы» изображена большая семья: сам герой-повествователь, мать, отец, сестра, бабушка, дедушка, брат Сима, тетка Авдотья, тетка Манефа и дядя Парфен, тетка Ульяна и дядя Антон, тетка Пелагея и дядя Демид, объединенная вертикально (между поколениями) и горизонтально (между детьми одних родителей). В ее состав входят не только те, кто постоянно проживает рядом, но и все другие многочисленные родственники, независимо от того, как далеко они находятся. В повести «На Бакланьем», в которой автор также воссоздает знакомый ему до мелочей деревенский уклад жизни, семья расширяется включением не только родных по крови, но и крестной – тетки Манефы. При изображении большой семьи К. Карнышев близок В. Астафьеву.

Писатель подчеркивает близость родственных отношений: «Раз в неделю бабушка делала обходы своих сыновей»; «Сообщение между нашим домом и дядиным шло через огород. После вспашки весной сразу же ложилась жгутом тропа на нем. Она вытаптывалась настолько прочно, что лоснилась твердой серой коркой» [1, с. 72]. Горе и радость в такой семье делится со всеми родственниками: «Сестра Шурка сразу же кинулась оповещать родственников о моем прибытии» [4, с. 105].

Примечательно, что в «Последнем поклоне» чувства и эмоции выражены открыто: «Бабушка прекратила причитания, прижала меня к себе и перекрестила»; «бабушка погладила меня по голове»; «Ой, бабонька! – от полноты чувств я обнял ее за шею и пободал головою»; «Ну, што ты? Што ты? – успокаивал меня дед, обирая большой рукой слезы с моего лица» [4, с. 59, 87]. В повестях в рассказах К. Карнышева о чувствах героев можно догадаться лишь по деталям: «Вечером я сваливался на постель без ужина. Мама будила меня, а передо мной плыла прорезь дороги в снегу, лез в глаза березняк, пни. – Не трогай его, – говорил тятя» («Сугробы»); «Замерз? – спрашивает меня тятя. – Потерпи, немного осталось ждать, скоро весна нагрянет» («На Бакланьем») [4, с. 237].

В повестях в рассказах «Сугробы» и «На Бакланьем» показан тип патриархальной семьи, где авторитет отца был непререкаем. Образ отца в указанных повестях решен по-разному. В «Сугробах» это заботливый глава семьи. Для Кости он пример для подражания. По дороге в город мальчик увидел отца, командующего солдатами: «Сбоку вышагивал тятя. Голова у него вздернута, кепка подрагивает. Сам впечатывает ступни в траву, губы сжаты», и его охватывает гордость, желание соответствовать. В повести «На Бакланьем» также сын любит отца: «Х-хэк-хэк, – выдыхает тятя свою силу <...>. Снимает фуфайку, пиджак, остается в рубаше, а и та широко развалена» [4, с. 373]. Но это отношение не проявляется открыто из-за суровости отца: «А при тятя дом, как будто умирает. Мы ходим пугливые, настороженные, мама разговаривает боязливо-ласково со мной и тятей, зовет его «Карпентий Романович», иногда «отец» («На Бакланьем»)

[4, с. 370]. Наблюдательный Егорка замечает основательность, хозяйственность главы семьи: «Приезжает откуда – в дом не зайдет, сначала осматривает ограду: хорошо ли она убрана, прометена; в стаю заглянет: не залежалось ли там чего от коровы». И сам он с малых лет приучен к труду: «как только поднимаюсь утром, уже начинаю думать о своих обязанностях <...> мне неохота сидеть просто так на нарах. Да как же я сделаюсь лежебокой?!» [4, с. 368, 383].

Но герой повести «На Бакланьем» вспоминает и об издержках патриархальной семьи. Главенствующая роль мужчины в семье, которая с древнейших времен противопоставлена подчинительной роли женщины, подтверждается отношениями отца и матери: «а в другое время он кричит на маму: «Гадовка, стерва! У-у-у!». Совсем недавно она полумертвая лежала у порога. Тятя расстегивал ей грудь, лил воду, звал»; «Сколько я буду говорить, сколько...», – обсекает он её всхлипы» [4, с. 365, 373].

В произведениях К. Карнышева, во многом автобиографичных, особая роль отведена женщине, на которой держатся дом, семья – главная опора в жизни. Писатель создает полноценные женские образы, настроенные на красоту, на семейное счастье и благополучие: мама, бабушка, крестная, тетка Нюра, сестра Шура.

Мать – близкий и понимающий человек: «Я понимаю, что все мое сегодняшнее зло мамой прощено». В разлуке с ней у героя «...сразу заскобило и засосало в груди. Сразу же явились дом и мама» [4, с. 381].

Жизнь женщин – бесконечная череда испытаний страданием: голод, непосильный труд, материальные лишения, болезни. Безграничным терпением, выносливостью обладала деревенская женщина, сохраняя сердечную теплоту, отзывчивость, добросердечие по отношению к родным, соседям и односельчанам.

И в «Сугробах», и в «На Бакланьем» матери героев показаны в каждодневном домашнем труде: «С вечера мама колдовала над тестом»; «Мама пришла после утренней дойки, процеживала молоко через подойник»; «Мама завалена работой. Одна мастерица-великомученица на всю нашу большую деревню» («Сугробы») [4, с. 75, 148].

Маленькие герои Карнышева тесно связаны с матерью. Они стараются помочь ей, с малых лет начинают трудиться. Отправляясь на работу в рыболовецкую бригаду, герой рассказа «Белые паруса» думает о том, что хотя бы ненадолго облегчит мамин переживания: «Свою двухсотграммовую карточку я могу оставить дома, а мы с Симой проживем на его паек. Для мамы много значило избавление, хотя и на непродолжительное время, от лишнего рта» [6, с. 64]. Желание помочь матери, оставшейся дома, вселяет в героя уверенность: «Да что меня остановит! Нет теперь такой силы» [6, с. 64].

Важность роли матери в жизни героев К. Карнышева подчеркнута в «Сугробах». Беззаботная жизнь главного героя Кости («безжалостно короток век у счастья») делится на две части – до и после смерти мамы: «И я все понял. Понял, что в нашей жизни произошла беда, и вечной раной она будет глядеть в мою душу: умерла мама»; «Раньше при маме мы не задумывались об этом» [4, с. 195].

В ранних произведениях К. Карнышева показаны также отношения братьев и сестер: в повести «Сугробы» – Кости и его сестры Шурки, на плечи которой легли все домашние заботы, а в рассказе «Белые паруса» – братьев Егора и Симы, поддерживающих и заботящихся друг о друге. Дети, воспитанные в деревенской семье, принимают традиционную модель поведения: после смерти матери ведением домашнего хозяйства занимается дочь; в отсутствие отца заботу о младшем брате берет на себя старший.

К. Карнышев показывает не только патриархальный тип семьи, где, согласно традиционной системе организации семейных отношений, мужчина занимал главенствующее положение в семье. В повести «На Бакланьем» изображена семья крестной Егорки – тетки Хартиньи, где главой семьи является женщина: «Степан, капуста-то нарубил, наточил ли нож? <...> Дядя Степан убежал с ведром куда-то, сделав, спрашивал: «Еще что, Хартинья?» [4, с. 347]. Такое представление семьи является

открытием для героя. *Семья* претерпевает изменения, связанные с разделением обязанностей и распределением функций в семье.

Концепт *семья* в прозе К. Карнышева представлен не только деревенской, но и городской семьей. Если первый тип показан как большая семья, неустанно расширяющаяся, то второй тип писатель сужает до треугольника: муж – жена – ребенок. Возможно, в связи с этим в центре внимания оказываются межличностные отношения в семье, дающие новый поворот в интерпретации анализируемого концепта (повести «Коромыслов», «Тонкий стебелек»).

Жизнь меняется, вместе с ней меняются традиции, ломаются стереотипы, что не ускользнуло от внимательного взгляда К. Карнышева. В более поздних повестях и рассказах он пытается найти ответы на важнейшие проблемы современности, в том числе важные для понимания концепта *семья* фактический распад связей между разными поколениями (повзрослевшие дети стараются жить отдельно друг от друга и от родителей), сужение семьи до треугольника: муж – жена – маленькие дети.

В повестях «Коромыслов» и «Тонкий стебелек» анализируются отношения между мужем и женой, ребенком и родителями. Если в ранних произведениях семья предстает как *род* и охватывает широкий круг родственников, то в поздних книгах изображается отдельная, обособившаяся семья, в состав которой входят отец, мать и ребенок, что свидетельствует об утрате родового единства. Кроме того, при реализации концепта *семья* автор основное внимание уделяет психологизации семейных отношений.

Повесть «Коромыслов» состоит из 9 глав-рассказов: «Цветение», «Воспоминание», «Первые испытания», «Остудные дни», «Нерпичьи глаза», «Сильно и неостановимо», «День, который не похож на другие», «Перемена», «Воскрешение». Названия глав показывают, как осуществляется переход героя от счастья к несчастью и от несчастья к счастью (начало – испытания – безрадостные дни – перемена – воскрешение, то есть возвращение к самому себе, выход из кризиса), который обусловлен неумением решать сложные профессиональные задачи, семейные ситуации, общаться с людьми.

Название каждой главы характеризует новый этап жизни героев. Внимание писателя привлекают изменения в отношениях героя и его жены. Коромыслов пытается понять, почему их с Варей взаимоотношения превратились в «скрытую войну»: «Коромыслов недоумевал: куда же все подевалось?» [6, с. 206]. К. Карнышев психологически точно показывает, как возникает ревность к сыну: «Конечно, это из-за Ромки Варя вдруг так к нему переменялась» [6, с. 217].

Герой не был внутренне подготовлен к семейной жизни, к проблемам быта. Название рассказа – «Первые испытания» – подчеркивает неготовность Коромысова к появлению в их с Варей союзе ребенка.

Отчужденность мужа и жены сказывается на сыне: «Ромка ткнулся в бок ему (Коромыслову – О.Х.) головой <...>. Припомнив свои обиды, Коромыслов недовольно отстранил Ромку. Тот, надувшись, прижался к стене» [6, с. 204]. Но надежда на мир в семье и сближение с женой и сыном не оставляют героя: «Коромыслов посидел еще возле спящего сына, уже мечтая о том, как будет его ждать дома <...>. По лестнице сын спустится вниз, увидит Коромысова, обрадуется, разбросит руки и кинется к нему. И первый раз в жизни, может быть, они по-настоящему обнимутся» [6, с. 218]. Надежда на восстановление мира в семье не угасает в герое. Преодолевая препятствие, Коромыслов пытается по-новому взглянуть на окружающий мир, на людей и изменить свое поведение, тем самым восстановить гармоничное, позитивное отношение в семье.

Тема надлома в отношениях близких людей продолжается в миниатюре «Сломанный ствол» из цикла «Россыпи», где показано разрушение единства и понимания в благополучной прежде семье («В ладу и согласии шла наша жизнь с мужем»): «совсем не замечала, как в нашей жизни с мужем что-то уже надламывалось, и вот – вот судьба моя должна была круто измениться». В отличие от «Коромысова» ощущение безнадежности и разочарования слышится в голосе героини.

В повести «Тонкий стебелек», во многом автобиографичной, концепт *семья* реализован через отношения отца и дочери. Городской материал, легший в основу произведения, дает и другой поворот воплощения концепта *семья*.

Как и «Коромыслов», повесть «Тонкий стебелек» состоит из отдельных частей. Это 14 глав-рассказов: «Полюса страстей», «Несмолкаемые крики», «Скажи мне, скажи!», «На весенних полянах», «Плачут ли деревья?», «Волшебный комарик», «Человеческий промысел», «Сложное жонглирование», «Милая ты моя», «Противостояние», «Люблю и желаю», «Устройство души», «Женские секреты». В названиях некоторых глав: «Полюса страстей», «Скажи мне, скажи!», «Противостояние» – отражены отношения между близкими людьми.

По мнению А. К. Паликовой, основное внимание в повествовании уделено девочке, ее взрослению, стремлению к самостоятельности, желанию освободиться от излишней отцовской опеки. Она размышляет о природных явлениях, жаждет получить ответ на возникающие вопросы. «Скажи мне, скажи!», «Плачут ли деревья?», «Волшебный комарик», «Устройство души», «Женские секреты» – в этих заголовках автор показывает движение мысли познающего человека, решает серьезные нравственные задачи воспитания ребенка, вступающего в жизнь. Само название повести «Тонкий стебелек» подчеркивает хрупкость детского организма, детской души, требующей деликатного, внимательного отношения [1, с. 92].

Соглашаясь с данной оценкой, отметим важность отношений отца и дочери в рамках анализа концепта *семья*. Интересно, что у Карнышева впервые появляются подобные отношения, так как в ранних повестях писатель обращался к отношениям отца и сына, матери и сына, сложившимся в патриархальной деревенской семье. Примечательно и то, что в тексте произведения ни разу не указано имя девочки – дочери главного героя.

В городской семье предстают совершенно иной уклад жизни, иное распределение обязанностей, иные отношения. Для героя повести, как и для отца из миниатюры «На горе стоит избушка...», дочь становится центром жизни. С ее вхождением в мир ребенка связаны и отцовская боль, и терпение, и обиды, и радости. Девочка растет (в начале повести ей пять лет, а в конце она уже школьница), окруженная заботой, вниманием, нежностью. Вторичными периферийными концептами выступают *забота, любовь, опека*: «Мы долго договариваемся сегодня с дочерью, сколько она будет гулять, где и с кем» [6, с. 235]. Иногда они принимают гипертрофированный характер: отец стремится всегда держать дочь рядом с собой. Хотя он понимает, что с взрослением девочки духовная связь будет утрачиваться: «Неотвратимо, шаг за шагом будет дочь отдаляться от меня, как бы я не сопротивлялся этому» [6, с. 253]. В миниатюре «На горе стоит избушка...» опека и забота родителей вызывают у дочери недовольство и неприязнь: «Вот и получилась она строптивницей, не желающей никакой родительской опеки над собой – своевольница, каких не сыщешь» [4, с. 329].

Писателя волнует и утрата родовой связи: «Известие о смерти дедушки, вопреки нашим ожиданиям, дочь встретила спокойно, не набежало на ее лицо ни грусти, ни печали. А ведь родной дедушка умер! Меня крепко задело её равнодушие» [6, с. 240]. Смерть родного человека не вызывает в девочке ощущения безвозвратной потери чего-то важного в жизни, она даже не расстроена этим известием: «О нем-то (дедушке – О. Х.) я все равно нареву, когда приеду туда. А сейчас мне неохота. Лучше отпусти меня на улицу, я хочу погулять» [6, с. 241]. И то, что она заставляет во дворе плакать других детей «по дедушке», заставляет задуматься героя.

Но писатель показывает и другой вариант межпоколенческих отношений в миниатюре «На горе стоит избушка...» – девочка с нетерпением ждет свою бабушку.

Ситуация, схожая с эпизодом из «Тонкого стебелька», изображена в миниатюре «Поминальный день» – девочки приходят на кладбище, где покоятся их «родичи», но никакого сожаления, боли утраты не испытывают: «А у меня они (слезы – О. Х.) есть?

Стараться надо. Думаешь, мои слезы настоящие? Как бы не так. Я же глаза слюнями обмазала» [6, с. 392]. В детях не воспитываются уважение и почитание старших и тех, кого уже нет в живых, молчит внутренний голос: «А ведь Анастасия возникла от тех, кто сейчас лежал в этой земле. Не было бы их, не было бы и ее. Дедушка и бабушка ее покоились на этом кладбище, а душа ее молчала» [4, с. 14]. И только спустя многие годы приходит осознание потери и печали: «Ровно сорок лет назад это было <...>. Сейчас Анастасия стоит на том же самом месте. Сердце у нее сжимается от тоски и боли» [6, с. 393].

В повести «Тонкий стебелек» показаны отличные от традиционных отношений взаимосвязи между детьми и родителями. Если в патриархальной семье родители являются авторитетом для детей, часто их мнения и оценки непререкаемы, то в анализируемых произведениях 1986 г. дети становятся равными родителям: «И обрадованно затараторила: – Взрослая, взрослая! А ты маленький <...> вот тэкочий, – приподняла она над ладонью <...> Незавидные, значит мои дела. Вон куда она меня опустила» («Тонкий стебелек») [6, с. 253]; «Лиссия смотрела на своих родителей, словно это мы и есть её неразумные дети, а она – всё изведавшая, всё познавшая» («На горе стоит избушка...») [4, с. 330].

О взаимоотношениях родителей в «Тонком стебельке» почти ничего не говорится, но приводятся слова дочери («Ты недавно маме жаловался: «Калерия, как мне жить дальше, научи меня, научи, <...> измучился я, больше не могу так»), по которым можно понять, что герою важен совет близкого человека. Совершенно по-другому ведет себя герой повести «На Бакланьем»: «В маме он видит противницу своих затей <...>. Не верит тятя маме» [4, с. 376]. В «городской» семье уравниваются родители и дети, муж и жена.

В повести «Кедроля» первичный концепт *семья* наполняется новым содержанием и рассмотрен через отношения женщины и мужчины. Основой взаимоотношений становятся *любовь, забота, нежность, преклонение, обожествление*. Женщина предстает объектом восхищения и обожания: «море без Калерии не море, я не видел и не чувствовал его. Мне нужны были её восторженные, сияющие глаза, вскиды трепещущих тонких рук» [6, с. 12]. Георгий готов всё сделать для счастья любимой женщины: «И соединился-то я с Калерией, чтобы не омрачалось её существование. Создана она только для радости»; «Ах, если бы до конца жизни ничем не омрачалось её лицо» [6, с. 8, 32]. Он считает себя не достойным ее: «Но как мне надо много дотягиваться до Калерии, подправлять тело и душу, чтобы чуть-чуть уравниваться с нею, даже не уравниваться, а лишь немножко приблизиться» [6, с. 27]. Их отношения можно назвать идеальными – между героями установились понимание, любовь и уважение.

Автор чутко отзывается на изменения, внесенные современной жизнью, так в повести отражается ставшее популярным в последнее время понятие «гражданский брак». Хотя официально Георгий и Калерия не были мужем и женой, концепт *семья* реализован через духовную близость и понимание.

Концепт *семья* в прозе К. Г. Карнышева раскрывается с разных, иногда и прямо противоположных сторон. Вторичными концептами в анализируемых повестях являются *род, дом, труд, уважение, любовь, мать, опека, забота, нежность, преклонение, обожествление*. Для писателя семья – это не только радости и праздники, не только отец и мать. Это тяжелая повседневная трудовая жизнь со сложными отношениями. Невозможна семья без строгости и дисциплины, без трудолюбия и послушания, но и без любви, понимания и заботы.

Концепт *семья* претерпевает изменения – меняются отношения детей и родителей, мужчины и женщины; меняется само отношение к семье. И писатель ничего не оставляет без внимания. В его повестях можно найти ответы на многие современные вопросы. Это удивительный мир, с одной стороны, близкий и повседневный, с другой, новый и необычный.

Семья у К. Карнышева предстает и как незыблемая ценность с твердыми устоями и порядками («На Бакланьем», «Сугробы», «Отчее заселье»), и как место одиночества и отчужденности главного героя («Коромыслов»).

Для понимания первичного концепта *семья* в прозе К. Карнышева важную роль играют вторичные концепты *родной дом*, *род (родова)*, *отношения в семье* с учетом современной автору действительности. Писатель представляет как традиционную патриархальную семью, так и современную городскую семью. Тенденция единства между людьми с течением времени утрачивается, что отражается и на внутрисемейных отношениях. *Семья* предстает как *род*, объединяющий поколения (вертикальное и горизонтальное), в более поздних произведениях идея единства кровных родственников утрачивается: «упоминает всех усопших большой своей родовой, отростья которой, разошедшиеся по нескольким окрестным деревням, за родичей себя как будто уже не считали» («Богова душа») [6, с. 368].

Центром объединения семьи становится *дом*. Концепт *дом* у К. Карнышева расширяется, ассоциируясь с родной землей, родной деревней, родиной. Важное место в доме как строении уделено русской печке, которая становится центром семейной жизни. Противопоставляя родной дом «чужому» пространству, герои находят защиту под его крышей.

Рассматривая межличностные отношения в семье, автор с горечью говорит об утрате родственной духовной связи между близкими людьми. Стираются рамки, уничтожаются стереотипы – разрушается традиционное понятие семьи. Но для К. Карнышева по-прежнему именно семья является необходимым условием формирования личности человека; в семье закладываются нравственные основы.

Крепкие семейные узы, подобные крепкой ограде, связывающие воедино, «в один узел», все родовое подворье, представляют собой домашний круг, имеющий неперенный выход в большой мир. Все вместе это составляло наследство героя: родители – родина – земля. Это наследство давало силы, богатые душевные задатки, с которыми растущий человек выходил в мир. Фраза писателя: «за <...> плечами стояла родовая память поколений» – ключ к пониманию и осознанному восприятию семейных духовных констант.

Заключение

Концепт *семья* имеет статус универсальной модели, проявляющийся в двух аспектах: общечеловеческом и этническом. Содержание концепта, сохраняя традиционное значение, в прозе К. Карнышева приобретает новые черты.

Многокомпонентность исследуемого концепта обнаруживается в репрезентации его другими концептами (*дом*, *род*, *память*, *мать*, *родная земля* и др.).

В данной статье мы рассмотрели первичный концепт *семья* и вторичные центральные концепты *дом* и *род* и выявили особенности их воплощения в прозе К. Г. Карнышева. Также были проанализированы семейные отношения, которые являются важными для понимания концепта *семья*. В отличие от общепринятого понятия семьи как общности близких родственников, чаще всего родителей и их детей, в повестях К. Карнышева семья расширяется и предстает как *род (родова)*, когда в состав семьи входят не только близкие, дальние родственники, но и крестные, которые не являются родными по крови.

Семантика семейного пространства и порядка акцентирована в лексеме *дом*, которая может выполнять функцию синонима концепта *семья*.

Концепт *дом* обогащается новыми значениями и ассоциациями – дом выполняет защитную функцию и противопоставляется «чужому» пространству. Дом является хранилищем родовой памяти, местом, где ждут тепло и понимание.

Семья в прозе К. Г. Карнышева – это основа жизни человека, именно в семье определяется система ценностей и жизненных установок, которые будут сопровождать человека всю его жизнь. Важную роль в становлении ребенка играют родители. Семья с постоянным и естественным характером воздействия призвана формировать черты характера, взгляды, убеждения и мировоззрение.

С течением времени концепт *семья* трансформируется. Осуществляется переход от традиционной патриархальной семьи, объединенной в концепт *род*, до обособившейся городской ячейки общества с присущим ей новым типом отношений. Утверждая важность и первостепенность семьи, писатель показывает, как теряется духовное единение между близкими родственниками.

Творчество К. Г. Карнышева дает богатый материал для изучения истории, культуры и быта региона. Темы и проблемы, которые автор решает в своих произведениях, остаются актуальными и интересными, так как литература – это отражение жизни.

Л и т е р а т у р а

1. Концепты в литературе Бурятии транзитивного периода : коллективная монография / ответственные редакторы В. В. Башкеева, С. С. Имихелова. – Улан-Удэ : Издательство БГУ. – 2011. – Вып. 4. – 144 с.
2. Павлова, Н. И. Память, род, семья как базовые концепты современной прозы (на примере творчества Наринэ Абгарян) // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия : Науки об обществе и гуманитарные науки. – 2017. – № 3. – С. 113–120.
3. Добровольская, Е. В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации кандидата филологических наук / Добровольская Елена Валерьевна. – Томск. – 2005. – 36 с.
4. Карнышев, К. Г. Сокровенные желания : Повести. Рассказы. / К. Г. Карнышев. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. – 1986. – 412 с.
5. Данчинова, М. Д. Возблагодаря судьбу... К 70-летию писателя К. Карнышева // Бурятия. – 2007. – 20 окт. (№197). – С. 5.
6. Карнышев, К. Г. Чудодей : Повести и рассказы / К. Г. Карнышев. – Улан-Удэ : Республиканская типография. – 2002. – 464 с.

R e f e r e n c e s

1. Koncepty v literature Buryatii tranzitivnogo perioda : kollektivnaya monografiya / otvetstvennye redaktory V. V. Bashkeeva, S. S. Imihelova. – Ulan-Ude : Izdatel'stvo BGU. – 2011. – Vyp. 4. – 144 s.
2. Pavlova, N. I. Pamyat', rod, sem'ya kak bazovye koncepty sovremennoj prozy (na primere tvorchestva Narine Abgaryan) // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya : Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki. – 2017. – № 3. – S. 113–120.
3. Dobrovol'skaya, E. V. Konceptualizaciya sem'i v russkoj yazykovoj kartine mira : special'nost' 10.02.01 «Russkij yazyk» : avtoreferat dissertacii kandidata filologicheskikh nauk / Dobrovol'skaya Elena Valer'evna. – Tomsk. – 2005. – 36 s.
4. Karnyshev, K. G. Sokrovennye zhelaniya : Povesti. Rassказы. / K. G. Karnyshev. – Ulan-Ude : Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. – 1986. – 412 s.
5. Danchinova, M. D. Vozblagodaryaya sud'bu... K 70-letiyu pisatelya K. Karnysheva // Buryatiya. – 2007. – 20 okt. (№197). – S. 5.
6. Karnyshev, K. G. Chudodej : Povesti i rassказы / K. G. Karnyshev. – Ulan-Ude : Respublikanskaya tipografiya. – 2002. – 464 s.

ШАГДАРОВА Туяна Владимировна – старший преподаватель кафедры гуманитарных социально-экономических, правовых дисциплин и физического воспитания, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, филиал в г. Мирном.

E-mail: tuyanash.21@mail.ru

SHAGDAROVA Tuyana Vladimirovna – Senior Lecturer, Department of Humanities, Socio-Economic, Legal Disciplines and Physical Education, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Mirny branch.

ХРОМЫХ Ольга Павловна – независимый исследователь, г. Улан-Удэ.

KHROMYKH Olga Pavlovna – independent researcher, Ulan-Ude.

УДК 821.512.157-31. Харысхал.09

DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-52-59

Жанровая уникальность документального романа (на примере произведения Харысхала “Дорогами минувших лет”)

В. Р. Шишигина

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ vasromsh@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены жанровые особенности документального романа “Дорогами минувших лет” («Ааспыт кэм аартыктарынан», 2021), написанного народным писателем Якутии В. Е. Васильевым-Харысхалом. Он является автором исторических драм, которые ставятся на сцене театров РС(Я). Писатель создавал драмы на основе архивных документов, в которых отражается история якутской жизни начала XX в. Его произведение «Дорогами минувших лет» по жанру является документальным романом. Он основан на материалах архива, воспоминаниях и письмах, доподлинно документален. Вместе с тем, произведение отличается своеобразной художественной формой, которая выражается в особом лирическом повествовании самого автора, а также в способах раскрытия образа главного героя.

Цель исследования заключается в изучении понятия документального романа и выявлении его специфических особенностей. В статье подчеркивается, что документальный роман рассказывает о малоизвестных периодах и событиях, которые до сих пор остаются не освещенными в истории Якутии. Писатель использует собственные путевые записки, которые вел во время своих исследовательских путешествий, использует личный опыт и впечатления, чтобы создать более эмоциональную связь с темой и персонажами произведения. Это позволяет читателю лучше понять авторскую мотивацию и особое отношение к рассказываемой истории.

Таким образом, изучение документального романа и его жанровых особенностей имеет большую ценность, т. к. проблемы малоизученных страниц истории вызывают интерес у читателей. Документальный роман предоставляет уникальную возможность сочетания реальности и художественного полета творческой мысли, что позволяет лучше понять и оценить историю.

Ключевые слова: Харысхал, документальный роман, якутская интеллигенция, историческая достоверность, образы-мученики, эпистолярный жанр, мемуары, архивные материалы.

Для цитирования: Шишигина В. Р. Жанровая уникальность документального романа (на примере произведения Харысхала “Дорогами минувших лет”). Вопросы национальных литератур. 2023. № 4 (12). С. 52–59. DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-52-59

Genre uniqueness of the documentary novel: the case of Kharyskhal's "The Roads of Bygone Years"

V. R. Shishigina

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ vasromsh@mail.ru

Abstract. The article deals with the genre features of the documentary novel "By the Roads of Bygone Years" ("Aaspytyt kem aartyktarynan", 2021) written by the Yakut writer V. E. Vasiliev – Kharyskhal. He is the author of historical dramas, which are staged in the theaters of our republic. The writer has created dramas based on archival documents, which reflect the history of Yakut life in the early twentieth century. His work "By the Roads of Bygone Years" ("Aaspytyt kem aartyktarynan") is a novel by genre. It is also based on archive materials, memoirs and letters, and is truly documentary. At the same time,

the work is characterized by a peculiar artistic form, which is expressed in a special lyrical narration of the author himself, as well as in the ways of revealing the image of the protagonist.

The purpose of the research is to study the concept of the documentary novel and to identify its specific features. The article emphasizes that the documentary novel tells about little-known periods and events that are still mysteries. The writer uses personal experiences, including his own impressions and experiences, to create a more emotional connection with the topic and characters. This allows the reader to better understand the author's motivation and special relationship to the story being told.

Thus, the study of the documentary novel and its genre features is of great relevance as it allows us to expand our understanding of art and literature. The documentary novel provides a unique opportunity to combine reality and fiction writing, which allows us to better understand and appreciate history, as well as develop our imagination and emotional perception of texts.

Keywords: Kharyskhal, documentary novel, Yakut intellectuals, historical accuracy, martyr images, epistolary genre, memoirs, archival materials.

For citation: Shishigina V. R. Genre uniqueness of the documentary novel: the case of Kharyskhal's "The Roads of Bygone Years". *Issues of National Literature*. 2023. No. 4 (12). Pp. 52–59. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-4-52-59

Введение

Документальный роман, основанный на фактах действительности и документах, представляет собой смешение реальных событий и вымысла. Авторы данного жанра используют реальные факты и персонажей, чтобы создать захватывающие и эмоционально насыщенные произведения, которые близки читателю и в то же время интерпретируют реальность в художественной форме. В данной статье будет произведен анализ особенностей фактографического романа на основе произведения В. Е. Васильева-Харыскала.

Основной целью данной статьи является объяснение и раскрытие понятия документального романа, его уникальных особенностей и значимости. В настоящее время, когда сложно отличить реальные события прошлого от выдумок, документальные жанры, которые объединяют эти два элемента, играют особую роль. Фактографический роман позволяет сочетать исторические события и реальных людей с элементами художественности, создавая ощущение реализма и фантазии. А элемент художественности в данном романе заключается в авторской позиции, которая проявляется в отборе, переработке и структурировании имеющегося материала, а также в оценке значимости личности или событий. Качество отбора и эстетическая оценка изображаемых фактов, взятых в исторической перспективе, расширяют информативный характер документального романа.

Однако важно понимать особенности, отличающие документальный роман от других жанров, таких как документальная проза или роман-документ. В случае документальной прозы авторы представляют чистые факты исключительно на основе исследования и исторических источников без использования художественных элементов. Роман-документ, в свою очередь, может включать только фрагменты реальных событий, но с той или иной долей вымысла их развития и окружения.

Документальный роман, сочетая обе стороны – факта и вымысла, создает уникальное произведение, которое остается верным исторической основе и вместе с тем предлагает читателю новый, эмоционально насыщенный взгляд на реальность. Он позволяет авторам использовать свободу творчества и фантазии, чтобы перенести читателя в прошлое и показать его в новом свете.

Таким образом, документальный роман выходит за рамки простого информационного повествования, объединяя историческую достоверность и художественную выразительность; строится на основе реальных событий, фактов и персонажей.

Процесс создания документального романа требует от автора глубокого знания исторических событий, а также дополнительного анализа исторических данных и других источников. Для погружения в историю и аутентичность событий авторы могут проводить многочисленные интервью, изучают специальные документы и изображения и т.д.

Изучение особенностей фактографического романа имеет большое значение, предлагая новый подход к рассмотрению исторических фактов и событий, обогащает видение мира читателя и позволяет оценивать исторические процессы с более глубокой перспективы.

Особенности документального романа

В романе писателя В. Е. Васильева-Харысхала «Дорогами минувших лет» («Ааспыт кэм аартыктарынан», 2021), освещается тяжелая судьба во время установления советской власти, гражданской войны в Якутии первой якутской интеллигенции, которая в основном подверглась гонениям, преследованиям и жестоким репрессиям 1920-1930-х гг. Харысхал впервые в истории якутской литературы показал значимых, известных личностей Якутии начала XX в., внесших огромный вклад в развитие своей родины. Они в основном были выходцами из богатых и купеческих семей и об их судьбе долго замалчивалось в истории якутского народа. Потому автор статьи «Политические репрессии: долгое эхо в судьбах народа саха» Л. И. Винокурова, кандидат исторических наук, писала: «Бесспорно, что потери народа саха в годы репрессий не являются только национальными. Политический, экономический, культурный и человеческий ущерб был нанесен всей России. Каждого, кто изучал или просто знакомился с литературой и источниками по истории репрессий в Якутии, не покидает одна мысль – какие умы, какие люди были лишены возможности жить и работать? Сколько блестящих решений, взвешенных шагов, последовательной настойчивости они могли бы привнести в жизнь республики и Федерации» [2, с. 35–39].

В. Е. Васильев-Харысхал создал роман строго на документальной основе, используя материалы архивов, письма эмигрантов и собственные путевые и дневниковые записи.

Он, прежде всего, сам проехал по тем местам, куда направились его земляки. А земляки-эмигранты в 1920-х гг., спасаясь от гражданской войны, репрессии, были разбросаны по нескольким странам. Они проживали в Японии, Китае, Америке, Финляндии, Австралии и т.д.

Свой путь Харысхал начинает с Китая. В Харбине, называвшемся тогда русским городом, где обосновалось большое количество эмигрантов из Якутии, ему не удалось найти их документов. Оказалось, что они были вывезены в Японию и Америку. Он встречается здесь с несколькими очевидцами и узнает, как жила в то время эмиграция. В романе рассказывается о тяжелой доле якутских эмигрантов, бывших известных людей Якутии, которые свою жизнь посвятили служению народу. Это были богачи, купцы, представители интеллигенции, политические деятели, участники белого движения в гражданской войне и др., признанные «врагами» советской власти. Эти люди в свое время возлагали большие надежды на преобразования в государственном устройстве России. Февральскую революцию либеральная якутская интеллигенция встретила восторженно. Но сторонники военного коммунизма в лице секретаря Губбюро РКП (б) Георгия Лебедева, председателя губчека Андрея Агеева, командующего вооруженными силами губернии Алексея Козлова, быстро развеяли их иллюзии, и они восстали. После подавления восстания многие его участники уехали за границу. Амнистия выманила большинство из них обратно, чтобы предать их репрессиям и уничтожению. Это были заблудшие люди, не знающие, куда примкнуть и что делать в той ситуации. Самые стойкие противники власти остались за границей, потому что они реально осознавали опасность для себя и своей семьи. Но при этом они знали и то, что их ждет на чужбине. Им пришлось выбрать наименьшее из двух зол.

С окончанием второй мировой войны, в которой советские войска разгромили японцев, и образовалась Китайская Народная республика, эмиграция, обосновавшаяся в Харбине,

была вконец разогнана и уничтожена. Следы многих затерялись бесследно. Были закрыты и уничтожены архивы русских эмигрантов, часть из них была передана советскому государству, так что Харысхалу пришлось искать сведения о своих земляках в архивах Владивостока и Хабаровска. И он радуется маленькой толике сохранившихся документов о якутах. Но их следы окончательно теряются с 1946-1948 гг.

Писатель, воссоздавая период репрессий, создал галерею образов мучеников, воссоздал истину об их трагической судьбе.

Например, писатель с большим волнением описывает судьбу крупнейшего якутского купца-промышленника Гавриила Васильевича Никифорова, первого якутского миллионера, построившего на родине несколько магазинов, школ и занимавшегося благотворительностью. Он первым внедрил в Якутию электричество, первым привез автомобиль «Форд». Когда началась Первая мировая война, когда пушные аукционы в Германии не работали, цены на мех на Нижегородской и Ирбитской ярмарках рухнули, Никифоров скупил там всю пушнину и в 1915 г. продал почти в пять раз дороже в Лондоне. Все состояние он вложил в золотые прииски, открытые им в Нимане, Нелькане и Югоренке, служившие потом при советской власти основой для создания и развития горной промышленности [3, с. 41 - 42].

Не менее замечательной была и деятельность Асклепиодота Рязанского. Сын главы Амгинского улуса, будучи образованным, начал работать над учебной литературой для якутских школ. Советская власть выставила его бандитом, так как он короткое время был начальником штаба Ленского добровольческого отряда. Эмигрировал в Китай, после хождений по мукам, благодаря своему упорству, целеустремленности стал крупным журналистом, освещал вопросы политики, экономики и культуры на английском языке. Затем со своей семьей обосновался в Австралии. Он был центром якутской эмиграции и держал связь с друзьями, живущими в Финляндии, Америке, Китае. Размышляя о судьбе Якутии, Асклепиодот Рязанский писал, что ее будущее неразделимо с судьбой России, и думать об ее отделении от советского государства не нужно. Как все герои этого романа, он оставался до конца жизни верным своим идеалам, мечтал вернуться когда-то и быть полезным родине [3, с. 237-238].

Крупнейший купец Кушнарев, до революции договорившийся о постройке железной дороги в Якутии и мечтавший об ее развитии, по воспоминаниям дочери, сокрушался о том, что его богатство послужило не родине, а Китаю и Америке [3, с. 109].

В Японии в связи с труднодоступностью архивов и в силу незнания языка писатель также находит скудное количество документов.

В. Е. Васильев-Харысхал был наслышан об архиве своего земляка М.З. Винокурова. По его следам он летит в Америку и, к своей радости, находит его архив в Национальной библиотеке Аляски. В архиве Винокурова оказалось много документов, переписка с земляками. В частности, его волнует история освобождения из финской тюрьмы силами эмигрантов своих земляков, сбежавших из концентрационного лагеря СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения) в Финляндию.

В архивах Карелии В.Е. Васильев-Харысхал находит дела многих репрессированных земляков. В Финляндии он встречается с дочерью М. Ф. Корнилова и находит много переписку эмигрантов, которые копирует. Писатель рассказывает о судьбе трех смелых, храбрых якутов, сосланных в Соловки, но сумевших сбежать из лагеря в 1931 г. в Финляндию. Все трое: Михаил Федорович Корнилов, Семен Константинович Старостин и Егор Егорович Старостин – были осуждены по делу конфедералистов в 1927-1928 гг. и сосланы на 5–10 лет в концлагерь СЛОН. После побега несколько лет отсидели в тюрьме Финляндии и, благодаря хлопотам друзей-эмигрантов, кое-как обустроились, получили гражданство Финляндии [3, с.218]. Обо всем стало известно из переписки А. А. Рязанского (Австралия), Г. В. Никифорова (Китай), М. В. Винокурова (США) с друзьями из Финляндии и других документов. Писатель привез оттуда копии их писем, написанных

на английском, русском и якутском языках. В них раскрывается бесконечная любовь к родине и вера в светлое будущее родного народа, желание служить отечеству и обнаруживаются такие черты их характера, как преданность, человечность, доброе сердце, стремление помочь каждому, кому трудно и плохо. Писатель с волнением приводит и письма эмигрантов, в которых бьется их израненное сердце. Они, волею судеб оказавшись отброшенными далеко от родины, не потеряли ни чести, ни благородства, даже находясь в нечеловеческих условиях эмиграции, в унижительном положении чужестранцев. Писатель гордится своими земляками, которые до конца жизни тосковали по родине, верили в свое возвращение, любили ее и были полны стремлением служить своему отечеству.

Затем дороги его снова приводят в Америку, т. к. все документы, архивы мира, как оказывается, стекаются в Институт Гувера.

Таким образом, В. Е. Васильев-Харысхал в своем романе использует, прежде всего, документы, составленные БРЭМ (Бюро русской эмиграции), подчиненной японской разведке. В них скрупулезно даются все сведения об эмигрантах, также ими заполняются анкеты. Используются и документы, протоколы допросов репрессированных, составленные сотрудниками НКВД. В романе не описываются исторические события как таковые, но именно они стали причиной их скитаний и страданий – революция, гражданская война и репрессии.

Однако важно понимать, что документальный роман не ограничивается простым повторением фактов. Художественная интерпретация является неотъемлемой частью этого жанра. Авторы используют свою творческую свободу, чтобы создавать литературные образы, диалоги и сцены, чтобы донести смысл и эмоциональность происходящего.

Методы художественной интерпретации и включения элементов вымысла в документальный роман могут различаться в зависимости от автора и его взгляда на произошедшие события. Некоторые авторы стремятся сохранить максимальную историческую достоверность, добавляя вымышленных персонажей и события для лучшего понимания и порождения эмоционального сопереживания читателя. Другие авторы могут быть более вольны в своих интерпретациях, создавая альтернативные версии реальности или использование симбиоза реальной истории с элементами вымысла.

В документальном романе авторы могут вносить различные изменения, чтобы создать глубокий эмоциональный образ для читателя. Вот несколько способов, которыми это преобразование реальности может осуществляться:

1. Следование связующей нити: авторы документальных романов могут выбирать определенную тему или идею, которая может служить связующей нитью, объединяющей различные события и персонажей. Эта связующая нить может быть вымышленной идеей или концепцией, которая помогает организовать и структурировать информацию и события, добавляя им качества и направление, которых не было в реальности. В романе Харысхала основная идея – воссоздание реальных событий и восстановление исторической справедливости, которой он вдохновлен и от которой ни в коем случае не отступает.

2. Реконструкция событий: документальный роман дает авторам возможность воссоздать события прошлого, основываясь на реальных фактах и документации. Они могут использовать свою творческую свободу, чтобы заполнить пробелы в знаниях о событиях и добавить подробности, которых может не быть в исторических записях. Это позволяет авторам создавать более полные и живые изображения прошлого, которые иллюстрируют его значимость и воздействие на персонажей и общество. Харысхал в романе планомерно создает связь времен – прошлого и настоящего, и создается образ самого автора, идущего по следам якутской эмиграции в поисках истины и преданного своим замыслам.

3. Использование литературных приемов: документальный роман включает различные литературные приемы и элементы, такие как метафоры, символы, образы и стилистические уловки. Авторы могут использовать эти приемы, чтобы усилить

эмоциональное воздействие произведения, подчеркнуть определенные аспекты реальности и передать свое видение событий и персонажей. У Харысхала возникают образы, отражающие его национальный менталитет – он перед каждым днем своей кропотливой работы просит удачи в ней и совершает обряд алгыса. Он обращается к Солнцу и миру, чтоб они помогли ему достичь своей цели.

4. Привлечение личного опыта: некоторые авторы документальных романов могут включать свои собственные личные впечатления и опыт в процессе написания. Это позволяет им создать более интимное и эмоциональное соединение с темой и персонажами, а также помогает читателю лучше понять авторскую мотивацию и особое отношение к рассказываемой истории. Харысхал воссоздает свой путь в поисках материалов и раскрывает свое отношение, свои ощущения при находке хоть крохотного факта и свои встречи с замечательными людьми в этих странах.

5. Отступление от хронологии: документальный роман может вносить изменения в хронологию событий, чтобы создать более увлекательное повествование и подчеркнуть его главные темы. Авторы могут использовать техники флэшбэка или флэш-форварда, перепрыгивание во времени и пространстве, чтобы сделать произведение более динамичным и интересным для читателя. Харысхал воссоздает хронологию судьбы своих героев, с которой связывает хронотоп собственного бытия и путешествий. Все это создает сложную структуру романа.

В. Е. Васильев-Харысхал не использует вымышленных персонажей или «вымышленные документы». Роман хорошо документирован и исторически точен.

Тут уместно привести слова из статьи А. В. Анохиной: «Документализм связан со специфичным способом отражения действительности, не тождественным литературе или журналистике в чистом виде. Произведения, относимые к сфере художественно-документальной литературы, подразумевают синтезирование документального материала и художественных приемов его изображения, где факт занимает центральное положение, а структура направлена на достоверное воспроизведение действительности» [4, с. 193].

Одним из основных факторов, обуславливающих мощь эмоционального воздействия документального романа Харысхала, является его способность создавать глубокую связь между читателем и рассказом. Выстраивая повествование в форме романа, автор использует литературные приемы и создает ощущение близости, что позволяет читателю более глубоко вжиться в описываемые события и переживания героев. Благодаря этому документальный роман может стать эмоционально захватывающим и вызвать у читателя сильные реакции, такие, как сочувствие, гнев, страх или восхищение.

Кроме того, документальный роман Харысхала имеет возможность уделять больше внимания характерам и их внутреннему миру через письма, дневники, воспоминания близких людей, что также способствует его эмоциональной эффективности. Более подробное исследование жизненных историй, душевных переживаний и мотиваций персонажей позволяет читателю лучше понять их, а также связаться с ними на эмоциональном уровне. Такая глубокая эмоциональная связь помогает в сопереживании и создает более яркое впечатление о произведении.

Одно из преимуществ документального романа перед обычными документальными произведениями заключается в его способности переносить читателя в определенный исторический контекст, создавая ощущение присутствия. Не только факты и события, но и атмосфера времени и места позволяют читателю прочувствовать реальность, в которой разворачиваются описываемые события. Так, Харысхал описывает те места, где были, жили, работали герои его романа, например, он ездил в концентрационный лагерь в Соловках, откуда бежали трое якутов-смельчаков, и воочию увидел лагерные условия, обстановку тех лет. Оттуда Харысхал попадает в Финляндию, где нашли свою последнюю обитель эти люди. Встречается с родственниками, получает интервью, налаживает дальнейшую связь с ними. Так, каждый раз попадая в страны, те места, где герои

романа пребывали, писатель описывает свои впечатления, сравнивая прежние времена с сегодняшним днем. Это позволяет подчеркнуть значимость и важность представленных тем и воздействовать на читателя на эмоциональном уровне.

Заключение

Таким образом, документальный роман отличается от обычных документальных произведений своей способностью вызывать сильные эмоциональные реакции у читателей. Мощь эмоционального воздействия достигается за счет близости и связи с читателем, глубокого исследования внутреннего мира персонажей, а также переноса читателя в определенный исторический контекст. Все это делает документальный роман более влиятельным средством передачи информации и формирования эмоционального отклика.

Документальный роман В. Е. Васильева-Харысхала является особенным и уникальным жанром. Во-первых, его роман объединяет в себе элементы документальной литературы и художественного написания, документы сочетаются с путевыми заметками, дневниковыми записями автора. Это позволило ему передавать фактические события и реальные истории в форме художественного повествования. Во-вторых, документальный роман обладает социальной значимостью. Благодаря своей природе, этот жанр способен привлекать внимание к наиболее актуальным проблемам общества. В романе Харысхала отражены сложные социокультурные и политические события, рассказаны о жизни и личностях людей, которых часто игнорируют другие жанры. Литературовед В. Б. Огорокова отмечает, что через отражение жизни героя художественной литературы можно узнать историю общества того времени [5, с. 84].

Данное произведение заслуживает дальнейшего изучения и внимания со стороны литературных критиков и исследователей. Харысхал сочетает документальную точность с художественной формой и погружает читателей в мир событий 20-30-х годов XX века, открывая новые возможности в литературе и помогая осмыслить нашу историю и современность.

Л и т е р а т у р а

1. Шапошникова, А. Он вернул потомкам главных героев / А. Шапошникова // Хаарыан доѳорбут Харысхал. – Дьокуускай : Алта, 2022. – С. 49–54.
2. Винокурова, Л. И. Народ саха от века к веку : Очерки истории / Л. И. Винокурова // ИЛИН, 2004. – № 4 (39). – С. 35–39.
3. Баһылай Харысхал. «Ааспыт кэм аартыктарынан» / Б. Харысхал. – Дьокуускай : Түһүлгэ, 2021. – 368 с.
4. Анохина А. В. Проблемы документализма в современном литературоведении / А. В. Анохина. 2013. – № 4. – С. 193.
5. Огорокова, В. Б. Литература героини / В. Б. Огорокова. – Дьокуускай : Саха государственной университетын издательствота, 2005. – 84 с.

References

1. Shaposhnikova, A. On vernul potomkam glavnykh geroev / A. Shaposhnikova // Khaaryan doѳorbut Kharyskhal. – D'okuuskaj : Alta, 2022. – S. 49–54.
2. Vinokurova, L. I. Narod sakha ot veka k veku : Ocherki istorii / L. I. Vinokurova // ILIN, 2004. – № 4 (39). – S. 35–39.
3. Bahylaj Kharyskhal. «Aaspyt kehm aartyktarynan» / B. Kharyskhal. – D'okuuskaj : Tyhylgheh, 2021. – 368 s.
4. Anokhina A. V. Problemy dokumentalizma v sovremennom literaturovedenii / A. V. Anokhina. 2013. – № 4. – S. 193.
5. Okorokova, V. B. Literatura geroja / V. B. Okorokova. – D'okuuskaj : Sakha gosudarstvennaj universitetyn izdatel'stvota, 2005. – 84 s.

ШИШИГИНА Василиса Романовна – магистрант Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: vasromsh@mail.ru

SHISHIGINA Vasilisa Romanovna – Master's student, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

НАУЧНЫЙ руководитель: ОКОРОКОВА Варвара Борисовна, д. филол. н., профессор кафедры якутской литературы Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова

ACADEMIC Supervisor: OKOROKOVA Varvara Borisovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Yakut Literature, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА –

УДК 398.224(=512.157)(571.56-37)

DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-60-71

Сказительские традиции олонхосутов Хангаласского улуса

Т. В. Илларионова¹ ✉, Ю. Ю. Киприянова²

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

²Качикатская средняя образовательная школа Хангаласского улуса, с. Качикатцы, РС (Я), Россия

✉ 445325@mail.ru

Аннотация. Изучение региональных традиций олонхо считается актуальным направлением в якутской фольклористике. По материалам исследований научных сотрудников ИГИПМНС СО РАН С. Д. Мухоплевой и Н. А. Дьяконовой, начиная с XVII в., на территории Хангаласского улуса проживало около 60 олонхосутов. Это свидетельствует о том, что в Хангаласском улусе сказительское искусство было довольно распространено. Исследование сказительской традиции олонхосутов Хангаласского улуса относится к малоизученным темам якутской фольклористики. Объект исследования: сказительские традиции олонхо Хангаласского улуса. Предметом исследования являются олонхосуты Хангаласского улуса, формы исполнения олонхо, ареал бытования. Цель работы – изучение исполнительской традиции олонхо Хангаласского улуса. В статье использованы следующие методы исследования: описательный метод – для характеристики форм бытования, картографический метод с использованием географических информационных систем – для определения ареала бытования олонхо в Хангаласском улусе. В результате исследования выявили имена 78 олонхосутов из разных источников: справочника «Олонхосуты Якутии», библиографического справочника Хангаласской улусной библиотеки, сайта Олонхо, Цифрового архива Научно-исследовательского института Олонхо СВФУ и из воспоминаний местных жителей. Разделили сказительские традиции хангаласских олонхосутов на 4 локальные группы: мальжагарские олонхосуты, малтанские олонхосуты, олонхосуты округа Эркээни и олонхосуты округа Самыртай.

Ключевые слова: олонхосуты, олонхо, хангаласский улус, сказительские традиции, исполнительские традиции.

Для цитирования: Илларионова Т. В., Киприянова Ю. Ю. Сказительские традиции олонхосутов Хангаласского улуса. Вопросы национальных литератур. 2023, № 4 (12). С. 60–71. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-4-60-71

Storytelling traditions of olonkhosuts of Khangalassky district

T. V. Illarionova¹ ✉, Yu. Yu. Kipriyanova²

¹M. K. Ammosov North-Eastern Federal University,

²Kachikat Secondary Educational School, Khangalassky district

✉ 445325@mail.ru

Abstract. The study of regional traditions of olonkho is considered to be a relevant direction in Yakut folkloristics. According to the materials of S. D. Mukhopleva and N. A. Diakonova, research fellows of the Institute of Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, about 60 olonkhosuts (olonkho tellers) lived on the territory of Khangalassky district since the 17th century. This indicates that the art of storytelling was quite widespread in

Khangalassky district. The study of the storytelling tradition of olonkhosuts of Khangalassky district belongs to the little-studied topics in Yakut folkloristics. Object of the study is the storytelling traditions of Khangalassky district olonkhos. The subject of the study is olonkhosuts of Khangalassky district, forms of performing olonkho, and the areal of existence. The aim of the work is to study the performing tradition of the Khangalassky district olonkho. The following research methods were used in the article: descriptive method - to characterise the forms of everyday life; the cartographic method with the use of geographic information systems - to determine the areal of the olonkho tradition in Khangalassky district. As a result of the research we identified the names of 78 olonkhosuts from different sources: the reference book "Olonkhosuts of Yakutia", the bibliographic guide of Khangalassky district library, the Olonkho website, the Digital Archive of the Olonkho Research Institute of the North-Eastern Federal University, and from the memories of local residents. We divided the storytelling traditions of Khangalassky olonkhosuts into 4 local groups: Malzhagar olonkhosuts, Maltan olonkhosuts, olonkhosuts of Erkeni area and olonkhosuts of Samyrtai area.

Keywords: olonkhosut, olonkho, Khangalass district, storytelling traditions, performing traditions.

For citation: Illarionova T. V., Kipriyanova Yu. Yu. Storytelling traditions of olonkhosuts of Khangalassky district. *Issues of National Literature*. 2023, No 4 (12). Pp. 60–71. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-4-60-71

Введение

Творчество сказителя – это контакт времен, неразрывная связующая нить с далеким прошлым, историей, жизнью, болью и радостью наших предков. Только через посредство устного сказания, благодаря безымянным в прошлом олонхосутам, их беззаветному служению делу сохранения и передачи величайшего духовного творения народа, мы можем сегодня приобщиться к такому уникальному явлению, как эпос олонхо. Становление и развитие традиционного эпоса, его бытование находятся в прямой зависимости от сказительского мастерства эпического певца.

В 1990-х гг. научными сотрудниками Института гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия) С. Д. Мухомлевой и Н. А. Дьяконовой проведена фольклорная экспедиция на территории Хангаласского улуса. В статье «Олонхо Хангаласского улуса» Н. А. Дьяконова указывает, что, начиная с XVII в., на территории Хангаласского улуса проживало около 60 олонхосутов [1].

Известны имена таких одаренных олонхосутов, как С. В. Герасимов-Хорообо (Качикатский наслег), П. С. Семенов-Ырыа Былатыан (II Мальжегарский наслег), М. И. Саввин-Чолбон (Немюгюнский наслег) и др., заслуживших любовь и уважение поклонников олонхо. К сожалению, от этих сказителей ни одно олонхо не было записано, кроме М. И. Саввина-Чолбона («Мүлдүөт Бөбө», «Тойон Дьаҕарыма») [2, с. 5–6].

С 2013 г. научными сотрудниками Института Олонхо СВФУ им. М. К. Аммосова и специалистами ИМЦ Управления культуры и духовного развития Хангаласского улуса развернута работа по выявлению сказителей улуса. Двухэтапная фольклорная экспедиция по западно-восточным наслегам улуса, встреча со старожилами, знатоками и современными исполнителями эпического наследия убедили исследователей в том, что в Хангаласском улусе действительно бытовала устойчивая эпическая среда со своими локальными особенностями. По результатам совместной плодотворной работы выявлены персоналии и данные 50 исполнителей и сказителей олонхо, ранее нигде не зафиксированных.

Казалось бы, совсем еще недавно, в XIX и в начале XX вв., сказительская традиция олонхосутов была широко развита, она бытовала повсеместно на территории Хангаласского улуса.

Как отмечает В. В. Илларионов, якутский эпос известен нам благодаря искусству олонхосутов, его первых творцов, исполнителей и хранителей. Олонхосуты, как сказители многих других народов, не являются профессионалами. Однако народ высокое звание «олонхосут» давал только тем, кто удовлетворял эстетическим и духовным потребностям эпической среды, обладал настоящим талантом создателя и исполнителя и, наконец, ценил и уважал олонхо, ради исполнения которого забывал свои личные интересы. К именам некоторых сказителей добавлялись почетные звания «олонхосут» или «ырыа», что, конечно, являлось свидетельством признания их таланта и способностей [3]. Так, в Хангаласском улусе было известно имя олонхосута Платона Семеновича Семенова-Ырыа Былатыана.

Будучи студентом, В. В. Илларионов со своим однокурсником в 1970 г. зафиксировали от С. Н. Кононова, жителя Улахан Аан Орджоникидзево района, предание об олонхосуте Хоолдук Хоносо, который в расцвете сказительской деятельности состязался с *абаасы*. Чтобы перепеть его, он в быстром темпе проговорил труднопроизносимое слово и сразу сказал: «А все-таки я тебя превзошел» [3, с.107].

Есть сведения, что известные олонхосуты переняли опыт и от хангаласских олонхосутов. Так, по призванию олонхосута Н. А. Абрамова-Кыната, его талант сильнее раскрылся после прослушивания олонхо в исполнении знаменитых сказителей того времени: таких как Т. В. Захаров-Чээбия из Эмисского наслега Амгинского улуса, Чункунаан Захара из Жемконского наслега Восточно-Кангаласского улуса, Ырыа Джарбана (местожительство не указано), от которых перенял олонхо «Ньургун Бёгё», «Харалаан Мохогол», «Ала Булкун», «Сын лошади Дырай», «Богатырь Айдаан» и др. [3, с.114].

Профессор В. В. Илларионов пишет: «По социальному положению большинство якутских сказителей – выходцы из среды трудового народа. Многие были бедняками, батраками у баев. Для многих скотоводство и земледелие являлись основными источниками получения средств к существованию. Некоторые из них совмещали профессию кузнеца, плотника и охотника. К олонхосутам вполне относятся слова, сказанные на I съезде советских писателей М. Горьким: «Творцы фольклора жили тяжело и мучительно. Рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь – бесправна и беззащитна» [3, с. 37].

Некоторые сказители живо интересовались событиями общественной жизни. Судя по биографическим данным, олонхосуты Н. С. Александров (Верхневилуйский район), С. В. Герасимов (Орджоникидзевский район), Г. П. Казаков (Сунтарский район) были свидетелями ленских событий 1912 г.» [3, с.126–127].

Однако мы не имеем полного представления даже о биографических данных, не говоря уже о сказительской манере и творческой направленности. И, несмотря на это, по отдельным воспоминаниям олонхосутов, по записям, оставленным нам энтузиастами и любителями народной словесности, можно составить представление о сказительской традиции, о личностях сказителей и их особенностях.

Олонхосуты Хангаласского улуса

Для удобства изложения общей характеристики хангаласских олонхосутов мы решили условно подразделить сказительские традиции хангаласских олонхосутов на небольшие локальные группы, что поможет лучше выявить специфическое и общее в их творчестве: мальжагарские олонхосуты, малтанские олонхосуты, олонхосуты округа Эркээни и олонхосуты округа Самыртай.

Олонхосуты Мальжагарского округа

В Мальжагарском округе проживали 19 олонхосутов:

Алексеев Афанасий Алексеевич-Татаар оҕонньор, уроженец I Мальжагарского наслега, зафиксировано олонхо «Кэриэс Бэргэн».

Алексеев Афанасий Николаевич – уроженец I Мальжагарского наслега. Известен его репертуар «Хара Ньургун Бухатыыр», «Хара хороу аттаах Хара Ньургун Боотур»

и «Хангалас Боотур». «Хангалас Боотур» в 1941 г. был записан Е. Е. Лукиным, в 2014 г. было издано в печати.

Алексеев Николай Иванович-Бэриэдэл (1880–1982 гг.) родился в Кытыл-Дюра, в V Мальжагарском наслеге.

Абрамов Николай Дмитриевич-Куойка родился в II Мальжагарском наслеге.

Балыынка Дьөгүөр-Егор Коников/Копылов, уроженец Мальжагарского наслега, знал олонхо «Эр Соботох».

Емельянов Данил – сказитель олонхо из Тумульского наслега.

Емельянов Иннокентий Егорович-Тээппээн Лэгэнтэй (1901–1952 гг.) – уроженец IV Мальжагарского наслега. Чтобы услышать его олонхо во время осеннего улова «Күһүнгү олонхо» (Осеннее олонхо) собирались более 30–40 человек из ближних наслегов и Горного улуса [4, с. 32].

Киров Гаврил Григорьевич-Уус Хабырыыс (1921–1964 гг.) – сказитель родом из села Едэй.

Имя олонхосута Ксенофонтова Егора Ионовича, жившего и творившего в прошлом веке, тоже успело стать легендой. Родился он в 1882 г. в 3-м Мальжагарском наслеге. Жил в селе Тиит, что был в 10 *кес* от районного центра. Он был неграмотным, бедным крестьянином, начал сказывать с 15-летнего возраста. Имел богатый репертуар: «Аан Сомондо бухатыыр» (Богатырь Аан Сомондо), «Чугустаан Бэргэн», «Дуорака-Буорака бухатыыр» (Богатырь Дуорака-Буорака), «Харыдыал Бэргэн бухатыыр» (Богатырь Харыдыал Бэргэн), «Хаан Дьаргыстай» («Хаан Джаргыстай», «Харыдыар Бэргэн бухатыыр быраата Ожо Улаадар бухатыыр» (Младший брат богатыря Харыджар Бэргэн богатырь Ого Улаадар). Анкета была заполнена 21 декабря 1940 г. Константиновым (без инициалов) [1, с. 182].

Лукин Егор Егорович-Түммүт Дьөгүөр (1918-2002) родился в I Мальжагарском наслеге, является информантом-собирателем советского периода. В 1936 г. окончил семилетнюю школу, поступил на одногодичные курсы учителей в г. Якутске. До 1951 г. работал пионервожатым, учителем, директором детдома, заведовал начальной школой. Им были собраны фольклорные материалы Горного, Хангаласского, Чурапчинского районов: песни, скороговорки чабырбах, заклинания алгыс, народные предания, рассказы и олонхо. В его репертуаре имеется олонхо «Хангалас Боотур», которое до сих пор вызывает споры по поводу авторства [5, с. 37–41].

Павлов-Бочуму Уола, Павлов Петр-Хаарты Бүөтүр, Хоолдьук Хоноһо – сказители II Мальжагарского наслега.

Одним из широко известных сказителей-олонхосутов является Семенов Платон Саввич-Ырыа Былатыан. Он родился в 1875 г. во II Мальжагарском наслеге. С малых лет батрачил. В послереволюционное время стал наследным активистом, вступил в артель «Пятилетка», принимал участие в ее становлении. Его песни и рассказы, записанные начиная с Г. В. Ксенофонтова, были опубликованы, но не полностью. С 1939 г. является членом союза писателей СССР. В годы Великой Отечественной войны активно стал выступать с народными песнями «Война» (1942), «Слава воинам» (1943), «Победа» (1945). Принимал участие в сборных выступлениях народных певцов республики, упоминается, что Ырыа Былатыан в 1948 г. исполнил песни вестника-табунщика Сорук Боллур в олонхо «Богатырь Усун Тюрбюю» Таттинского сказителя И. Е. Огочуярова.

Слепцов Кузьма Н. родился в IV Мальжагарском наслеге. Неграмотный, был известен как хороший сказитель богатырских былин. В 1921 г. его олонхо «Икки айгыр абыс кыrsa ойохтоох Эрэйдээх Буруйдаах Эр Соботох» и «Эриэдэл Бэргэн» были собраны Г. В. Ксенофоновым, в то время олонхосуту было 65 лет.

Наиболее известными олонхосутами-сказителями являются Емельянов Иннокентий Егорович, Ксенофонов Егор Ионович, Слепцов Кузьма и Семенов Платон Саввич. Все они были выходцами из бедного народа, неграмотными, батрачили у баев.

В середине XVII в. Якутия была присоединена к Российскому государству и объявлена «государевой землей». Освоение огромной территории требовало организации между центром надежной и постоянной связи. По поручению воеводской канцелярии Захар Баишев в 1743 г. проложил тракт от Витима до Якутска. С этих пор между Мальжагарскими селами была хорошая транспортная обстановка. Поэтому имена сказителей Мальжагарского округа были наиболее известными. Их исполнение имели возможность услышать не только местные жители, но и приезжие.

В их репертуаре наиболее распространенными олонхо являются «Эр Соботох», «Хаан Дьаргыстай», «Хангалас Боотур».

Олонхосуты Малтанского наслега

Ильин Семен Дмитриевич (1929–1976) родился в III Малтанском наслеге Орджоникидзевого района. В газете «Лена маяктара» в 26.08.1964 г. вышел отрывок из его олонхо «Эр Соботох».

И. Н. Неустроев родился в III Малтанском наслеге Орджоникидзевого района. В справочнике «Олонхосуты Якутии» указано его олонхо «Эрэдээх-буруйдаах Эр Соготох» [6, с. 61].

М. Н. Неустроев родом из III Малтанского наслега. Когда Г. В. Ксенофонов записывал в 1921 г. с его слов сюжет олонхо на русском языке «Эр Соботох и его сын Бэриэт Бэргэн» и «Многострадальный одиночка герой», сказителю был 71 год [7, с. 77–87].

Д. К. Павлов, уроженец III Малтанского наслега. В справочнике «Олонхосуты Якутии» указано, что в его репертуаре указаны олонхо «Тала Талба бухатыр» и «Харылаан Мохсогол» [6, с. 71].

Павлов Семен Иванович-Уһун Сэмэн (1927–2010), уроженец I Маалтааны (Чымаадай).

Тапьев Семен Павлович (1850–1919) родился во II Малтанском наслеге. Известен как сказитель в Западно-Хангаласском улусе, его приглашали на ысыахи, свадьбы и другие сборы.

Тапьев Христофор Дмитриевич (1894–1961), родом из III Малтанского наслега. Репертуар не зафиксирован.

Тэтигирээн Бүөтүккэ родился в Малтанском наслеге. В его репертуаре были олонхо «Улуутуйар Улуу Даарын бухатыр» и «Күрсэн Дуолан бухатыр».

В Малтанском округе нашли имена 8 сказителей. У многих паспортные данные отсутствуют, репертуары не зафиксированы. Самым распространенным олонхо является «Эрэдээх-буруйдаах Эр Соботох».

Олонхосуты округа Эркээни

Сказитель из Немюгюнского наслега Дыртыс Өлөксөй жил в XIX–XX вв. Из репертуара знаем «Дуорака-Буорака бухатыр» [6, с.30].

Дьэллэһин Киргизлэй был известным олонхосутом из Октемского наслега [6, с.150].

А. Попов. На сайте Олонхо указан его репертуар, куда вошли 18 названий олонхо: «Тойон Дьаҕарыма», «Харыадьа бухатыр», «Хара Дьэргэлиэн», «Хоруодал Бэргэн», «Нарын Ньургустай», «Бэриэт Бэргэн», «Эр Соботох», «Алып Дохсун бухатыр», «Күрсэн Дуолан бухатыр», «Дьулабай Боотур», «Хара Кыыччыт», «Куллустаайы Бөбө», «Бөбө Мүлдүрүн Мүлдүөт Бөбө», «Нуоҕалдьын Кулун аттаах Тойон Нуоҕалдьын», «Үнкүү тураҕас аттаах Кэриэс Бэргэн», «Уһукуй Улаан аттаах Улуу Даарын бухатыр», «Мөнгүрүк сир аттаах Мөҕүлү Мөрсү», «Хахай иппит уола Хахсаат Бэргэн».

Саввин Михаил Иннокентьевич-Ботуойа (1867-19...) родился в Немюгюнском наслеге. У него были олонхосутами прадед, отец, дядя по отцу и братья. Сказитель имеет более 10 олонхо, песни и 15 сказок: «Мүлдүөт бөбө» (Мюлджюет Беге), «Тойон Дьаҕарыма» (Тойон Джагарыма), «Хара Дьэргэлиэн бухатыр» (Богатырь Хара Джэргэлиэн), «Халыады бухатыр» (Богатырь Халыада), «Аттыын Арчы Баай оҕонньор, Арылаан Айыһыт Баай хотун эмээхсин» (Старик Арчы Баай, Старуха Арылаан Айыһыт Баай Хотун), «Кэриэс Бэргэн Бухатыр» (Богатырь Кэриэс Бэргэн), «Бэрт уол Бэриэт Бэргэн» (Бэриэт Бэргэн),

«Хоруоптаах оҕо Хорудал Бэргэн» (Хорудал Бэргэн), «Дьулаҕай Боотур» (Джулаҕай Боотур), «Улуутуйар Улуу Даарын бухатыыр» (Богатырь Великий Даарын), «Күрсэн Дуолай бухатыыр» (Богатырь Күрсэн Дуолан), «Үрүн Дуолан бухатыыр» (Богатырь Юрюнг Уолан), «Эрэйдээх буруйдаах Эр Соҕотох» (Эр Соготох).

Саввин Михаил Иннокентьевич-Чолбон (1907-19...) родом из Немюгюнского наслега. В Архиве Якутского научного центра хранятся три анкеты, заполненные в 1940, 1946 и 1949 гг. и тексты олонхо «Тойон Дьаҕарыма» и «Мүлдүүт Бөҕө», записанные в 1940 г. П. П. Местниковым. В анкете говорится, что он неграмотный, бедняк, работает в промышленной артели «Стахановец», рассказывает олонхо с детства (сказитель в трех анкетах указал разные возрасты – 14, 16 и 9 лет). В роду у него были олонхосутами прадед, отец, дядя по отцу и братья. Нигде раньше не был. Певец, скороговорщик, знаток старины, особенно любит рассказывать олонхо. Передает исключительно услышанное, при этом может сам по своему усмотрению импровизировать. В репертуаре он имеет более десяти олонхо: «Бөҕө Мүлдүүрүн Мүлдүүт Бөҕө» (Мюлджует Беге), «Тойон Дьаҕарыма» (Тойон Джагарыма), «Хара халбас Харадыа Бухатыыр», «Үнүү тураҕас аттаах Кэриэс Бэргэн» (Кэриэс Бэргэн), «Бэрт уол Бэриэт Бэргэн», «Уһукуй Улан аттаах Улуу Даарын бухатыыр» (Богатырь Великий Даарын), «Ала дьаҕыл аттаах Хара Дьэргэлгэн бухатыыр» (Хара Джэргэлгэн), «Мөҥүрүк сизэр аттаах Мөҥүлү Мөрсү» (Мегюлю Мерсю), «Икки айы кыһа ойохтоох Эр Соҕотох» (Эр Соготох), «Хоруоптаах Оҕо Хоруодал Бэргэн» (Хоруодал Бэргэн), «Хахай иппит уола Хахсаат Бэргэн, Өксөкү иппит уола Мөрөтөлөөн Сүүрүк», (Хахсаат Бэргэн, Меретелен Сюрюк), «Нарын Ньургустай» (Нарын Ньургустай), «Алып Дохсун бухатыыр» (Богатырь Алып Дохсун), «Күрсэн Дуолан Бухатыыр» (Богатырь Күрсэн Дуолан), «Дьулаҕай Боотур» (Джулаҕай Боотур), «Хара Кыыччыт», «Куллустаайы Бөҕө» (Куллустаайы Беге), «Аттын Арчы Баай Оҕонньор, Арчылыыр Айыһыт Баай Хотун Эмээхсин», «Үрүн Уолан Бухатыыр». Имея в своей семье сказителей, однако он считал своим учителем Алексея Николаевича Уварова-Онооску [1, с. 182].

Саввин Роман Иннокентьевич-Көппөх родом из Немюгюнского наслега. В 1943 г. во время смотра художественной самодеятельности 16-летний колхозник исполнил свое олонхо «Амарах араҕас аттаах Айҕаат Бөҕө» [8, с. 2].

Кардашевский Илья Тимофеевич-Ылдьааскы, отец сказителя Е. И. Кардашевского. Упоминается в справочнике «Олонхосуты Якутии», его репертуар: «Кутуруга муоһа суох кугас ынахтаах Орулуур Муота оҕонньор» (Старик Орулуур Муота), «Күнү-ыйы кытта көдүүстэнэ төрөөбүт Күн Эрэли бухатыыр» (Богатырь Кюн Эрэли), «Кыһар кугас аттаах Кыыс Туйгун бухатыыр» (Богатырка Кыыс Туйгун), «Уол Дугуй».

Кардашевский Тимофей-Күөдэл, отец Ильи Тимофеевича-Ылдьааскы [6, с. 45].

Кардашевский Егор Ильич (1894–1978) родом из Октемского наслега. Во время фольклорной экспедиции студентом В. В. Илларионовым в 1970 г. было записано олонхо на магнитофоне «Уол Дугуй бухатыыр». Как рассказывает сам В. В. Илларионов, сказитель жил с двумя дочерьми и внуками на небольшом участке Чапаево Октемского наслега. По крепкому и бодрому старику было видно, что в молодости он был высоким, статным и крепким. Егор Ильич был истинным олонхосutom, таких называют ийэ олонхоһут. Имел богатый репертуар: «Бэрт уол Бэриэт Бэргэн» (Бэриэт Бэргэн), «Икки аҕыс-балыс Кыдааннаах Кыыс Куолар» (Две сестрицы Кыдааннаах Кыыс Куо), «Кулун Куллустаайы бухатыыр» (Богатырь Кулун Куллустаайы), «Кутуруга муоһа суох кугас ынахтаах орулуур Моотохоон бухатыыр» (Богатырь Моотохоон), «Кыдааннаах кыыс Туйгун Куо бухатыыр» (Богатырка Туйгун Куо). У сказителя была неспешная, плавная манера исполнения. Он стремился передавать особенности песен богатырей, их тойуков, используя разные мотивы. Несмотря на преклонный возраст, он часами мог исполнять олонхо, рассказывать повествовательную часть, проговаривать чабырҕах, петь напевы и тойуки. Запись Е. И. Кардашевского длилась примерно четыре дня. По этим записям

составлен паспорт, записана сюжетная схема. Эти материалы были переданы в фонотеку сектора якутского фольклора ИЯЛИ» [8, с. 208]. Е. И. Кардашевский рассказывал в автобиографии, что его дед, отец, старшие братья в свое время были хорошими олонхосутами; будучи подростком, он неоднократно слушал исполнение олонхо своих близких родственников, а впоследствии усвоил их эпический репертуар [3, с. 111]. Этот факт показывает, что семейная традиция благотворно влияет на перенятие олонхо.

Таким образом, нам известно 9 имен сказителей-олонхосутов из округа Эркээни. Большинство из них были выходцами из семьи именитых олонхосутов. В репертуаре есть «Эр Соботох», «Мүлдүүт Бөбө», «Тойон Дьабырыма» и «Бэриэт Бэргэн», зафиксированы олонхо о женщинах-богатырках «Богатырка Туйгун Куо», «Две сестрицы Кыдааннаах Кыыс Куо», «Богатырка Кыыс Туйгун».

Олонхосуты округа Самыртай

Герасимов Семен Власьевич-Хорообо Сэмэн (1874–1943) родился в Качикатском наслеге в местности Красный Ручей. В Качикатском наслеге по его инициативе создан первый фольклорный кружок олонхо. Местные жители вспоминают, что он был не только олонхосутом, но и талантливым народным целителем и мастером-кузнецом. В лечебной практике использовал различные растения, травы, мог останавливать кровь женщины при родах, местные жители знали его как хорошего костоправа. Мастерил хомусы, якутские ножи и орудия богатырей, женские украшения для постановок. Г. У. Эргис среди самых ярких олонхосутов 1920–1930-х гг. прошлого века приводит имя Семена Власьевича-Хорообо Сэмэн [9, с. 365].

Следующим известным сказителем является Давыдов Петр Иванович-Лэглээмэ. Родился в 1872 г. в Качикатском наслеге в местности Красный Ручей. Сам он был небольшого роста, но с пронизывающими огненными глазами. В основном любил исполнять партии старух. Был народным целителем. Один из таких моментов был описан в книге П. Н. Харитонов-Ойуку «Хоболоох суол». У него не было своих детей, но воспитал и вырастил детей-сирот.

Сказитель Ермолаев Дмитрий Степанович-Бөтүөх (1908–1968) родился в бедной семье в селе Качикатцы. Был знатоком народных преданий, легенд. Особенно удавались роли стариков. Умел использовать народную речь при вызывании дождя в жару. Он сам был небольшого роста и, когда начинал говорить, становился на глазах большим. Сожалел о том, что его олонхо не записали на граммпластинку. Его сын Николай умер, внуки живут в Качикатцах.

Константин Петрович Константинов (1911–1958) был председателем колхоза в наслеге, инициатором работы фольклорного кружка. Исполнял главную роль – богатыря айыы. Он был незауряден не только внешне, но и обладал звонким, красивым голосом. Особенно любил исполнять настольные песни. Говорят, что должен был поехать в Москву как участник фестиваля, но на отборочном конкурсе запевал осуохая победителем стал Устин Нохсоров. Внуки К. П. Константинова живут в г. Якутске.

Имя сказителя Тимофеева Тихона Васильевича / Павловича (Кааркап) было тоже на слуху. Его воспитал очень богатый человек того времени Тимофеев Иван Аммосович-Омуоһап Кулуба, имел больше трехсот голов скота. В 1912 г. Омуоһап Кулуба принимал участие на I съезде якутов, вместе с С. П. Барашковым в 1916 г. открыл школу в местности Тииттээх. Кааркап был передовым работником, известен как хороший косарь. Старики говорят о нем, что за день мог скосить 1 гектар. Работал в Аллах-Юне грузоперевозчиком. Участник первых постановок олонхо, исполнял роль Сорук Боллура. Его внуки живут в селе Сюдьюкяр Мирнинского района.

Сказитель Яковлев Еремей Петрович-Чой/Той Дьэриимэй (1908–1971), уроженец 1-го Жемконского наслега, был неграмотным, выходец из бедной семьи. Был известным олонхосутом, знатоком старины и постановщиком олонхо. Обладал красноречием, во время смены сцен рассказывал красивым, образным словом речитатив олонхо,

звонким голосом пел тойук, таким образом спектакль получался более ярким и живым. Е. П. Яковлев с раннего детства исполнял олонхо, поэтому хорошо владел сказительским искусством. В 1944 г. олонхосута пригласили на работу в театральную студию в Якутский театр. Есть сведения о том, что режиссер В. В. Местников манеру исполнения Еремея Петровича использовал при постановке оперы «Нюргун Боотур» [10, л. 289-292]. Его красивый, живой голос записали еще до Великой Отечественной войны композиторы М. Н. Жирков и Н. Е. Пейко. В 1958 г. музыковед Э. А. Алексеев записал на магнитофоне, запись хранится в фоноархиве Высшей музыки в Гарвардском университете США. Вместе с П. С. Семеновым они были приглашены как олонхосуты и представители Орджоникидзевоу улуса на Республиканское совещание сказителей-олонхосутов, которое было организовано ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР 21 марта 1959 г. В то время Е. П. Яковлев жил в городе Якутске. На этом совещании приняли участие и другие сказители из разных районов: И. Г. Тимофеев-Теплоухов из Чурапчинского, П. П. Ядрихинский из Намского, Н. И. Степанов из Мегино-Кангаласского, Р. П. Алексеев из Усть-Алданского. На повестке совещания стоял один вопрос: обсуждение олонхо И. Г. Тимофеева-Теплоухова «Кулун Куллуштуур». В 1967 г. фольклорист П. Н. Попов в журнале «Чолбон» напечатал отрывок олонхо «Чэмэриллэ Чээчик» олонхосута Е. П. Яковлева. Кроме того, из анкеты олонхосутов известно, что в его репертуаре были олонхо: «Хоолдугунан оонньуур кулун кугас аттаах Куллуштуур Бөбө», «Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соботох», «Тиит Дьирсин бухатыыр», «Тоһоһо турабас аттаах Кэнэли Хаадыат», «Оҕо Туйгун» (Анкеты олонхосутов Орджоникидзевоу, Горного, Кобяйского, Намского и других районов [11, л. 1-3]. Его неполный вариант рассказа «Об олонхо» опубликован в книге И. Г. Березкина «Якутские исторические предания и рассказы». Внуки живут в селе Рассолода Мегино-Кангаласского улуса.

Тит Петрович Кириллин родился в 1903 г. в селе II Жемкон. Был активным участником коллективных постановок олонхо. Сюжет его олонхо «Күрэтээни Бэргэн» был переведен на русский язык и вошел в работу Н. В. Емельянова «Сюжеты якутского олонхо» [12, с. 188–190]. Во время Великой Отечественной войны в 1943 г. пропал без вести.

Александра Федотовна Николаева (Новгородова, 1920–1975) родилась в с. Чыамайыкы Амгинского района в бедной семье и была единственным ребенком. В 1930 г. умер ее отец, мать одна воспитывала дочь. Переехала с дочерью в колхоз «Красный Ручей». Александра с 14–15 лет начала заниматься в фольклорном кружке под руководством Е. П. Яковлева. Прославилась как первая исполнительница роли Туйаарымы Куо своим красивым народным голосом и внешней красотой. Всегда была красиво одета, народ ее любил. Говорят, местные женщины, жены купцов, подарили ей красивый якутский костюм, сшитый из ткани, привезенной из Японии. В 1937 г. во время участия в республиканском конкурсе ее заметили специалисты и пригласили в качестве артистки в Якутский драматический театр. В 1938 г. она уже принимала участие в постановке спектакле-олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» и исполнила главную роль Туйаарымы Куо. В 1940 г. одним из ярких событий была постановка музыкальной драмы «Туйаарыма Куо». В спектакле успешно выступили артисты театра А. Ф. Николаева-Новгородова, У. Г. Нохсоров, Е. А. Захарова, В. А. Саввин, М. Н. Белолюбская, М. В. Жирков, А. И. Егорова и др. За успешное выступление Александра Федотовна была награждена Почетной грамотой Верховного Совета Якутской АССР, денежной премией и ценным подарком – патефоном. В это время познакомилась с будущим мужем, известным редактором и диктором якутского радио Ильей Дмитриевичем Новгородовым, родила дочь. Мужа в 1942 г. призвали на войну. 3 августа 1943 г. он умер от полученных ранений во время боевых действий. На сцене Александра Федотовна в 1943 г. исполнила 100 раз партию Туйаарымы Куо в постановке спектакля олонхо «Нюргун Боотур», а в 1947 г. исполнила 150 раз. До 1947 г. она неизменно играла эту роль [13, с. 34].

Мотрена Григорьевна Тарасова – уроженка села Красный Ручей, дочь сказителя Григория Тарасова. Исполняла роль девушки-красавицы Айыы Куо. Вместе с Александрой Новгородовой была приглашена в Якутский драматический театр. Пела в национальном хоре. Вышла замуж за писателя Т. Е. Сметанина. Родила дочь Татьяну. Внуки живут в селе Графский Берег Намского улуса.

Акулина Михайловна Сидорова (Үчүгэй Өкүлүүн) родилась 5 апреля 1928 г. во 2-м Жемконском наслеге в местности Нуочаха Орджоникидзевского района. После 7 класса окончила театральную студию Якутского музыкального училища. В 1947 г. состоялась премьера первой национальной оперы-олонхо «Нюргун Боотур Сремительный», посвященной 25-летию образования ЯАССР. Композиторами являлись М. Н. Жирков и Г. Литинский. Опера имела большой успех. На премьере впервые выступила молодая актриса музыкального театра-студии 18-летняя Акулина Михайловна Сидорова [14, с. 32-35]. Из ее воспоминаний мы узнали, что в 1943 г., когда Акулине было всего 15 лет, она поступила в театральную студию. В 1947 г. исполнила главную роль Туйаарымы Куо. Все одноклассники были задействованы в постановке: М. К. Попова-Эдьий Марынына в роли девушки абаасы, Кривошапкин в роли богатыря абаасы. Григорий Михайлович Кокшарский играл богатыря Юрюнг Уолана. Ее наставником по песне-тойуке был Г. У. Нохсоров. В 1957 г. поставили спектакль «Нюргун Боотур» в Москве на сцене Малого театра. После переехала в родное село. Акулина Михайловна, будучи исполнительницей самой оперы «Нюргун Боотур», вместе с заведующим клуба Яковым Егоровичем Федоровичем поставила отрывок из олонхо «Нюргун Боотур». Этот спектакль, начиная с восточных деревень, показывали до Буотамы. Всего в постановке принимали участие 17 человек, в то время люди были очень активными. В концертных номерах всегда исполняла партию Айыы Умсуур удаган.

Варвара Михайловна Афанасьева (Мэннээх Балбаара / Ырыа Балбаара) – уроженка села Красный Ручей. Исполняла после Александры Новгородовой роль Туйаарымы Куо. В 1947 г. принимала участие в составе делегации из 7 человек под руководством Д. К. Сивцева-Суоруна Омоллона на Днях искусства и литературы Якутии в г. Москве. Пела во Дворце Съездов в Кремле. Во время экспедиции «Эркээни-1999», по воспоминаниям М. В. Герасимовой, 1939 г. р., было записано следующее: «В селе Улахан-Ан в 1946 г. Г. Е. Федоров, председатель сельсовета, сделал постановку «Нюргун Боотур». 1947 г. в село приехала, выйдя замуж, молодая, красивая певунья Варвара Афанасьева-Ырыа Балбаара. Никто из женщин не смог сравниться с ее талантом. Роль Туйаарымы Куо была передана ей, а роль Айталы Куо исполняла я». Мария Васильевна с восхищением вспоминает исполнение В. Афанасьевой: как она в Покровске на спектакль въехала на сцену на живом коне и как ездила в Москву [1, с. 183]. Дети и внуки живут в г. Покровске, Улахан-Ане, Удачном.

Семен Афанасьевич Егоров (1931–1974) родился 24 марта 1931 г. в местности Красный Ручей наслега Качикатцы. Во время учебы в Качикатской школе начал заниматься в фольклорном кружке и принимать участие в улусных смотрах. От природы был одаренным, талантливым ребенком, с 14 лет играл в фольклорном кружке. На постановках олонхо мастерил своими руками украшения, орудия богатырей. Исполнял роли богатыря айыы, Сорук Боллура. По воспоминаниям Розалии Никитичны Поповой, Семен играл очень артистично, имел звонкий, красивый голос. Окончив Якутское художественное училище, стал первым якутским профессиональным скульптором.

Антипин Афанасий Сидорович-Кыра Тоттойо (1920-1993) родился в местности Нуочаха 2-го Жемконского наслега. Член фольклорного кружка. Был красив, но всегда очень убедительно играл роль страшного, ужасного богатыря абаасы. Любил петь песни Христофора Максимова. Умер в с. Зырянка Оймяконского улуса.

Дьячковский Николай Тимофеевич-Дьороџоот (18...-1940) родом из I Жемконского наслега. Кутукаанптыыр Андрей родился в Жемконском наслеге Орджоникидзеvского района. В справочнике «Олонхосуты Якутии» в репертуаре сказителя указывается олонхо «Айыыһыт сиэнэ Аалай маџаас аттаах Алыа Туйгун бухатыыр, Иэйэхсит сиэнэ излэй маџаас аттаах Элис Туйгун бухатыыр» [6, с. 51].

Имя олонхосута Федорова Якова Егоровича (1917–1974), уроженца 2-го Жемконского наслега, упоминается в Цифровом архиве НИИ Олонхо СВФУ. Принимал активное участие в постановках олонхо. Работал заведующим сельского клуба во 2-м Жемконе, участник Великой Отечественной войны, четырежды был ранен. За отвагу награжден орденом Славы III степени.

Имя сказителя Чонкунаан Захара упоминается в анкете олонхосута Н. А. Абрамова-Кыната. Талант известного олонхосута Н. А. Абрамова сильнее раскрылся после прослушивания олонхо в исполнении знаменитых сказителей того времени: таких, как Т. В. Захаров-Чээбий из Эмисского наслега Амгинского улуса, Чункунаан Захар из Жемконского наслега Восточно-Кангаласского улуса, Ырыа Джарбан (местожительство не указано), от которых перенял олонхо «Нюргун Бёгё», «Харалаан Мохсогол», «Ала Булкун», «Сын лошади Дыырай», «Богатырь Айдаан» и др. [3, с. 114].

Киприянов Данил Васильевич (1897–1975) родился 12 февраля 1897 г. в Качикатском наслеге в семье бедняка. Не имел возможности получить образование, но самостоятельно научился читать и считать. С 14 лет до 21 года находился на Ленских приисках. После возвращения с приисков женился, с 1918 г. по 1928 г. занимался сельским хозяйством. В 1928 г. организовал сельхозартель «Буотама төрдө». Затем артель была преобразована в колхоз. С того времени до 1959 г. руководил колхозами «Курун иһэ», «Буотама», «Труд», «III Интернационал», «им. И. В. Сталина». 1940 г. первым из Качикатского наслега был принят в партию. Летом 1942 г. были мобилизованы 32 человека. Он организовал их проводы в виде ысыаха. На проводях было сказано много речей, специально забили скот. Секретарь военкома написал на него жалобу в обком, в котором обвинил его в организации проводов. Обком, рассмотрев жалобу, поддержал инициативу Д. В. Киприянова, вынес вердикт, что если проводить людей, разъясвив при этом, за что они едут воевать, то прекратятся случаи дезертирства и уклонения. Обком вынес распоряжение, что с этого момента необходимо организовывать торжественные проводы на фронт. Таким образом, все обвинения с Данила Васильевича были сняты.

В 1944 г. руководством было принято решение о проведении первого за годы войны национального праздника Ысыах. По этому плану в Орджоникидзеvском районе было проведено 12 ысыахов. Более крупные ысыахи проведены в Немюгюнском, Октемском, Качикатском и Жемконском наслегеvх. И по старым фотографиям видно, как население с большим энтузиазмом готовилось к ысыаху. В проведении организованного с большим подъемом ысыаха немаловажную роль сыграл председатель колхоза «Труд» Д. В. Киприянов. Сам он был знатоком и собирателем народного фольклора: старинных преданий и легенд, сам исполнял тойук и олонхо.

Его заслуги перед республикой и страной отмечены орденом Ленина, Почетными грамотами СССР, РСФСР и ЯАССР [15, с. 224].

Заключение

Таким образом, в Хангаласском улусе выявили имена 78 олонхосутов из разных источников: справочника «Олонхосуты Якутии», библиографического справочника Хангаласской улусной библиотеки, сайта Олонхо, Цифрового архива НИИ Олонхо СВФУ и местных жителей. Мы разделили сказительские традиции хангаласских олонхосутов на 4 локальные группы: мальжагарские олонхосуты, малтанские олонхосуты, олонхосуты округа Эркээни и олонхосуты округа Самыртай.

Из источников видно, что в мальжагарской группе проживали в разные годы около 20 олонхосутов. Мальжагарские наслеги находятся вдоль ямщицкой дороги.

Поэтому имена сказителей были наиболее известными. Их исполнение имели возможность услышать не только местные жители, но и приезжие. В их репертуаре наиболее распространенными олонхо являются «Эр Соботох», «Хаан Дьаргыстай», «Ханалас Боотур».

В Малтанском округе нашли имена 8 сказителей. У многих паспортные данные отсутствуют, репертуары не зафиксированы. В 1921 г. Г. В. Ксенофонов записал олонхо М. Н. Неустроева «Эрэдээх буруйдаах Эр Соготох».

В Эркээнской группе известны 9 имен сказителей-олонхосутов. Все они были выходцами из семьи именитых олонхосутов. Распространенный репертуар «Эр Соботох», «Мүлдүүт Бөбө», «Тойон Дьаҕарыма» и «Бэриэт Бэргэн», зафиксированы олонхо о женщинах-богатырках «Кыыдааннаах кыыс Туйгун Куо бухатыыр» (Богатырка Туйгун Куо), «Икки аҕас-балыс Кыыдааннаах Кыыс Куолар» (Две сестрицы Кыыдааннаах Кыыс Куо), «Кыыһар кугас аттаах Кыыс Туйгун бухатыыр» (Богатырка Кыыс Туйгун).

Л и т е р а т у р а

1. Дьяконова, Н. А. Фольклор Хангаласского улуса // Хангаласский улус : история, культура, фольклор. – Якутск : Бичик, 2007. – С. 178–187.
2. Алексеев, А. Н. Ханалас Боотур : [олонхо] / А. Н. Алексеев ; - Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. – 319 с.
3. Илларионов, В. В. Эпическое наследие народа саха / В. В. Илларионов. – Новосибирск : Наука, 2016. – 344 с.
4. Филиппова, Т. И. Саха театра : 1930-1980 сыллардаагы олоҕуттан ахтыы / Т. И. Филиппова. – Дьокуускай : Бичик, 2000. – 133 с.
5. Мухомлева С. Д. Е. Е. Лукин-Тюммют Джэгёюр : портрет на фоне информантов-собираателей олонхо // Филологические науки. Вопросы теории и практики. В 2-х ч. Ч. 1. – Тамбов : Грамота, 2016. – №3(57). – С. 37- 41.
6. Олонхосуты Якутии : справочник / редкол. : гл. ред. проф. В. Н. Иванов [и др.]. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. – 156 с.
7. Емельянов, Н. В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени / Н. В. Емельянов. – Москва : Наука, 1990. – 216 с.
8. Художественной самодеятельноһы көрүү // Советтар знамялара. – 1944. – Кулун тутар 17 к. – С. 2.
9. Эргис, Г. У. Очерки по якутскому фольклору / Г. У. Эргис. – 2-е изд. – Якутск : Бичик, 2008. – 402 с.
10. Саха сириҥ литературатын уонна культураныҥ деятеллэрэ. Норуот айымньытын дьиэтигэрэн ылыллыбыт матырыйааллар // Рукописный фонд ИГИИПМНС, Ф. 4, оп. 8, д. 24.
11. Ырыаһыттары, олонхоһуттары учуоттыыр анкета : Г. Р. Оконешников // Рукописный фонд ИГИИПМНС, ф. 5, оп. 3, д. 855. – Л. 1–3.
12. Емельянов, Н. В. Сюжеты якутских олонхо / Н. В. Емельянов. – Москва : Наука, 1980. – 375 с.
13. Илларионов, В. В. Түөлбэ олонхоһуттара : олонхолоохун уратылар / В. В. Илларионов. – Дьокуускай : ХИФУ киһигэ кыһата, 2016. – 272 с.
14. Петрова, В. Д. Ведущий диктор якутского радио в 1930-х гг. и защитник Отечества в Великой Отечественной войне Илья Дмитриевич Новгородов. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/veduschiy-diktor-yakutskogo-radio-v-1930-h-gg-i-zaschitnik-otechestva-v-velikoy-otechestvennoy-voyne-ilya-dmitrievich-novgorodov> (дата обращения: 25.11.2023 г.).
15. Киприянова, Л. Д. Самыртай – мин дойдум: Киприянов Данил Васильевич : биография и воспоминания. – Якутск: Якутия, 2018. – 224 с.

References

1. D'yakonova, N. A. Fol'klor Hangalasskogo ulusa // Hangalasskij ulus : istoriya, kul'tura, fol'klor. – Yakutsk : Bichik, 2007. – S. 178–187.
2. Alekseev, A. N. Hanalas Bootur : [olonho] / A. N. Alekseev ; - Yakutsk : Izdatel'skij dom SVFU, 2014. – 319 s.

3. Illarionov, V. V. Epicheskoe nasledie naroda saha / V. V. Illarionov. – Novosibirsk : Nauka, 2016. – 344 s.
4. Filippova, T. I. Saha teatra : 1930-1980 syllardaаҕы oлоҕuttan аһтыы / T. I. Filippova. – D'okuuskaj : Bichik, 2000. – 133 s.
5. Muhopleva S. D. E. E. Lukin-Tyummyut Dzhyyogyoyur : portret na fone informantov-sobiratelej olonho // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. V 2-h ch. Ch. 1. – Tambov : Gramota, 2016. – №3 (57). – S. 37–41.
6. Olonhosuty Yakutii : spravochnik / redkol. : gl. red. prof. V. N. Ivanov [i dr.]. – Yakutsk : Izdatel'skij dom SVFU, 2013. – 156 s.
7. Emel'yanov, N. V. Syuzhety olonho o rodonachal'nikah plemeni / N. V. Emel'yanov. – Moskva : Nauka, 1990. – 216 s.
8. Hudozhestvennaj samodeyatel'nohy koryy // Sovettar znamyalar. – 1944. – Kulun tutar 17 k. – S. 2.
9. Ergis, G. U. Ocherki po yakutskomu fol'kloru / G. U. Ergis. – 2-e izd. – Yakutsk : Bichik, 2008. – 402 s.
10. Saha sirin literaturatyn uonna kul'turatyn deyatellere. Noruot ajymn'ytyn d'ietitten ylyllybyt matyryjaallar // Rukopisnyj fond IGIIPMNS, F. 4, op. 8, d. 24.
11. Yryahyttary, olonhohuttary uchuottyyr anketa : G. R. Okoneshnikov // Rukopisnyj fond IGIIPMNS, f. 5, op. 3, d. 855. – L. 1–3.
12. Emel'yanov, N. V. Syuzhety yakutskih olonho / N. V. Emel'yanov. – Moskva : Nauka, 1980. – 375 s.
13. Illarionov, V. V. Tyelbe olonhohuttara : olonholoohun uratylara / V. V. Illarionov. – D'okuuskaj : HIFU kinige kyhata, 2016. – 272 s.
14. Petrova, V. D. Vedushchij diktory yakutskogo radio v 1930-h gg. i zashchitnik Otechestva v Velikoy Otechetsvennoj vojne Il'ya Dmitrievich Novgorodov. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/veduschiy-diktory-yakutskogo-radio-v-1930-h-gg-i-zaschitnik-otechestva-v-velikoy-otechestvennoj-voynye-ilya-dmitrievich-novgorodov> (data obrashcheniya: 25.11.2023 g.).
15. Kipriyanova, L. D. Samyrtaj – min dojdum: Kipriyanov Danil Vasil'evich : biografiya i vospominaniya. – Yakutsk: Yakutiya, 2018. – 224 s.

ИЛЛАРИОНОВА Туяра Васильевна – к. филол. н., доцент кафедры фольклора и культуры Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: 445325@mail.ru

ILLARIONOVA Tuiara Vasilievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Folklore and Culture, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

КИПРИЯНОВА Юлия Юрьевна – заместитель директора по воспитательной работе МБОУ «Качикатская СОШ им.С. П. Барашкова», МР «Хангаласский улус» Республики Саха (Якутия).

E-mail: yykipr@yandex.ru

KIPRIYANOVA Yulia Yurievna – Deputy Director for Educational Work, S. P. Barashkov Kachikat School, Khangalassky District, Sakha Republic (Yakutia).

УДК 398.1.821.512.157

DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-72-82

Сюжеты и мотивы преданий о Таас Уллунгах в фольклоре и литературе: к вопросу о преемственности фольклорных традиций в литературе

Л. Н. Романова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия

✉ Romanova_lida@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения специфики взаимодействия фольклора и литературы с точки зрения преемственности традиций устной словесности и их художественной интерпретации и трансформации в якутской литературе. До сих пор остаются малоизученными проблемы функционирования и интерпретации в структуре литературного текста фольклорного нарратива. Между тем народные предания и легенды являются одними из важных жанро- и сюжетообразующих компонентов якутской литературы. Новизна исследования заключается в том, что впервые в якутском литературоведении рассматривается процесс формирования сюжетно-мотивного комплекса в народных преданиях об отдельном мифологическом герое в различных вариантах от разных источников и его функционирование в современной якутской литературе. Цель исследования – выявить особенности формирования сюжетно-мотивного комплекса о Таас Уллунгах в фольклористике и специфики его художественной интерпретации в различных жанрах якутской литературы второй половины XX и начала XXI вв. (в историческом романе, драме стихах и поэме). Задачи исследования: 1) сравнение и типология сюжетно-мотивного комплекса в народных преданиях о Таас Уллунгах в фольклорно-этнографических работах Г. В. Ксенофонтова, А. Е. Кулаковского, Д. И. Дьяковского-Сэһэн Боло; 2) выявление особенностей функционирования и трансформации сюжетно-мотивного комплекса, сложившегося в мифо-фольклорных текстах, в драме стихах «Долина Керяйи» и стихотворении «Тыгын и Таас Уллунгах» И. М. Гоголева-Кындыла, историческом романе «Тыгын Дархан» В. С. Яковлева-Далана, в “маленькой” поэме «Таас Уллунгах» Н. И. Харлампьевой. В исследовании применен источниковедческий анализ происхождения основных сюжетов и мотивов в преданиях о сыне Тыгына Таас Уллунгах (Муос Уола) и их сопоставительный анализ в литературных произведениях XX в. Сравнение сюжетов и мотивов преданий в фольклорном нарративе и литературном произведении рассмотрено в контексте взаимодействия двух поэтических систем: устной (зафиксированной в письменной «книжной форме») и литературной. Такой подход позволит обнаружить некоторые общие свойства художественной структуры обеих систем.

Ключевые слова: фольклор, предание, мотив, сюжет, якутская литература, Таас Уллунгах, драма в стихах, исторический роман, поэма.

Для цитирования: Романова Л. Н. Сюжеты и мотивы преданий о Таас Уллунгах в фольклоре и литературе: к вопросу о преемственности фольклорных традиций в литературе. Вопросы национальных литератур. 2023. № 4 (12). С. 72–82. DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-72-82

Plots and motifs of legends about Taas Ullungakh in folklore and literature: on the question of continued folklore traditions in the literature

L. N. Romanova

Institute of Humanitarian Studies and North Indigenous Peoples Problems of the SB RAS, Yakutia, Russia

✉ Romanova_lida@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is due to the need to study the specifics of the interaction of folklore and literature from the point of view of the continuity of oral literature traditions and their artistic interpretation and transformation in Yakut literature. The problems of functioning and interpretation in the structure of the literary text of the folklore narrative are still poorly studied. Meanwhile, folk legends and legends are one of the important genre- and plot-forming components of Yakut literature. A comparison of plots and motifs of legends in folklore narratives and literary works is considered in the context of the interaction of two poetic systems: oral (recorded in written "book form") and literary. The novelty of the research lies in the fact that for the first time in Yakut literary studies, the process of forming a plot-motif complex in folk legends about a separate mythological hero in various versions from different sources and its functioning in modern Yakut literature is considered. The purpose of the study is to identify the features of the formation of a plot-motif complex about Taas Ullungakh in folklore studies and the specifics of its artistic interpretation in various genres of Yakut literature of the second half of the twentieth and early twenty-first centuries. (in historical novel, drama poems and poem). Research objectives: 1) comparison and typology of the plot-motif complex in folk legends about Taas Ullungakh in the folklore and ethnographic works of G. V. Ksenofontov, A. E. Kulakovskiy, D. I. Dyachkovskiy-Sehen Bolo; 2) identification of the features of the functioning and transformation of the plot-motif complex that has developed in mytho-folklore texts, in the drama poems "The Valley of Keryaya" and the poem "Tygyn and Taas Ullungakh" by I. M. Gogolev – Kyndyl, the historical novel "Tygyn Darkhan" by V. S. Yakovlev – Dalan, in the "little" poem "Taas Ullungakh" by N. I. Kharlampieva. The study uses a source analysis of the origin of the main plots and motifs in the legends about Tygyn's son Taas Ullungakh (*Muos Uola*) and their comparative analysis in literary works of the twentieth century. The comparison of the plots and motifs of legends in folklore narrative and literary work is considered in the context of the interaction of two poetic systems: oral (recorded in written "book form") and literary. This approach will allow you to detect some common properties of the artistic structure of both systems.

Keywords: folklore, legend, motif, plot, Yakut literature, Taas Ullungakh, drama in verse, historical novel, poem.

For citation: Romanova L. N. Plots and motifs of legends about Taas Ullungakh in folklore and literature: on the question of continued folklore traditions in the literature. *Issues of National Literature*. 2023. No. 4 (12). Pp. 72–82. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-4-72-82

Введение

Изучение особенностей функционирования и интерпретации устных повествовательных жанров фольклора и их элементов в художественной литературе актуализировано одной из основных задач исторической поэтики – необходимостью «определения роли и границы предания в процессе личного творчества» [1, с. 537]. Если в период формирования младописьменной якутской литературы в начале XX в. фольклорные жанры являлись основной моделирующей категорией, то в процессе развития

литературной традиции освоение устно-поэтических форм, отвечая «условиям нового применения», стало носить иной характер, «оживляясь новым настроением, становясь символом» [1, с. 537], наполняясь новым содержанием и смыслом. Фрагменты фольклорных жанровых форм и их имитации, сюжеты и мотивы, подчиняясь авторскому замыслу, вводятся в тексты современной литературы в качестве архетипической сюжетно-композиционной и образно-мотивной основы произведения, тем самым придавая ему особый (эпический, народно-поэтический) характер, способствующий созданию уникальной национальной картины мира.

В центре нашего внимания находится процесс формирования устойчивого мотивного комплекса о Таас Уллунгахе в фольклорных источниках, который впоследствии вошел в повествовательную структуру литературных произведений во второй половине XX и начале XXI вв.

Мотив, вслед за А. Н. Веселовским, мы рассматриваем как повторяющийся, устойчивый, традиционный элемент фольклорного и литературного повествования. Проблема отношения мотива и сюжета вызывает интерес фольклористов и литературоведов. Базовыми в исследовании сюжета и мотива в фольклоре и литературе являются труды В. Я. Проппа [2], О. М. Фрейденберга [3], Е. М. Мелетинского [4], С. А. Неклюдова [5–6], И. В. Силантьева [7] и др.

Основная часть

Одним из источников творческого вдохновения писателей второй половины XX–начала XXI вв. по своей оригинальной мифологической структуре и романтической природе образа героя стало предание о сыне Тыгына Таас Уллунгахе (варианты имен – Муос-Уол, Кэрэмэс Бэргэн).

Сюжет о герое с неуязвимым телом, кроме одного места, предательски убитом отцом или по его наущению братьями, или хосунами других улусов, может быть отнесен к сюжетам, связанным с «историческими движениями народностей и их борьбой за смену рода», а также с идеализацией героя [1, с. 616].

Предание об этом герое не имеет каких-либо исторически достоверных источников, поэтому речь идет о мифологическом типе героя, но повествование о нем свидетельствует о процессе «утери мифологической основы» и «усилении сказочного, “чудесного” начала» [8, с. 105], что обусловлено идеализацией и гиперболизацией образа героя.

Мифологический образ Таас Уллунгаха имеет общетипологические черты, характерные для преданий многих народов. Он обладает неуязвимым телом, состоящим из рога или кости, имеет уязвимое место под левой подмышкой в виде родимого пятна или “чистого” открытого места, так же, как обмазанный кровью чудовища неуязвимый Зигфрид из «Песни Нибелунгов», убитый копьем в уязвимое место на спине; или Ахилл с уязвимой пяткой; или бронзовотелый Исфаендиар из иранского эпоса, убитый выстрелом в глаз.

В фольклористике и этнографии наиболее известны предания об этом герое, записанные Г. В. Ксенофонтовым, А. Е. Кулаковским, С. И. Дьячковским-Сэсэн Боло. Сравнение этих текстов с точки зрения их жанровых особенностей и стилистики повествования представляется некорректным, т. к. речь идет о разных научных подходах к нарративным текстам, в основном зависящим от источника материала, о разных по объему и языку текстов (тексты двух первых исследователей написаны на русском языке, текст Боло – на якутском языке), но сопоставлению может подлежать корпус устойчивых мотивов и их вариантов.

Нарративные тексты о Таас Уллунгахе или Муос-Уол обозначены в работах Ксенофонтова и Кулаковского как легенды, но в данной статье употребляется термин «предание», т. к. в текстах изложены события, повествующие о судьбе героя, которые не подтверждены фактическими свидетельствами и носят недостоверный, во многом мифологизированный характер, и зафиксированы только из устных источников. Но при

этом они не имеют самостоятельного, независимого характера, неизменно прикреплены к легендарному циклу о Тыгыне.

Г. В. Ксенофонов по крупицам воспроизводит якутские легенды в своей работе «Эллэйада» [9]. Его научный принцип считать легендой «связный рассказ», который имеет «круг распространения и бытует в изустной памяти народа во многих редакциях, расходящихся в мелочах, но повторяющий один устойчивый сюжет о судьбах тех или других излюбленных героев» [10, с. 185] распространяется и на корпус текстов о Муос-Уол и / или Таас Уллунгах.

В «Эллэйаде» предания о сыне Тыгына Таас Уллунгах (Муос-Уол) или его упоминание в связи с деяниями Тыгына включены в главы «Легенды Кангаласского улуса об эпохе Тыгына – повелителя якутов» и «Легенды Мархинского улуса». Из 10 легенд, касающихся Таас Уллунгах или Муос-Уол, только 3 имеют прямое указание на имя героя (№№ 86, 112 «Муос-Уол», № 102 «Сын Тыгына Таас Уллунгах»). Остальные предания об этом персонаже относятся к деяниям Тыгына: №№ 70, 83 «Истребление Тыгином детей», №№ 97, 99 «Избиение Тыгином детей», № 94 «Тыгыниды», № 219 «Тыгын – властелин якутов». Также убийство Муос-Уола и Таас Уллунгах упоминаются в предании «Бегство якутов на Виллюй» (№ 203).

Данный персонаж иногда предстает как родной сын Тыгына (от худой нелюбимой жены или младший сын), иногда как приемный сын или сын некой вдовы. В записях от разных информантов имя сына Тыгына «с каменными ступнями» варьируется. В основном в ксенофоновских записях он предстает как Муос-Уол (Роговой сын или Сын из рога. №№ 70, 86, 99, 112), но иногда Муос-Уол и Таас Уллунгах предстают как два отдельных персонажа (№№ 97, 219).

В преданиях сохраняется однотипный сюжет от разных информантов – вероломное убийство спящего героя на вершине горы Чочур Мыраан из-за опасений его превосходства над отцом или братьями, или соседними племенами. Имена убийц варьируются: отец Тыгын, брат Чаллаайы, старший брат (без имени), пастух, табунщик Кыгычкын. В большинстве случаев это клановое убийство, т. е. убийство совершается его близкими людьми.

Устойчивы мотивы: «чудесного» неуязвимого, кроме одного места под левой подмышкой, тела героя (на слабое, уязвимое место героя указывают или мать, или няня, или нянчивший его во младенчестве пастух); неимоверной силы героя (от его дыхания клонились деревья и травы); пространственной локации героя (вершина горы Чочур Мыраан, которую выбирает сам герой для проживания или его поселяет туда отец); убийства во сне как нарушение этических норм, обычаев; предсмертные слова-предсказания героя о том, что убийцы в будущем пожалеют об его отсутствии. Эти мотивы составляют основной каркас сюжета преданий в разных вариантах от разных информантов.

Пример преданий о Муос-Уол / Таас Уллунгах свидетельствует о том, насколько важно было Г. В. Ксенофонову как исследователю не только «удостовериться» в «легендарности и народности данного рассказа», но и «установить все его характерные составные элементы: что в них постоянно, устойчиво и что явилось в результате индивидуального творчества или интерпретации отдельных рассказчиков» [10, с. 186]

Предание (легенда) о Таас Уллунгах А. Е. Кулаковского относится к сеймчанскому периоду его жизни, о чем свидетельствует запись в дневнике 1923 г. [11, с. 26]. Предание впервые опубликовано в 1979 г. в «Научных трудах» А. Е. Кулаковского [12]. Исследователь подходит к преданиям-легендам так же, как и к «Материалам для изучения верования якутов», с точки зрения «природного якута», впитавшего «в себя вместе с молоком матери» устные традиции родного народа, потому «никаких ссылок на разные источники, за редкими исключениями» не указывает [12, с. 8].

Нельзя отрицать того, что Кулаковский к преданиям подходит с позиций поэта, о чем свидетельствует композиционное строение текста и стиль повествования, исходящие из авторской оценочности изображаемых событий. Легенды в записи поэта приобрели специфически «книжные», письменные средства языковой выразительности и литературной стилистики [6].

Повествование о Таас Уллунгахе у Кулаковского строится на «биографическом» строении сюжета: от рождения героя до его смерти. События в повествовании даются в причинно-следственной связи, с объяснением происхождения имени героя, исходя из физиологических особенностей его тела (каменный нарост из сухожилий на ногах и руках), с мотивировкой его убийства. Мотива неуязвимости тела героя в предании поэта нет, упоминается лишь то, что он был «замечательно сильным человеком».

Поэт не старается сохранить и передать особенности устного текста (это, наверно, и невозможно в полной мере воспроизвести в переводном тексте). Для Кулаковского был важен сам сюжет о «судьбе» Таас Уллунгаха, который сложился из типических традиционных мотивов, бытовавших в устной традиции: опасения отца превосходства сына; пространственная локация героя (верхушка горы Чочур Мыраан); убийство спящего Таас Уллунгаха противниками Дыгына (вилюйцами); смерть наступает в результате поражения уязвимого места под левой подмышкой.

Редким (не зафиксированным в других фольклорных источниках) мотивом в предании, записанном Кулаковским, является мотив участия в убийстве героя шамана и отмщения убийцам братом-калейкой Таас Уллунгаха. В целом текст Кулаковского представляет собой переложение сюжета предания с объяснением происхождения имени героя, мотивировкой действий отца и убийц, причем с объяснением некоторых этнических обычаев («... в старину ратные люди без шамана не ездили», «Убивать [сонного] врага или даже медведя в те времена считалось делом позорным и недостойным для доброго имени честных людей»). Таким образом легендарный сюжет у Кулаковского не только наполняется утилитарно-бытовыми подробностями, но и наполняется психологическими и этнографическими мотивировками.

Текст «Таас Уллунгах, сын Дыгына», записанный С. И. Боло и опубликованный в 1995 г. в книге «Предания, легенды и мифы саха (якутов)» в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» в силу того, что написан на якутском языке, точнее передает жанровые и стилистические особенности предания [13]. Как писали составители этого научного издания «тексты воспроизводятся без каких-либо искажений и литературного вмешательства, с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка» [13, с. 7]. Согласно этому тексту, предание о сыне Дыгына Таас Уллунгахе представлено со строгим соблюдением народной риторики и композиции, проявленных в языковом оформлении текста, передающем особенности устной речи информанта.

Герой в записи Боло предстает как необузданный, неуправляемый ребенок («түнкэтэх хааннаах оҕо»). Однако мотивный комплекс, составляющий сюжет повествования, устойчив и традиционен: у героя полностью костяное неуязвимое тело с уязвимым местом под левой подмышкой (на которое по неосторожности указывает убийцам мать героя); обитание героя на верхушке горы; ревность и страх отца, что сын превзойдет его по силе; убийство спящего героя хосунчахом, подговоренным Тыгыном.

Рассмотренные записи преданий о Таас Уллунгахе / Муос-Вол различаются не только источниковедческой базой, но и своими размерами, мифологизированной картиной мира, аксиологическими акцентами. Кроме того, важен подход к самому материалу: Кулаковский здесь выступает, прежде всего, как носитель устной традиции, но при этом в его записях легенд и преданий есть следы литературной обработки. А Ксенофонов и Боло как исследователи воспроизводят различные варианты преданий, скрупулезно восстанавливая их устойчивые, инвариантные компоненты, и выявляя

новые элементы, опираясь на разные источники. При этом для исследователей важна география распространения и бытования преданий, чтобы определить устойчивость или вариативность сюжетно-мотивных компонентов.

В основном во всех преданиях Таас Уллунгах предстает в оппозиции к отцу. При этом мировоззренческого конфликта между персонажами в преданиях не наблюдается. Есть лишь мотив опасения отца, что неуправляемый, необузданный младший сын будет в будущем превосходить его и братьев по силе и ловкости.

Мотивный комплекс в фольклорных нарративах складывается из трех составляющих: *имени–локуса–события*. «Говорящее» имя (Таас Уллунгах / Муос-Уол) дает портретную характеристику герою предания, подчеркивает его неуязвимость, силу, что служит поводом для опасений отца и/или противников хангаласцев. Его пространственная локация (*локус*), место обитания вершина горы, свидетельствует, с одной стороны, об его оторванности от семейного клана и возвышения над другими людьми; с другой – возможно, о его исключительности, особом предназначении, избранности божествами Верхнего неба. *Событие* – убийство спящего героя (отцом / братьями / вилюйцами) становится нарушением этических норм и древних обычаев. И во многих текстах устойчивым остается мотив предсмертных слов-предсказаний героя о том, что в будущем убийцы будут жалеть о его отсутствии.

В наше время устные предания и легенды закрепились в сознании народа в письменной, «книжной» форме. Поэтому есть основание говорить о том, что предания, записанные Г. В. Ксенофонтовым, А. Е. Кулаковским и С. И. Боло, стали для многих современных авторов моделирующей базой для литературных опытов.

Сюжет о Тыгыне и его сыне Таас Уллунгахе в литературных произведениях трансформируется, согласно авторскому замыслу и наполняется новым содержанием. Теперь конфликт отца и сына приобретает мировоззренческий характер.

В литературе сохраняется мотивная модель предания о Таас Уллунгахе – *имя–локус–событие*, но функционирование этой модели приобретает, по воле авторов, не только утилитарно-бытовой, но и психологический и/или философский характер.

Несомненно, что образ Таас Уллунгаха в литературе так же, как и в фольклоре всегда предстает в контексте образа Тыгына. Возникая в композиции произведения чаще всего в качестве дополнительной, второстепенной сюжетной линии, созвучной главной фабуле, предание о Таас Уллунгахе закрепляет историческую и психологическую оценку образа Тыгына и художественную интерпретацию его поступков, деяний.

К мифу о Таас Уллунгахе не раз возвращался в своем творчестве И. М. Гоголев-Кындыл. Легенды и предания введены в поэтическую систему Гоголева (в прозе, драме, лирике) как маркер индивидуально-авторского стиля.

Трагическая коллизия Тыгына и его сына становится одной из заглавных сюжетных линий в драме в стихах «Долина Керяйи» («Киэн Күөрээйи») и главной темой произведения «Тыгын и Таас Уллунгах», вошедшего в цикл «Легенды Лены» в поэме «Песни о Лене».

В 1968 г. его драма «Долина Керяйи» единственный раз ставилась на сцене Якутского драмтеатра, но была запрещена к показу и печати, якобы из-за националистической идеи. Этот один из первых и наиболее полных вариантов драмы в стихах «Утро Туймаады», который был опубликован лишь в 2015 г. [14].

Сюжетная линия о Таас Уллунгахе становится заглавной в композиции драмы. Появившись в первом акте как действующее лицо Таас Уллунгаха проходит сквозной линией по всему тексту и становится драматическим триггером, который приводит к постоянному репереживанию персонажами его убийства, как травмирующего события.

В драме впервые в якутской литературе (еще задолго до романа В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан») обозначилась идея о Тыгыне не просто как повелителе и поработителе племен, но и правителе, жаждущем объединить народ саха. Это дало импульс трактовке образа Тыгын Дархана как основателя идеи сплочения народа саха во всех культурных

текстах современности (исторических, фольклористических, литературоведческих, этнографических, философских и т. д.)

Тыгын и Таас Уллунгах в драме Гоголева противопоставлены. Клановый конфликт (между отцом и сыном, Таас Уллунгахом и братьями) перерастает в оппозицию идеи войны и мира. В отличие от фольклорного мотива, конфликт отца и сына – это конфликт видений картины мира, противостояние мировоззрений.

Мотивный комплекс, сформировавшийся в фольклоре, служит архетипической основой сюжета всего произведения. При сохранении основных мотивов предания о Таас Уллунгах поэт придает этому сюжету иной драматический характер. Теперь сын Тыгына не просто невинная жертва, как в фольклоре, вызвавшая опасения у отца своими физическими способностями, а активный противник идеологии отца, выражающий свое неприятие кровавого достижения власти отцом. Смерть Таас Уллунгаха становится в драме началом заката власти Тыгына. Убийство спящего Таас Уллунгаха как большой грех, нарушение незыблемых этических норм и древних обычаев становится символом нарушения жизненного баланса. Рефреном в драме звучит идея о том, что Таас Уллунгах в будущем мог бы привести свой народ к процветанию и миру.

В «Долине Керяйи» сюжетная ситуация о Таас Уллунгах представляет собой тип «развернутых» мотивов, «пульсирующих», движущих сюжет [5, с. 238]. Так, мотив превосходства по силе и ловкости, неуязвимости, который в фольклорных текстах только указывается в портретной характеристике, «развернут» в диалоге Таас Уллунгаха с его наставником Аннысар Боотур. Здесь герой наравне с боевой закалкой, которому обучает наставник, проходит своеобразную инициацию, выражая свое отношение к отцу, к его желанию поработить все племена, и в целом утверждая свое видение мира. Заявление Таас Уллунгаха о желании стать ровней великому отцу, а затем и превзойти его, становится пусковым механизмом, завязкой драматической ситуации.

Также развернут мотив убийства спящего на горе Таас Уллунгаха. Монолог Тыгына, пришедшего убить сына, но не решившегося на этот шаг, и реплики Бегюл Бега, убившего Таас Уллунгаха, приняв его за сына врага Тыгына Легея – Тереня, разворачивают фольклорный мотив до уровня сюжетной ситуации. Разложение, развертывание, разрастание фольклорного мотива в целом являются характерной чертой мифопоэтики Гоголева [15].

В 1970-е гг. Гоголев возвращается к поэтической интерпретации легенд и преданий в своих поэмах «Песнь о Лене» и «Письмена на бивне мамонта».

Хотя в названии произведения «Тыгын и Таас Уллунгах» в трилогии «Легенды Лены» в поэме «Песнь о Лене» подразумевается некое равенство, но главной темой здесь является драма Тыгына как отца. Сюжетная линия Таас Уллунгаха занимает основную часть, но служит психологической характеристике Тыгына. Композиция произведения имеет рамочное строение: повествование начинается с портрета властного, воинствующего Тыгына и заканчивается изображением некогда сильного, но одряхлевшего, беззащитного властителя.

Сюжет основной части развертывает мотивы предания о Таас Уллунгах в контексте семейных взаимоотношений. Устойчивые мотивы защищенности тела героя роговой чешуей и уязвимого места под подмышками, опасения Тыгына превосходства сына, убийство спящего сына «черной тенью» на вершине Ытык Хайа обуславливают развитие сюжета произведения. Фабульная интрига убийства спящего Таас Уллунгаха черной тенью, прокрадшейся к спящему и вонзившей в него копье, придает произведению авантюрно-детективный характер с элементами психологической драмы.

В стихотворении развернут мотив вероломного убийства сына Тыгына в виде рассказа балладного типа, в котором присутствуют элементы загадочного, таинственного, недоговоренного, необъяснимого и трагически неразрешимого. Устойчивый мотивный комплекс создает мрачный колорит произведения, трагическую обреченность героев (Таас Уллунгаха и самого Тыгына), неотвратимость наказания за грехи.

Возрастание интереса якутской литературы к народной мифологии и фольклорному наследию (хотя он никогда и не ослабевал в якутской литературе) в связи с ростом национального самосознания, утверждением суверенитета республики, отмечено выходом романа В. С. Яковлева-Далана «Тыгын Дархан» [16]. Роман стал явлением общенационального значения, символом выражения национального достоинства и самоуважения.

Роман Далана – новаторское явление по своей художественной форме. Он представляет собой масштабное развертывание фольклорного нарративного сюжета о Тыгын Дархане со множеством сюжетных ситуаций и мотивных разветвлений. Произведение полисюжетно, что обусловлено не только широчайшим охватом событий и персонажей, но и обширным мотивным комплексом.

Сюжетная линия о судьбе Таас Уллунгаха дана в романе пунктирно. Его образ передается через «чужую» речь – воспоминания разных персонажей о нем (разговор на сенокосе, рассказ о нем Ходжутаана младшим сыновьям Тыгына, воспоминания Тыасааны и Ньырбакаан о Кэрэмэс Бэргэне). Рассказ Ходжутаана детям о *старшем* сыне Тыгына Таас Уллунгахе, по сути, и есть само предание. Автор сохраняет жанровые особенности и стилистику народного предания. Мотивы, которые составляют сюжет рассказа Ходжутаана, повторяют традиционную схему архетипического сюжета: имя–локус–событие.

Символика имени героя в рассказе Ходжутаана играет существенную роль в раскрытии его образа и в дальнейшем «закадровом» его существовании в структуре романа. Настоящее имя героя, по рассказу Ходжутаана, Кэрэмэс Бэргэн. Таким именем он упоминается в воспоминаниях близких ему людей (Ходжутаана, Ньырбакаан, Тыасааны). Мотивы неимоверной силы и ловкости, неуязвимого тела с уязвимым местом в подмышках соотнесены с его именем и прозвищами. Так, в рассказе Ходжутаана сохраняется мифологизированный образ героя.

Возникшее в романе новое имя этого героя – Кэрэмэс, также значимо для раскрытия его образа. Кэрэмэс обозначает в якутском языке масть коня – “темно-серый”. Сочетание с именованием “Бэргэн” (меткий, ловкий) – Кэрэмэс Бэргэн – дает дополнительную эмоционально-экспрессивную характеристику образа, выражающую особую силу, ловкость героя и в то же время его необузданность и ретивость.

Имя сына Тыгына изначально табуировано в романе. Работники Тыгына с оглядкой и страхом называют его имя. Табуированность имени в какой-то мере объясняется в последующем диалогами Тыасааны и Ньырбакаан, в которых сквозит некая недосказанность, таинственность, имплицитно подтверждающая версию сыноубийства.

Пространственной локацией героя остается вершина горы Чочур Мыраан. Чочур Мыраан приобретает символическую силу в романе в целом. Это место силы героя. Но оно в романе приобретает двоякое значение: в рассказе Ходжутаана сохраняется устойчивый мотив обитания героя на вершине горы из-за того, что он не переносил духоту в низовьях Туймаады, а в воспоминаниях Ньырбакаан Кэрэмэс переселяется (строит юрту) на вершине Чочур Мыраана в результате ссоры и вражды с отцом. Там он собирает вокруг себя молодежь, обостряя конфликт отцов и детей.

Событие (убийство Таас Уллунгаха) так же, как и в фольклорном нарративе, в рассказе Ходжутаана дается в причинно-следственной связи: опасения врагов хангаласцев взросления и обретения силы сыном Тыгына как угрозы их будущности, что приводит к нарушению древнего завета, обычая – убийства спящего, не способного себя защитить, человека.

Предание о Таас Уллунгахе в воспоминаниях Ньырбакаан развертывается в ином качестве. Перед читателем предстает рассказ не о мифологическом герое со сказочными, «чудесными» свойствами, а о «реальном» живом человеке со своими чувствами, мыслями, переживаниями. Воспоминание о Кэрэмэсе дается в контексте проблемы отцов и детей, их противостояния. Кэрэмэс отказывается быть наследником идей отца («Абаа, мин эн

хааннаах сырыыларгар аргыс буолбаппын» досл. “Отец, я не буду спутником на твоём кровавом пути”) и отчуждается от него.

Таким образом, предание о Таас Уллунгахе в романе Далана представлено как бы в зеркальном отражении в двух вариантах – с сохранением жанровых, композиционных, сюжетно-мотивных, стилистических особенностей фольклорного нарратива в одном повествовании (близкое к цитированию устного нарратива), где герой предстает как мифологический образ; и в виде воспоминания о «реальном» живом человеке, с которым персонажи романа непосредственно взаимодействовали. Но второе повествование не лишено идеализации героя в стиле устного нарратива.

Образ Таас Уллунгаха в романе, реализуясь в структуре романа лишь как память о нем, становится символом стремления к свободе и непринятия кровавого пути в достижении мира – Ил.

В произведениях Гоголева и Далана образ Таас Уллунгаха выступает как противостоящая Тыгыну сила, манифестирующая идею неприятия войны, кровопролития, междоусобиц между кланами.

В современной якутской литературе образ Таас Уллунгаха продолжает существовать в романтическом ключе. Женское осмысление судьбы героя предстает в «маленькой» поэме Натальи Харлампьевой «Таас Уллунгах» [17]. Лирический сюжет поэмы строится на полифонической композиции – через голоса четырех лирических субъектов: современной женщины, сестры Таас Уллунгаха Тыасааны, его матери и возлюбленной, оплакивающих убитого героя.

Монолог современной женщины служит обрамлением трех монологов-песен: тойук Тыасааны, причети матери и элегической песни возлюбленной. Фольклорные мотивы предания о мифологическом герое вкраплены в их песни (Чочур Мыраан, физическая сила, неуязвимость героя, убийство спящего, как нарушение обычая). Изначально в экспозиции (монологе современной женщины) отрицается, не приемлется мотив сыноубийства.

Несмотря на то, что сюжет поэмы основан на устно-народном нарративе, в лирическом повествовании устойчивые мотивы не функционируют в поэме как движущий элемент сюжета, они выполняют роль «отсылки», подтверждения фольклорного происхождения лирического сюжета. Здесь мы можем наблюдать, как повествовательная формула фольклорного мотива трансформируется в лирический мотив, в котором не столь важно событийное начало предания, а существенно выражение лирического переживания, воплощение в мотиве чувств и эмоций лирического субъекта.

Заключение

Предания о Таас Уллунгахе вошли в литературный фонд в текстах, в которых философски осмысливаются «вечные» проблемы человеческих взаимоотношений на уровне семьи, племени и человеческого сообщества в целом. Образ этого героя в литературе закрепился как романтический герой, который противостоит установленным нормам и условностям, он одинок в своих устремлениях и взглядах, оторван от остального общества (место обитания на вершине горы Ытык Хайа или Чочур Мыраан), выбирает свободу, не приемлет войны, кровопролития.

Активность устойчивых мотивов в структуре разножанровых текстов свидетельствует о продуктивности фольклорного нарратива. При этом в авторской интерпретации фольклорные мотивы трансформируются в литературные (лирические, драматические, трагические) мотивы.

Авторы рассмотренных литературных произведений строят свои тексты так, что фольклорный мотив служит иллюстрацией, подтверждением авторской позиции в произведении, данной сквозь призму «народного мировосприятия». Интерпретация авторами легенды, предания становится ключевой в понимании произведения – романа, поэмы, драмы в стихах – в целом наличие подобных внутренних сюжетно-мотивных конструкций в литературных текстах можно расценивать как концептуально-значимое и структурообразующее.

Л и т е р а т у р а

1. Веселовский, А. Н. Избранное : Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 688 с.
2. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Москва : Лабиринт, 2001. – 192 с.
3. Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра : период античной литературы / О. М. Фрейденберг. – Москва : Лабиринт, 1997. — 448 с.
4. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – Москва : Наука, 1976. – 407 с. – (Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока»).
5. Неклюдов, С. А. Мотив и текст / С. А. Неклюдов // Язык культуры : Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). – Москва : Индрик, 2004. – 498 с.
6. Неклюдов, С. А. О слове устном и книжном / С. А. Неклюдов // Живая старина, 1994. – № 2. – С. 2–3.
7. Силантьев, И. В. Поэтика мотива / И. В. Силантьев. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 295 с.
8. Покатилова, Н. В. Предания как фольклорный текст : «верхоянский» локус от Г. В. Ксенофонтова до А. А. Саввина / Н. В. Покатилова // Северо-Восточный гуманитарный вестник, 2022. – № 4 (41). – С. 100–109.
9. Ксенофонтов, Г. В. Эллэйада : Материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Г. В. Ксенофонтов. – Москва : Наука, 1977. – 247 с.
10. Ксенофонтов, Г. В. Ураангхай-сахалар : Очерки по древней истории якутов. Т.1. 1-я книга / Г. В. Ксенофонтов. – Якутск : Национальное издательство РС (Я), 1992. – 416 с.
11. «Сеймчанский дневник» А. Е. Кулаковского. 1923-1924 гг. / Составители Р. Р. Кулаковская, Н. С. Степанова. – Якутск : Бичик, 2018. – 64 с.
12. Кулаковский, А. Е. Научные труды / А. Е. Кулаковский. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1979. – 484 с.
13. Дыгын уола Таас Уллунгах (Таас Уллунгах, сын Дыгына // Предания, легенды и мифы саха (якутов). – Новосибирск : Наука, 1995. – С. 102–104.
14. Гоголев, И. М. (Кындыл). Кизн Күөрээйи / И. М. Гоголев // Айымньылар: в 5-ти т. – Дьокуускай : Бичик, 2015. – Т. 5. Драмалар. – С. 64 - 155.
15. Гоголев, И. М. Тыгын уонна Таас Уллунгах (Тыгын и Таас Уллунгах) / И. М. Гоголев // Түөрт саҕах (Четыре горизонта). – Якутск : Книжное издательство, 1980. – С. 272–275.
16. Яковлев-Далан, В. С. Тыгын Дархан : роман. / В. С. Яковлев-Далан. – Дьокуускай : Бичик, 1993. – 509 с.
17. Харлампыева, Н. И. Таас Уллунгах / Н. И. Харлампыева // Ыһыах кэnnэ (После ысыаха). – Дьокуускай : Бичик, 2012. – С. 93–107.

References

1. Veselovskij, A. N. Izbrannoe : Istoricheskaya poetika / A. N. Veselovskij. – Moskva : Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2006. – 688 s.
2. Propp, V. Ya. Morfologiya volshebnnoj skazki / V. Ya. Propp. – Moskva : Labirint, 2001. – 192 s.
3. Frejdenberg, O. M. Poetika syuzheta i zhanra : period antichnoj literatury / O. M. Frejdenberg. – Moskva : Labirint, 1997. — 448 s.
4. Meletinskij, E. M. Poetika mifa / E. M. Meletinskij. – Moskva : Nauka, 1976. – 407 s. – (Seriya «Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka»).
5. Neklyudov, S. A. Motiv i tekst / S. A. Neklyudov // Yazyk kul'tury : Semantika i grammatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Il'icha Tolstogo (1923–1996). – Moskva : Indrik, 2004. – 498 s.
6. Neklyudov, S. A. O slove ustnom i knizhnom / S. A. Neklyudov // Zhivaya starina, 1994. – № 2. – S. 2–3.
7. Silant'ev, I. V. Poetika motiva / I. V. Silant'ev. – Moskva : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – 295 s.

8. Pokatilova, N. V. Predaniya kak fol'klornyj tekst : «verhoyanskij» lokus ot G. V. Ksenofontova do A. A. Savvina / N. V. Pokatilova // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik, 2022. – № 4 (41). – S. 100–109.
9. Ksenofontov, G. V. Ellejada : Materialy po mifologii i legendarnoj istorii yakutov / G. V. Ksenofontov. – Moskva : Nauka, 1977. – 247 s.
10. Ksenofontov, G. V. Uraanghaj-sahalar : Ocherki po drevnej istorii yakutov. T.1. 1-ya kniga / G. V. Ksenofontov. – Yakutsk : Nacional'noe izdatel'stvo RS (YA), 1992. – 416 s.
11. «Sejmchanskij dnevnik» A. E. Kulakovskogo. 1923-1924 gg. / Sostaviteli R. R. Kulakovskaya, N. S. Stepanova. – Yakutsk : Bichik, 2018. – 64 s.
12. Kulakovskij, A. E. Nauchnye trudy / A. E. Kulakovskij. – Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. – 484 s.
13. Dygyn uola Taas Ullunrah (Taas Ullungah, syn Dygyna // Predaniya, legendy i mify saha (yakutov). – Novosibirsk : Nauka, 1995. – S. 102–104.
14. Gogolev, I. M. (Kyndyl). Киҥҥ Кыҕэҕи / I. M. Gogolev // Ajymn'ylar: v 5-ti t. – D'okuuskaj : Bichik, 2015. – T. 5. Dramalar. – S. 64–155.
15. Gogolev, I. M. Tygyn uonna Taas Ullunrah (Tygyn i Taas Ullungah) / I. M. Gogolev // Tyört saǵah (Chetyre gorizonta). – Yakutsk : Knizhnoe izdatel'stvo, 1980. – S. 272–275.
16. Yakovlev-Dalan, V. S. Tygyn Darhan : roman. / V. S. Yakovlev-Dalan. – D'okuuskaj : Bichik, 1993. – 509 s.
17. Harlamp'eva, N. I. Taas Ullunrah / N. I. Harlamp'eva // Yhyah kenne (Posle ysyaha). – D'okuuskaj : Bichik, 2012. – S. 93–107.

РОМАНОВА Лидия Николаевна – к. филол. н., в. н. с. отдела фольклористики и литературоведения, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: Romanova_lida@mail.ru

ROMANOVA Lidia Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, Department of Folklore and Literary Studies, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences.

УДК 398.22 (=512.157)

DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-83-91

Особенности олонхо «Дугуйа Бёгё» (к постановке комплексного изучения)

М. Т. Сатанар

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ satanar68@mail.ru

Аннотация. В условиях внедрения постнеклассических парадигм в изучении устного народного творчества своевременным представляется обращение к одному из ярких образцов народного творчества северной локальной традиции – к тексту олонхо «Дугуйа Бёгё», высоко оцененного в свое время с научной точки зрения фольклористами С. И. Боло, В. М. Никифоровым, историком А. П. Окладниковым. Новизна настоящего исследования заключается в попытке обозначить пути дальнейших исследований текста этого своеобразного олонхо, а также прилагаемой к нему карты эпического мироздания, содержащей ценные сведения об исторических, этнографических, топонимических, гидронимических фактах. Цель настоящей статьи – выделить особенности языковой ткани, структуры, семантики, семиотики олонхо «Дугуйа Бёгё» и обозначить вектор комплексного обсуждения проблем в его исследовании. В работе реализуется исторический подход, используются методы обзора, герменевтики, обобщения, структурный и функциональный анализы. Автор останавливается на описании структурной организации, некоторых семантических особенностей, специфики системы образов, насыщенности знаковой системы, своеобразия языковой ткани, многообразия применений художественно-изобразительных средств, жанровых взаимоотношений в исследуемом олонхо. Сообщается, что наблюдение в тексте элементов сарказма, юмора и иных форм комического, возможно, указывает на былое бытование и развитие национальной сатиры в оймьяконской традиции. Автор приходит к выводу о необходимости разностороннего исследования текста и эпической карты модели мира олонхо «Дугуйа Бёгё» в ракурсе знаний и методов других наук – истории, этнографии, лингвистики, географии, семиотики, мифологии, что и обозначает перспективы направлений дальнейшей работы с данным многоуровневым и многомерным эпическим текстом.

Ключевые слова: олонхо, локальная традиция, образ, структура сюжета, мотив, мифический пантеон божеств, богатырь айыы, географический мир, шаманская космология, карта модели мира, художественные средства.

Для цитирования: Сатанар М. Т. Особенности олонхо «Дугуйа Бёгё» (к постановке комплексного изучения). Вопросы национальных литератур. 2023. № 4 (12). С. 83–91. DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-83-91

Features of the olonkho "Duguya Bege" (towards the formulation of a comprehensive study)

M. T. Satanar

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ satanar68@mail.ru

Abstract. In the context of the introduction of post-non-classical paradigms in the study of oral folk art, it seems timely to turn to one of the brightest examples of folk art of the northern local tradition - the text of olonkho "Duguya Bege", highly appreciated at one time from a scholarly point of view by folklorists S. I. Bolo, V. M. Nikiforov, historian A. P. Okladnikov. The novelty of this study lies in an attempt to identify the ways of further research of the text of this peculiar olonkho, as well as the map of the epic universe attached to it, containing valuable information about historical, ethnographic, toponymic and

© Сатанар М. Т., 2023

hydronymic facts. The purpose of this article is to highlight the features of the linguistic fabric, structure, semantics, semiotics of the olonkho "Duguya Bege" and to identify the vector of a comprehensive discussion of problems in its research. The work implements a historical approach, uses methods of review, hermeneutics, generalization, structural and functional analyses. The author dwells on the description of the structural organization, some semantic features, the specifics of the image system, the saturation of the sign system, the originality of the linguistic fabric, the variety of applications of artistic and visual means, genre relationships in the studied olonkho. It is reported that the observation of elements of sarcasm, humor and other forms of comic in the text may indicate the former existence and development of national satire in the Oymyakon tradition. The author comes to the conclusion about the need for a comprehensive study of the text and the epic map of the olonkho world model "Duguya Bege" from the perspective of knowledge and methods of other sciences – history, ethnography, linguistics, geography, semiotics, mythology, which indicates the prospects for further work with this multilevel and multidimensional epic text.

Keywords: Olonkho, local tradition, image; plot structure, motif, mythical pantheon of deities, aiyy hero, geographical world, shamanic cosmology, world model map, artistic means

For citation: Satanar M. T. Features of the olonkho «Duguya Bege» (towards the formulation of a comprehensive study). Issues of National Literature. 2023. No. 4 (12). Pp. 83–91. DOI 10.25587/2782-6635-2023-4-83-91

Введение

О научном интересе фольклориста С. И. Боло к тексту олонхо «Дугуйа Бёгё» М. Ф. Аммосова – одного из талантливых олонхосутов Земли Оймяконья середины XX в., и вместе с тем о закладывании основы его дальнейшего исследования, помимо составления словаря диалектизмов, ведения подробного дневника, свидетельствуют составление фольклористом карты эпической модели мира, исходя из содержания данного произведения. В мае 1942 г. С. И. Боло был составлен доклад «Патриотические традиции в якутском историческом фольклоре», в научной ценности которого П. В. Винокуров отметил следующее: «В этой работе Сэсэн Иванович широко использовал олонхо “Дугуйа Бёгё”, записанное им лично от сказителя М. Ф. Аммосова в Оймяконском районе. В образах богатырей Нижнего мира (абаасы) он видит “отражение реальных сил, враждебных народу”, с которыми борется герой олонхо – народный защитник, патриот. Близок к реальности и географический мир, в котором происходят былинные события, что с замечательной наглядностью показано в описании Сэсэнном Ивановичем картины мира в этом произведении. Известно, что С. И. Боло составил по содержанию олонхо и карту мира, высоко оцененную А. П. Окладниковым как материал, суммирующий представления древних якутов о вселенной, отображающий их географический кругозор и использованный им в своей работе “Якутия до присоединения к Российскому государству”» [1, с. 12– 13]. Академиком Окладниковым дано описание эпической карты олонхо «Дугуйа Бёгё» с комментариями на заметки С. И. Боло [2, с. 426–428]. Блестящий пример научного изучения олонхо М. Ф. Аммосова был дан В. М. Никифоровым. Исследователь анализировал историю записи и особенности сюжетосложения, подчеркнул историческую и этнографическую ценность диалектизмов языка олонхо, предпринял попытку пояснения топонимов эпической карты, нарисованной С. И. Боло [3].

В 2017 г. архивный текст олонхо «Дугуйа Бёгё» на языке оригинала был включен в книгу «Өймөкөөн олонхолоро» («Олонхо Оймяконского улуса») – в 21 том серии «Саха боотурдара» («Якутские богатыри»). Справочно-научный аппарат был составлен фольклористами В. В. Илларионовым и Н. А. Оросиной [1]. В 2023 г. в рамках проведения Ысыаха Олонхо в Оймяконском улусе текст олонхо переиздан отдельной книгой на двух языках (на языке оригинала и с поэтическим переводом на русский язык, сделанным А. Е. Шапошниковой – членом Союза писателей России). Научный аппарат переиздания обновлен и дополнен фольклористами М. Т. Сатанар, А. А. Борисовой [4]. В условиях постнеклассических подходов в изучении фольклорных текстов этот уникальный материал привлекает большой интерес как со стороны содержательной, так и структурной точек зрения на стыке разных наук. К настоящему времени в якутской эпосоведческой науке продолжает обновляться аналитический инструментарий, обозначаются новые ракурсы исследований. Таким образом, своевременной представляется актуализация постановки проблемы комплексного исследования текста олонхо «Дугуйа Бёгё» М. Ф. Аммосова. Цель настоящей статьи – выделить особенности языковой ткани, структуры, семантики, семиотики олонхо «Дугуйа Бёгё» и обозначить вектор комплексного обсуждения проблем в его исследовании.

Особенности мифологии и поэтики, структуры и семантики олонхо

По классификации Н. В. Емельянова, олонхо «Богатырь Дугуйа Бёгё на резвом гнедом скакуне» относится к группе олонхо о защитниках племени урангхай саха. В нем воспеваются боевой поход богатыря Дугуйа Бёгё в борьбе с врагами племени айыы аймага, защита и освобождение соплеменников от плена абаасы. Главный герой – одинокий богатырь-сирота, не знающий своего происхождения.

Зачин олонхо, состоящий из 236 стихотворных строк, традиционен и композиционно автономен. Тематической обособленностью вступительной части предстает представление времени, пространства и героя в статическом описании, как и в олонхо центральной локальной традиции. Мотив возникновения мира дается коротко и лаконично. Тема «раннего времени» образования Среднего и Верхнего мира олонхо соответствует мифологического времени (космогонического). Однако уже в начальной фазе описания времени предстоящих эпических событий, наряду с космогонией олонхо, открыто присутствуют нарративы исторической действительности: *«Көстөр күөх халлаан / Алын көндөйүгэр, / Отто торуой дойду / Урут мындаатыгар / Биир киһи биллэ илигинэ,... / Ырыысалаах абабыт / Ыраас суох эрдэбинэ, / Дохуомунай ньуучча / Дьукку суох эрдэбинэ, / Билиги курдук мишинэн / Сотулла иликкэ / Миэрэ биллэ илигинэ, / Аныгы көддүк / Абабытынан аат бэрillэ илигинэ...»* [4, с. 16] 'Еще дотле, когда под нижним сводом / Видимого синего неба, / На высокой макушке / Срединной тверди / Не было ни одного человека,... / Когда батюшек в рясах / Не было никогда, / Когда русских духовного чина / Не видел никто совсем, / Когда не мерили / В милях путь, / Как сейчас, / Когда попы не давали / Имена, как теперь...' [4, с. 17]. В фрагменте отражаются каноны православной веры.

При последующем разворачивании сюжета данная особенность стиля повествования олонхосута дальше развивается в еще более детализированных вариантах: *«Онтон Киристисэс төрүү, / Християан мифэ илик эрдэбинэ, / Киристэнэн киирэр һуох эддэбинэ...»* [4, с. 68] 'Еще до рождения Христа, / До явления мифа христиан, / Когда обычая креститься у входа / Не было введено...' [4, с. 69]. Здесь наблюдается наличие фрагментов религиозных обрядов. А вот как «внедряются» олонхосутом в традиционную эпическую ткань элементы светского «этикета»: *«Илиһ тутуһар эбээһинэс / Илик эрдэбинэ, / Дорооболоон көрсүһэр / Дьукку һуох эддэбинэ...»* [4, с. 68] 'Когда друг с другом / Здравоваться / За руку привычку / Завести не успели...' [4, с. 69]. Или фрагменты новых, установленных правил гостеприимства с соответствующими атрибутами чаепития: *«Оччотообу бириэмэбэ / Килиэ-халаа чааскы таддан, / Сылабаар-чаайнык оргутан, / Эгэльгэлээн элбэх*

тэжилээн / Аһатар идэ илик эрдэжинэ...» [4, с. 76] 'В ту пору не было обычая / Роскошные чашки ставить, / Самовары да чайники кипятить, / Не умели еще блюда всякие подавать...' [4, с. 77]. Приведенные примеры демонстрируют проявление переплетений «бытийной основы» олонхо с архетипическими мифическими структурами в ткани повествования.

Главный герой олонхо не знает своего происхождения. Однако его родство с божествами подразумевается из следующих строк: *«Үөһээ үддүк маҕан халлаантан / Үрүҥ Айыы Тойон / Үөрдээн-сүүрүктээн, / Үүрэн-түрүүн биэрбитин... / Үльһээн-аллан үөскээбитин... / ...өйдүүн-дьүүлээн билбэтэх... / Хаан Айыы Тойон халыан хара сүүрүк / Халын баайа хара таастары / Хампы хааман таххыбытын... / Хаһан да билбэккэ хаалбыт»* [4, с. 24] 'А про то, что от табунов белой масти, / Юрюнг Айыы Тойон, / Восседа на белом престоле неба, / Назначил некогда ему в долю / Неисчислимое множество, / Он вовсе не ведал... / И про жалованные Хаан Айыы Тойоном / Расплодившиеся в дебрях стада коров... / Он так и не узнал' [4, с. 25]. Эпическое сиротство и одиночество богатыря Дугуйа Бёгё служат признаками героя архаического эпоса, при которых последний выступает исключительно защитником людей племени айыы аймага. Между тем при последующем развитии сюжета олонхо, как отмечают исследователи, фиксируются отражения фрагментов исторической действительности (согласно географическим названиям, реалиям материальной культуры, деталям, отражающим разные уровни художественного мышления), в связи с чем справедливо встает вопрос соотношений эпического историзма и архаики в дефиниции главного героя Дугуйа Бёгё. Последнее, возможно, послужит отправной точкой в установлении возраста «исконно местного (оймяконского) олонхо» (по откровениям самого сказителя М. Ф. Аммосова) [3, с. 79].

В зачине олонхо оригинальным предстает замена традиционного описания священного древа *Аал Луук мас* образом жара-пыла огня восьмигранного чувала, разведенного богатырем Дугуйа Бёгё: *«Оргуйан убайан тахсыбыт / Төлөнүн төрөлөөх суоһа / Үөһээ үс хаттыгастаах / Үрдүк манан халлааны / Сурахтаахтык суоһаабыт. / Үөскээн олоббут... / Улуутуйар Улуу Тойон оҕоньһор / Сигин үөһүгэр муус чэлыккэ үөскээн / Өлөрүгэр тийибитин кэннэ, / Эмэхэтин үүтүттэн өрө үрдэрэн / Сигин үөһэ муус чэлыккэ буолбут ыарыыта / Уулан тохтон,... / Кэпсээннээх собуустук / Кэбилэнэн сыппыта үһү. / Алаараа аан дойду алын өттүгэр / Адахтаах сырайдаах, / Амырыннаах дьүһүннээх / Ассан Дуолан оҕоньһор ааттаах / Ыальһар буолан / Төбөтүн оройугар аҕыс бастаах / Саанык өлүү тахсыбытын, / Кини диэтэх киһи / Холумтанын суоһа тобулу суоһаан киһирэн / Саанык өлүүтэ дэлыи барбыт, / Иринэ мэйиһилин ибили сытыйан / Иэдээнгэ тийибит...*» [4, с. 22] 'Когда жар жестокий / Кипящего того пламени / Наконец достиг трехъярусного / Высокого неба священного / И неслыханно сильно припёк / Почтенного Улуутуйар Улуу Тойона... / А случилось в ту пору так, что / В становой жиле хребта его / Застоялась слизь ледяная, / Отчего старик едва не умер, / Но пыл чувала проник ему в зад, / Отчего мокрота хворобы / Разжижилась и потекла / Через задний проход... / А тем временем на дне нижнего мира / У старика Ассан Дуолан, / Чью рожу безобразную / Плесень покрыла коростой, / Тоже болезнь случилась, / На темени его вырос / Чирей о восьми головках; / А как жар той топки / Дошёл до больного, / Опасный нарыв лопнул, / Гноем ему башку воспалил...' [4, с. 23]. Так разворачивается вертикальное моделирование эпического мироздания в олонхо. Здесь для построения архаической вертикали с указанием главных полюсов модели мира мифомышление сказителя умело использует мифологические образы Улуу Тойона и Ассан Дуолана.

Следует заметить, что отмеченные комические нюансы пронизывают все структуру олонхо «Дугуйа Бёгё». Сатирическое описание, гиперболизация и иносказательность при помощи разных художественно-изобразительных приёмов используются, когда речь идет именно об отрицательных персонажах. К примеру, вот как подобно шаржу описывается олонхосутом одежда сына абаасы: *«Таһаһын-сабын, / Быһыытын-мылаанын көддөбүнэ: / Куй кууттуктаах, / Куйбуруот кусааттаах, / Сирэбэс сэлиэчиктээх, /*

Балай басмыкылаах, / Ыйы тунпунт ыстааннаах, / Сөрүү тунпунт сөттүүктээх, / Хам тунпунт хамысыаллаах, / Хара тааһы көгдөйдүү / Хаспыт хаалтыстаах, / Чаан алгыһы / Таннары уурбут көддүк / Сириттэн түспүт сирэбэс / Сэлэппэ бэргэлээх» [4, с. 128] 'Одет был в одежду, / Особого кроя и вида: / Курточку свисающую, / Кушак с хвостом огненным, / Жилетку с разрезами рваными, / Тупоносые башмаки, / Спущенные штаны, / Сюртук с запахом, / Камзол в обтяжку, / Долбленный черный камень / Был его галстуком, / Шляпа на башке / Смахивала на котел / С рваным боком, / Перевернутый вверх дном' [4, с. 129]. В описаниях олонхосут органически сочетает множество «примет нового времени», с иронией и юмором изображая абаасы. Внешность его рисуется подчеркнута карикатурно: «*Ылмах-ымах кынна, / Ыдьдьах-ыдьдьах кынна, / Көгдөй төнүргэһи / Түөрэ аньһан кэбиспит көддүк / Ньанһа хара танытыттан / Сур кырынаас / Субуруһан эрэрин курдук / Күөх чалахай сыыһа / Таннары чоккуруу тохтубут, / Өлүүгэ ыльбүт үгүрэмэн оғус / Таалын саға тылынан / Сырайын быһаһаһыттан ыла / Быһа салбанан ылла» [4, с. 128]* 'Он ухмыльнулся, / Оскалил зубы неровные, / Из похожих на дупла / Опрокинутых сухостойн / Чёрных ноздрей / Закапали вниз, / Воня гноем, / Шустрые, как горностаи, / Зелёные склизкие сопли, / Высунул он язык / Пухлый, как селезёнка порога, / Что пал от язвы моровой, / И облизал себе щёки' [4, с. 129]. Олонхосут изображает так, что безобразный вид абаасы «говорит» об его недобрых помыслах, коварстве, жестокости. Вместе с тем его внутренняя ущербность, бесполезность гневно и открыто высмеиваются девушкой айы: «*Уус-хаан төддүгэр / Одуна оёоньёорго / Хаһан, хайа баранһын / Уһааран оёустаран оғотторо охсон / Кэлээхэйдих бэйэһиний, / Сэдибиттэн быстыбыт / Сибээстэргин баһас / Сэтээнэйим ууһугар / Ситтэрэн-ситимнэтэн / Кэлиэххиний да доёочуок?! / Туулуттан туллубут баһайыкаһын, / Токоонойум ууһугар / Тумустатан-уостатан, / Оғотторон-олохтодон / Кэлээхтээнһин да, доёочуок!» [4, с. 144; 146]* 'Когда же ты отправишься / К старцу Одуна – предку кузнецов, / Когда ж отдашь ему в починку / Оторванные на корню / Орудия детородные,... / Хозяйство то самое / Мастеру Сэтээнэй давно бы отнёс, / Он бы тебе подклеил-приварил, / Что тебя держит, дружок?! / Отвалившиеся причиндалы / Кузнецу Токооной поспешил бы сдать, / Он бы приклепал их как надо, / Основательно да крепко!' [4, с. 145; 147]. Можно лишь предположить, что такая склонность олонхосута к сарказму в описании именно отрицательных персонажей, возможно, указывает на былое бытование и развитие национальной сатиры в оймьяконской традиции.

Структура сюжетного развития в олонхо устойчива и не нарушает канонических законов эпической традиции. Мотив одиночества героя, вестника, сбора богатыря в поход, описание прощания с родным очагом, похода, препятствий, протяженности в эпическом времени и пространстве, схватки врагов передаются традиционными формулами. Обращает на себя внимание система персонажей олонхо, которая обуславливается объемом произведения. Ряд персонажей олонхо «Дугуйа Бёгё» не имеет имён – богатырский конь, женщина айы, сын абаасы, сестра абаасы, что довольно характерно именно для северных олонхо. Это обусловлено спецификой северных олонхо – близостью к сюжетам сказок. А значит, налицо наличие и проблемы межжанровой типологии оймьяконской традиции. Интересны дефиниции отрицательных персонажей. Так, одним из компонентов репрезентации сына абаасы служит признак христианской конфессии *Дэриэтиньнык уола* 'Сын еретика', а в представлении дочери абаасы (аджарайской дочери) для усиления её отрицательной характеристики олонхосут использует имя сказочного персонажа русских сказок Джэгэ Бааба. И действительно, по сравнению со своим братом старшая сестра абаасы оказывается более могущественным противником.

В олонхо образ женщины айы связан с образами богатырей айы и абаасы, исходя из сюжетного развития олонхо. К ней равнодушны оба, при этом последний не спрашивает её согласия, не добивается благосклонности, а намерен добиться её силой, чего нет в действиях богатыря айы: «*Айы дьахтарын аттыгар олоордо, / Эйэлээх*

буолар киһи көддүк / Эйэргэһэ былаан / Кэпсэтэн көрдүлэр: / – Хайа, дуһаар, / Туох толкуйдааххыный? / Уһун үйэбитигэр, / Эльбэх сааспытыгар / Эн биһикки / Эр-ойох буоларбытыгар / Эн санааҕар сыһа буолуо дуу, / Сөп буолуо дуу? – диэн эр киһи ыйытар» [4, с. 166] 'И уселся рядом с женщиной айыы, / Изъявляя приязнь, / Немного заигрывая, / Начал он разговаривать: / – Ну что, подруга, / Как ты думаешь? / Если предстоит нам долгий век, / До преклонных лет дожить, / Стоило ли нам с тобой / Супругами стать, / Как по-твоему, правильно это, / Или совершим ошибку? – спросил' [4, с. 167]. В этой речи богатыря айыы угадывается уважительное, почтительное отношение к ней. Забота родителей Могол Тойона, Мунгха Хатын о дочери, желание оградить её от беды слышатся в их мольбе о защите. Но женщина айыы и сама обладает острым умом и житейской мудростью, она, обведя богатыря абаасы вокруг пальца, помогает богатырю айыы одолеть его в смертельной схватке.

Вызывает интерес завешание побеждённого богатыря абаасы перед смертью – он предлагает богатырю айыы не выбрасывать части его тела, а использовать в качестве «капитала»: «Туһалааҕа тугуй-тугуй диэтэххинэ, / Сыһаабым ааттаах / Салааска сыарҕа буолуо, / Көхсүм күтүр үчүгэй / Түктүүйэ буолуоҕа, / Уон ойобоһум олус үчүгэй / Хотуур буолуоҕа. / Итилэри үчүгэй диэтэххинэ, / Хантыкайбын да хаалларайынҕый, / Хадыгам эрэ буолларҕын / Хаалларбатаххына, / Хамыйан уруннаххына, / Халын үгүс наадалаах / Хапытаал буолуоҕа...» [4, с. 156] 'А коли спросишь / Выгода какая с меня, то скажу: / Челюсть моя послужит полосьями саней, / Спина моя будет / Превосходной корзиной, / Десять рёбер моих отлично / Сено станут косить. / Коль ихпустишь в доброе дело, / Если ничего не оставишь, / Если не выбросишь, / Бережно сохранишь / И используешь, / Поимеешь огромный капитал / Пригодный на многое...' [4, с. 157]. В этих строках косвенно отражаются жизненные нужды северных народов. Например, как известно, на Крайнем Севере из рёбер крупных морских животных строили жилища. В эпическом мире это недопустимо – полностью не уничтоженное мёртвое тело абаасы вновь оживает, продолжая творить зло и хаос. Дугуйа Бёгё совершает особый ритуал – предаёт тело врага огню. Сюжет со сжиганием тела присутствует и в бурятском улигере «Гэсэр».

Надо отметить, что из 28 образов олонхо «Дугуйа Бёгё» 19 персонажей являются мифологическими. Кроме общеизвестных представителей мифического пантеона божеств в тексте встречаются новые, такие как старик Одуна – предок-глава кузнецов, мастер-кузнец Сэтээнэй, мастер-кузнец Токооной, духи-иччи слова Тойук уола, Силик уола. В научной литературе отмечается спорный момент в дефиниции образа Могол Тойон – это может быть или этноним, или эпоним, или персонификация божества, покровительствующего рогатому скоту [3, с. 84]. Вместе с этим интересны и применения олонхосutom образов исторических – Бөлөнүүскэй оёонньор 'Старик Белолубский' – зажиточный старожил из Борогонского рода, живший в XIX в., Кэтиринэ ыраахтааҕы 'Царица Катерина' – императрица России Екатерина II и т. д.

В тексте, помимо упоминаемых мифических племен *ус биис ууһа* 'три племени', *абыс биис ууһа* 'восемь племен', *көстүбэт улууһа* 'улус незримых' – жителей Верхнего и Нижнего миров, с исторической и этнографической точки зрения представляют ценность упоминания представителей тунгусских племён *үрэнгэй омуктара* 'народ юрэнгэй', *ханаайы омуктара* 'народ хангаайы', живших рядом с древними племенами якутов и некогда враждовавших с ними. В свое время А. П. Окладниковым было отмечено, что «якутские роды и племена, а тем более все их остальные северные соседи XVI–XVII вв. жили в узких рамках собственной малой истории, исчерпывающейся внутренними делами отдельных родов и межплеменными столкновениями» [2, с. 426].

Отдельный научный интерес представляет карта-рисунок эпического мира олонхо «Дугуйа Бёгё», составленная фольклористом С. И. Боло. В ней зафиксированы географические представления о мире (расположения стран, местностей) жителей севера, органически переплетающиеся с представлениями мифической космографии, а также

шаманской космологии. И как писал А. П. Окладников, «на этой карте видно, как легко и просто реальный мир, окружавший старинного якута, переходил в фантастические миры шаманской мифологии и вместе с тем, как ограничен был круг его географических представлений, как тесна и узка была в его глазах вселенная» [2, с. 426]. Топонимы и гидронимы, упоминаемые в тексте олонхо, а далее перенесенные С. И. Боло на карту, такие как *Хоро сирэ* ‘земля Хоро’, *Кытай сирэ* ‘земля Китай’, Чиистай ‘Чиистай’, *Арылыа-Далай* ‘Арылыа-Далай’ (согласно записи А. П. Окладникова – река Лена), *Муустаах муора* ‘Ледовитое море’ и т. д. действительно находят прямые аналогии с географическим расположением этих стран, местностей и водных объектов. В таком свете уместно вспомнить замечание Е. М. Мелетинского: «Все эмпирическое рассматривается мифологическим мышлением как “тени” неких вечных оснований», которое затем укладывается «в прокрустово ложе готовой мифологической структуры» [5, с. 177]. С этой точки зрения необходимо переосмысление высказывания А. П. Окладникова в свете теории мифа М. Элиаде о «вечном возвращении», при котором миф предстает моделью-архетипом, образцом для подражания всех видов бытия (материального – объективно реального (в состав которого входит и природный мир) и духовного – идеального) и форм бытия (человеческого, социального и т. д.) [6]. Итак, научное описание карты, комментарии к ней, данные А. П. Окладником в I-м томе книги «История Якутской АССР» (1955 г.), необходимо продолжить в виде комплексных исследований, представляющих интерес для мифологии, лингвистики, географии, истории, этнологии и др. наук.

Дальнейшего изучения требует также своеобразная знаковая система текста олонхо. К примеру, кульминация первого звена сюжета изобилует переплетением множества знаков: зелёный пырей о девяти коленцах; густой борщевик; волк, хватающий за левую руку; медведь, повисающий на правой руке; падение туши волка на грудь старухи; падение трупа медведя на загривок старика; место *кэтэбэриин* ‘передней части якутской юрты напротив входа’, наваленное ценными мехами; восьмигранный чёрный камень рядом с очагом; торчком стоящие уши коня; подогнутые колени коня и т. д. Расшифровка разнообразия кодов может представлять большой интерес для семиотических исследований текстов северных олонхо. Известно, что изучение семиотических механизмов народной памяти (хранящих и передающих во времени некие сообщения), могут привести к раскрытию глубинных структур и содержаний текста.

В языке олонхо «Дугуйа Бёгё» отмечается богатство поэтического языка, умелое применение оттенков образно-изобразительных средств. Для усиления образности олонхосут использует заимствования из русского языка, обогащая тем самым традиционные эпические формулы: «*Торбо-түргэ танас / Дьукку һуох эрдэжинэ, / Кытааныскай-итээнискэй танас / Кылбаччы һуох эддэжинэ / Билиис бэйбириэк / Мэличчи һуох эддэжинэ, / Сиидэс, сарапынгка-саадьабай танас / Ыамнаан-ыалаан, ыраас суох эддэжинэ / Оччолорго талыы киһи таннар танһа / Таба танһаһын талыта буолара үһү*» [4, с. 72] ‘Когда шёлковых тканей / Совсем ещё не было, / Когда китайские, итальянские ткани / Совсе отсутствовали, / Когда плиса и вельвета / Еще не видели здесь, / Нарядного ситца, рябющей сарпинки / Нельзя было сыскать, / Лучшие люди в те времена, оказывается, / Носили, одежду из оленьей шкуры’ [4, с. 73]. Текстовая ткань олонхо изобилует разнообразием средств народно-эпической образности (эпитетов, сравнений, метафор, метонимий, гипербол и т. д.), в которых состав языковых цепочек оформляется влиянием локальных специфик культурно-бытовых реалий, географических и климатических особенностей Земли Оймяконья. В таком ракурсе интерес привлекает проблема генетической связи словесного искусства с древнейшей мифологией, механизм «унаследования» от мифа художественной формой как синкретизма, так и конкретно-чувственных способов обобщения, простыми словами, алгоритма связи мифа с поэтикой [5, с. 7].

Лексика олонхо изобилует диалектизмами, выраженными «акающим» и «изкающим» (согласно записи С. И. Боло) говором олонхосута, смягчением звуком «-ль» в словах. В тексте обнаружено свыше 70 русизмов, свыше 60 архаизмов и историзмов, около 70 фразеологизмов. Примечательно при этом применение в языке олонхо реалий современной олонхосуту жизни, связанных с: его работой по перевозке грузов – *хамтыйай ат* ‘конь-доходяга компании’, *ыраахтаабы хуумата* ‘царская сума’, *бүрүүпкэ сыарба* ‘закрытая кибитка’; изменением жизненного уклада якутов того времени – *хаасына* ‘казна’, *буобар* ‘повар’, *күөбүл* ‘скобель’, *куручаанкы* ‘крупчатка’, *басмыкы* ‘башмаки’, *курусуна* ‘пружина’, *сибэтиэй* ‘святой’ и т. д. Такие новации закономерны и служат отражением определенного исторического периода жизни северных якутов.

Заключение

Таким образом, можно резюмировать, что олонхо «Дугуйа Бёгё» М. Ф. Аммосова, несмотря на свою незавершённость, может быть отнесено к лучшим эпическим произведениям северной локальной традиции по своему богатому содержанию, по красоте и образности художественного слова, своеобразной системе образов, по насыщенности знаковой системы, представляющих большой интерес как для фольклористики, так и для мифологии, лингвистики, семиологии, истории, этнологии, этнографии и др. наук. На современном этапе постнеклассических тенденций (с выраженным «антропологическим» поворотом в исследованиях) можно выделить ряд постановок проблем в изучении текста олонхо «Дугуйа Бёгё»: выяснение вопроса историзма эпоса; рассмотрение проблемы образа героя сквозь призму его архаической и исторической дефиниции; решение задач экспликаций связи мифа и поэтики, мифа и истории; разрешение проблемы межжанровой типологии как в пределах локальной традиции, так и в межэтнических связях; решение вопроса экспликаций знакового универсума эпоса и архетипических моделей древнего мышления; актуализации междисциплинарного подхода в системном анализе карты эпического мира. Подводя итоги, подчеркнем, что сказительский талант олонхосута М. Ф. Аммосова позволяет ему быть в одном ряду с лучшими сказителями своего времени, а его олонхо «Дугуйа Бёгё» заслуживает детального изучения в комплексном решении проблем, способного ответить на запрос современного времени.

Л и т е р а т у р а

1. Өймөкөөн олонхолоро / составители В. В. Илларионов, Н. А. Оросина. – Якутск : Бичик, 2016. – 192 с. – (Саха боотурдара : 21 т. ; Т. 4).
2. Окладников, А. П. История Якутской АССР. Том 1 : Якутия до присоединения к русскому государству / А. П. Окладников. – Москва ; Ленинград : Академия наук СССР, 1955. – 432 с.
3. Никифоров, В. М. От архаического олонхо к раннефеодальному эпосу : история фиксаций и специфика интерпретаций / В. М. Никифоров. – Новосибирск : Наука, 2010. – 139 с.
4. Дугуйа Бёбө = Дугуйа Бёгё: олонхо / составители М. Т. Сатанар, А. А. Борисова ; пер. А. Е. Шапошникова ; отв. ред. М. Т. Сатанар. – Якутск : Алаас, 2023. – 248 с.
5. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа // Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока» / Е. М. Мелетинский. – Москва : Восточная литература, 2000. – 407 с.
6. Элиаде, М. Трактат по истории религий / М. Элиаде. – Москва : Академический проект, 2015. – 394 с.

References

1. Өймөкөөн олонхолоро / sostaviteli V. V. Illarionov, N. A. Orosina. – Yakutsk : Bichik, 2016. – 192 s. – (Saha booturdara : 21 t. ; T. 4).
2. Okladnikov, A. P. Istoriya Yakutskoj ASSR. Tom 1 : Yakutiya do prisoedineniya k russkomu gosudarstvu / A. P. Okladnikov. – Moskva : Leningrad : Akademiya nauk SSSR, 1955. – 432 s.
3. Nikiforov, V. M. Ot arhaicheskogo olonho k rannefeodal'nomu eposu : istoriya fiksacij i specifika interpretacij / V. M. Nikiforov. – Novosibirsk : Nauka, 2010. – 139 s.

4. Duguja Бөҕө = Duguja Byogyo: olonho / sostaviteli M. T. Satanar, A. A. Borisova ; per. A. E. SHaposhnikova ; otv. red. M. T. Satanar. – Yakutsk : Alaas, 2023. – 248 s.
5. Meletinskij, E. M. Poetika mifa // Seriya «Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka» / E. M. Meletinskij. – Moskva : Vostochnaya literatura, 2000. – 407 s.
6. Eliade, M. Traktat po istorii religij / M. Eliade. – Moskva : Akademicheskij proekt, 2015. – 394 s.

SATANAR Marianna Timofeevna – к. филол. н., доцент кафедры фольклора и культуры Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: satanar68@mail.ru

SATANAR Marianna Timofeevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Folklore and Culture, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

– РЕЦЕНЗИЯ –

Феномен хантыйского классика: к 75-летию Еремея Айпина

Ю. Г. Хазанкович

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

✉ lula1974@mail.ru

Творческий феномен классика хантыйской литературы, нашего современника – Еремея Даниловича Айпина, всегда вызывает исследовательский интерес. Этот юбилейный год для классика ознаменовался выходом фундаментального труда об этнопоэтике его прозы. Авторский коллектив, возглавляемый признанными североведами О. К. Лагуновой и С. А. Комаровым, подготовил издание, которое, по их признанию, стало «результатом многолетних размышлений специалистов о специфике словесности Сибири и месте младописьменных мастеров из малочисленных коренных народов в ее полиярусной и разнофазово развивающей структуре».

Концептуальность обзора в первой главе методологической практики литературоведов XX в. определена ракурсом ее рассмотрения. С. А. Комаров и О. К. Лагунова предлагают это сделать, обратившись к проблеме смены научной парадигмы: «универсализирующая парадигма сменяется феноменологизирующей, в центре которой категориальный комплекс «этнос–ценность–субъектность».

Вторая и третья главы, к написанию одной из которых подключились молодые североведы-аспиранты, посвящены непосредственно анализу прозы – от ранних рассказов до поздних романов. Примечательно, что авторы четко обозначают свои исследовательские предпочтения, заявленные в предыдущей главе и придерживаются их – «изучать связь между текстом и личностью писателя» прежде всего со стороны текста, а не стороны биографии.

Коллективная монография «Проза Еремея Айпина: этнофилологический ракурс и историческая поэтика» с внушительным объемом почти 400 страниц, безусловно, не рядовое событие в отечественном североведении и открывает новые перспективы для изучения литератур народов Арктики в целом.

ХАЗАНКОВИЧ Юлия Геннадиевна – д. филол. н., профессор кафедры русской литературы XX века и теории литературы филологического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: lula1974@mail.ru

KHAZANKOVICH Yulia Gennadievna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian Literature of the XX century and Theory of Literature, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

– ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА –

**Международная юбилейная конференция
в Короленковском университете***Н. Н. Закирова, С. Л. Скопкарева*

Глазовский государственный инженерно-педагогический университет им. В. Г. Короленко,

г. Глазов, Россия

✉ natnik50@rambler.ru

Глазовская научная школа короленьковедения в очередной раз полностью заявила о себе на XII Международной научно-практической конференции «Короленьковские чтения», состоявшейся 19 и 20 октября 2023 г. в недавно обретшем свой новый университетский статус Глазовском инженерно-педагогическом университете (ГИПУ). В год 170-летия писателя-гуманиста, воспринимающегося в Удмуртии как национальный герой, вуз поддержало Министерство просвещения РФ, профинансировавшее государственное задание на оказание государственных услуг (выполнения работ) ГИПУ на 2023 г. в целях организации и проведения комплекса мероприятий, направленных на популяризацию и создание лучших практик использования в образовательном процессе литературно-педагогического наследия В. Г. Короленко (№ 073-00012-23-01 от 03.02.2023 г. (дополнительное соглашение № 073-03-2023-026/1 от 07.02.2023 г.).

Яркими и торжественными, транслировавшимися на всю страну и зарубежье, оказались открытие форума и пленарная дискуссия, в которой приняли участие авторитетные спикеры. Так, А. Н. Фортунатов, доктор философских наук, профессор Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского выступил с размышлениями о стратегиях гуманизма сквозь призму истории и современности на материале творчества В. Г. Короленко. Кандидат филологических наук, доцент, директор филиала ГИПУ в г. Ижевске С. Л. Скопкарева провела сравнительно-исторические параллели, осветив сущность концепции личности и творческие искания В. Г. Короленко и Д. А. Гранина. Векторы развития современной лингвистики были намечены петербургским ученым С. В. Лесниковым, кандидатом филологических наук, доцентом Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Истории вятского образования уделил внимание участников конференции кандидат исторических наук, доцент В. Н. Алексеев из Подмосквья, достижения и перспективы дальнейшего развития короленьковедения в ГИПУ были охарактеризованы ректором вуза, кандидатом филологических наук, доцентом Я. А. Чиговской-Назаровой. А руководителем научно-исследовательской лаборатории кандидатом филологических наук, доцентом Н. Н. Закировой были охарактеризованы новые горизонты науки о писателе: исследования, находящиеся на пересечении лингвистики и математики, литературоведения и естествознания.

Очно-заочный формат позволил влиться в работу форума с приветственными видеообращениями таких участников, как академик Международной педагогической академии, доктор филологических наук, почетный профессор УдГУ, главный научный сотрудник УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, писатель В. М. Ванюшев (г. Ижевск, Удмуртская Республика), профессиональный короленьковед, кандидат филологических наук, доцент Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова О. И. Иванова (г. Якутск, Республика Саха (Якутия)), доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Пушкинского Дома С. А. Фомичев (С.-Петербург). Бурные аплодисменты вызвали стихотворение В. К. Семибратова, кандидата культурологии, доцента кафедры общегуманитарных дисциплин Кировского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета, слова проректора по научной и инновационной деятельности МГУ Л. Ю. Москалёвой (Мелитополь), приветствие ректора Ошского государственного университета Б. Б. Зулуева (Киргизия).

Работа Короленковских чтений проходила по семи направлениям на секциях: «Короленковедение», «Актуальные проблемы филологии», «Методика преподавания гуманитарных дисциплин», «Педагогика, психология, социальные коммуникации», «История, регионалистика, правоведение», «Культурология» и «Естествознание». Широкая тематика научного форума неслучайна, она обусловлена универсальностью интересов и талантов В. Г. Короленко: писателя, переводчика, литературного критика, педагога, историка, экогуманиста, этнографа, правозащитника, художника и поэта.

В числе участников конференции были ученые, учителя, сотрудники музеев и библиотек, учреждений культуры, аспиранты, магистранты и студенты из России, Израиля, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана. Широка география представительства докладчиков из Удмуртии, Якутии, Киргизии, Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Нижнего Новгорода, Курска, Луганска, Донецка, Кирова, Кемерово, Перми, Бердянска, Челябинска, Елабуги, Казани, Ульяновска, Югры, Бийска, Алтайского, Пермского, Красноярского краев, из Саранска, Чебоксар, Уфы, Екатеринбурга, Анапы, Сургута, из Владимирской области.

Высокий научный уровень придало участие в конференции таких авторитетных ученых страны, как доктора наук, профессора: В. Н. Антошкин (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы), В. М. Важов и А. И. Гусев (Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина), А. И. Гусев и Е. В. Ерофеева (Пермский государственный национальный исследовательский университет), Т. И. Каткова и А. Н. Крамаренко (Азовский государственный педагогический университет), Р. В. Майер и А. А. Мирошниченко (Глазовский государственный инженерно-педагогический университет имени В. Г. Короленко), И. В. Маслова (Елабужский институт Казанского федерального университета), А. В. Святославский (Института филологии МПГУ), А. К. Углицких (Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова) и А. Н. Фортунатов (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского).

Второй день работы конференции прошел в формате открытых лекций, мастер-классов, презентаций книг и творческих работ студентов, победителей конкурса «Наш Короленко» и завершился итоговым пленарным заседанием с выступлениями руководителей секций, трогательными исполнениями своих стихов и романсов глазовских поэтов и композиторов.

К началу конференции был издан сборник статей «XII Короленковские чтения»: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 170-летию юбилею В. Г. Короленко (г. Глазов, 19–20 окт. 2023 г.) / Гос. инженерно-пед. ун-т им. В. Г. Короленко; гл. ред. Я. А. Чиговская-Назарова. – Казань: Бук, 2023. – 632 с. (<https://elibrary.ru/item.asp?id=54758832>)

На юбилейной конференции в Глазове наследие писателя и общественного деятеля В. Г. Короленко было рассмотрено в контексте широкого диапазона гуманитарных отраслей знаний, имеющих фундаментальное и прикладное значение.

ЗАКИРОВА Наталия Николаевна – к. филол. н., доцент Глазовского государственного инженерно-педагогического университета имени В. Г. Короленко.

E-mail: natnik50@rambler.ru

ZAKIROVA Natalia Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, V. G. Korolenko Glazov State Pedagogical University, Izhevsk, Russia.

СКОПКАРЕВА Светлана Леонидовна – к. филол. н., доцент, директор Филиала Глазовского государственного инженерно-педагогического университета имени В. Г. Короленко в г. Ижевске.

E-mail: skopsvetlana@yandex.ru

SKOPKAREVA Svetlana Leonidovna – Candidate of Philological Sciences, Docent, Branch Director of V. G. Korolenko Glazov State Pedagogical University, Izhevsk, Russia.

Профессор В. М. Переверзин: творческая личность и научное наследие

Ю. Г. Хазанкович

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ lula1974@mail.ru

Уходящий 2023 год юбилейный – исполнилось бы 75 лет со дня рождения ведущему профессору филологического факультета Якутского государственного университета Владимиру Михайловичу Переверзину.

Профессор В. М. Переверзин был известен как ведущий теоретик литературы, область научных интересов которого не ограничивалась только русской литературой. В последние годы жизни он активно исследовал с теоретических позиций литературы народов Севера – от якутской до чукотской.

Его профессиональное становление началось в стенах Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, который он окончил в 1972 году. Затем была защита кандидатской диссертации по специальности «Теория литературы» под руководством ведущего советского теоретика литературы Г. Н. Пospelова. Этот факт был особой гордостью В. М. Переверзина, он прекрасно знал его труды и нередко цитировал его неакадемичные, но жизненные высказывания, типа «это преувеличение от увлечения», останавливая тем самым «поток» весьма сомнительных речевых мыслеформ студента на экзамене...

Владимир Михайлович Переверзин был из академического гнезда, в котором сформировались ученые, имена которых для советских и российских филологов были и остаются знаковыми – Л. В. Чернец, А. Я. Эсалнек, В. Е. Хализев и др. Консультантом по докторской диссертации Переверзина В. М., которую он подготовил, но не успел защитить, был заслуженный профессор МГУ, ведущий профессор-теоретик П. Н. Николаев. Все это в совокупности определило не только круг его научных интересов – проблему романизации эпических жанров на материале романистики Л. Толстого, М. Шолохова и А. Солженицына, проблемы методологии изучения жанровых форм, но и саму творческую индивидуальность ученого-теоретика. Его личность прорисовывается как из опыта работы под его руководством как научного руководителя, заведующего кафедрой, так и опубликованных работ. Однозначно, что профессор-теоретик был в Якутии очень ярким и талантливым филологом. В наше время, увы, можно встретить не начитанного филолога, он был из поколения иного – культ чтения и любовь к Слову выработали в нем способность замечать в тексте особые детали и подробности, связывая их не только со своей исследовательской гипотезой в области типологии жанровых форм, но прежде с интенцией того или иного писателя, выдвигая небесспорные, но оригинальные научные гипотезы. Свидетельство тому – научные публикации последних лет жизни и посмертная монография «Большая эпическая форма в русской литературе», которая появилась благодаря Д. Г. Брагиной – супруге и музе ученого. В Предисловии монографии она пишет: «Владимир Михайлович не успел довести до конца эту книгу (остались незаконченными четвертая глава и заключение)... Я сочла своим долгом завершить его работу, используя для этого печатавшиеся до этого материалы (статья о М. А. Шолохове), главы из неопубликованного учебно-методического пособия, а также план-проспект данной монографии...» (Переверзин В. М. Большая эпическая форма в русской литературе. – Новосибирск, 2007. С. 3).

Его первой работой было пособие к спецкурсу в 2 частях, посвященное жанровой проблематике романа-эпопеи «Война и мир». Фокус научного внимания В. М. Переверзина был на теории «большой эпической формы». Многочисленные статьи профессора

Переверзина отличались глубоким погружением в историографию вопроса, жанровый анализ романов «Война и мир» Л. Толстого, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, «Красное колесо» А. Солженицына через рассмотрение ключевых моментов истории. Прорабатывая проблематику «М. М. Бахтин об освоении реального исторического времени в литературе. Проблему романизации истории в философско-исторических и художественно-эстетических воззрениях прозаиков-эпиков русской литературы XIX–XX вв. он видел в радикальном обновлении жанрового подхода в отношении романа-эпопеи. Опираясь на идеи М. М. Бахтина и Г. Н. Пospelова, ученый выдвинул «концепцию большой эпической формы как романической (или романной) эпопеи». «Большие романы» русской литературы, по его мнению, представляют особую содержательную форму, появление которой обусловлено качественным обогащением романического мышления.

Апробировав теоретические подходы к обоснованию романической эпопеи на материале русской литературы, ученый обратился к ключевым произведениям национальной прозы. Так, на новом теоретическом уровне исследовал «роман романов» якутской литературы – «Весенняя пора» Амма Аччыгыйа. Творчество писателя В. М. Переверзина определил как «выдающееся явление литературы саха XX столетия», а сам роман – «главной книгой литературы саха» и «Книгой нации». Жанровое определение этого произведения как «роман воспитания», «роман-эпопея», «автобиографический роман» он предложил пересмотреть и изучить в контексте бахтинской теории романизации жанров. Романическая эпопея, основная сюжетная линия которого раскрывает историю нравственного и духовного становления главного героя – Никиты Леглярина в микрокосме его родного алааса, – то определение, на котором настаивал В. М. Переверзин в пособии к спецкурсу «Грани художественной правды. Страницы большой прозы XX века» (Якутск, 1997. С. 84). Ученый выявил в романе один из глубинных уровней истории – этический, который реализуется в романе через осознание себя в семье, в своем народе. Основными истоками творчества Амма Аччыгыйа автор назвал «народно-философские и народно-художественные ценности и традиции». Эстетические принципы Н. Е. Мординова литературовед определил как ключ, который способен открыть художественный космос писателя: «Главное для его исследователей – двигаться вперед, не останавливаясь в понимании Существа столь сложного и прекрасного мира, наполнить его своим субъективным человеческим содержанием, учитывая всю сложность исторических и культурных обстоятельств его создания, не оставляя, как сказали бы астрономы, «черных дыр» в постижении этой вселенной». Невероятно продуктивным был опыт обращения В. М. Переверзина к роману чукотского классика Юрия Рытхэу «Сон в начале тумана» (Переверзин В. М. Энергия синтеза / Грани художественной правды. Страницы большой прозы XX века. Якутск, 1997). Ученый-теоретик предложил уточнить имеющееся жанровое определение «социальный эпос». Выявив синтез двух жанровых тенденций – эпической и романической, этологический пафос в произведении, он определил жанр как роман-этология. Да, не бесспорно, но нельзя не учитывать и тот факт, что нравоописательная жанровая концепция, получившая благодаря Г. Н. Пospelову теоретическую формулировку как «этологическая», по сию пору не обрела должного историко-литературного и теоретического признания. Между тем «поэтика нравоописательных произведений интересна своей четкой соотнесенностью с жанровой проблематикой, выступающей в качестве стилиобразующего фактора» (Чернец Л. В. Литературные жанры. М., 1982. С. 5) Обращение В. М. Переверзина к национальным романам значительно углубило научное понимание типологической жанровой природы, позволило соотнести принципы жанропостроения с приемами создания эпоса в прозе народов Севера. И это новая теоретическая страница в постижении жанровой природы национального романа в литературоведении.

Владимир Михайлович был профессором строгим, серьезным, но человеком легким и веселым. Будучи деканом филологического факультета, завкафедрой, он неустанно генерировал идеи, свободно включаясь в их реализацию, будь то общественно-политическое движение «Мы – якутяне» или Якутская республиканская ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Профессор В. М. Переверзин всегда имел ярко выраженную гражданскую позицию. Помним его однозначные оценки и эмоциональную включенность в югославские события в конце 1990-х гг.

В науке профессор принадлежал к тем ученым, которые вдохновляются материалом исследования: будь то проблема теоретическая или творческий гений писателя. Всегда придерживаясь своей методологии, он в доступной форме объяснял студентам и своим ученикам особенности жанровых процессов в прозе и формировал в них своих единомышленников. Профессор всегда уважительно относился к своим предшественникам в науке и умел с ними академично входить в полемику. Это видно как в его работах, так и в лекциях, которые В. М. Переверзин читал. Филолог-классик Михаил Гаспаров выработал аксиому, которой неуклонно следовал и якутский ученый – «филология как нравственность». Вот она непременно должна стать ориентиром как в профессиональном становлении, так и в научных изысканиях для нового поколения ученых-филологов.

ХАЗАНКОВИЧ Юлия Геннадиевна – д. филол. н., профессор кафедры русской литературы XX века и теории литературы филологического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: lula1974@mail.ru

KHAZANKOVICH Yulia Gennadievna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian Literature of the XX century and Theory of Literature, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР
Электронное научное периодическое издание
4 (12) 2023

Технический редактор *Н. В. Дмитриева*
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 25.12.2023
Формат 70×108/16.
Дата выхода в свет 25.12.2023